

Дин Кунц Затаив дыхание

Аннотация

Эти удивительные существа, появившиеся, казалось бы, ниоткуда, изменяли не только жизнь тех, с кем они соприкоснулись. Мир вокруг за последние годы прогнулся под грузом бесчисленных подлостей и чудовищных преступлений. Все веселее звучало пророчество о конце света. Но кто-то там, наверху, отличающийся чрезмерным долготерпением, видимо, предпочел другой вариант. И пускай против неведомых вестников иной реальности ополчилась вся мощь государственной машины, эти солнечные создания несли человечеству не только последний шанс на выживание, но и радостную возможность выбрать единственно верный путь из времени в вечность...

Дин Кунц Затаив дыхание

*Эзопу,
опоздав на двадцать шесть столетий
и с извинениями за объем.*

Сейчас и всегда — Герде.

Наука не вправе накладывать какие-либо ограничения на философию, как телефонный аппарат не должен указывать нам, что сказать.

Г. К. Честертон

Часть первая

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

ГЛАВА 1

За мгновение до встречи странное чувство охватило Грейди Адамса — ощущение, что они с Мерлином не одни.

В хорошую погоду или в плохую Грейди и собака гуляли по лесам и лугам два часа в день. Среди дикой природы Грейди мог думать исключительно о запахах, звуках и своеобразии растений, об игре света и тени, о пути из дома и пути домой.

Поколения оленей проложили эту тропу через лес к лугу с травой и душистым клевером.

Безразличный к следам оленей, к вероятности появления в поле зрения их белых флагов-хвостов, Мерлин шел впереди, трехлетний ирландский волкодав, весом в сто шестьдесят фунтов, холка которого отстояла от земли на тридцать шесть дюймов, а голова поднималась еще выше на мускулистой шее.

Грубая шерсть собаки, местами пепельно-серая, местами более темная, почти угольная, иной раз под тенью хвойных деревьев превращала в тень и его самого, только эту тень никто не отбрасывал.

Когда тропа приблизилась к опушке, солнечный свет за деревьями вдруг изменился, стал медным, словно земля, что-то с чем-то перепутав, повернулась к закату, опередив положенный срок на многие часы, и теперь луг заливали лучи предвечернего солнца.

Когда Мерлин уже прошел между двух сосен на открытое пространство, Грейди охватил какой-то безотчетный страх — предчувствие надвигающейся встречи. Он замялся, задержавшись под сенью леса, прежде чем последовать за собакой.

Едва Грейди вышел из-под деревьев, свет потерял медный окрас и перестал мерцать. Изумрудные руки леса обнимали луг, накрытый сверху светло-синей чашей неба.

В этот день конца сентября ветерок не шевелил золотистую траву и тишина стояла, как в подземном склепе.

Мерлин застыл с поднятой головой, напрягшись, не отрывая глаз от чего-то далекого. Из всех собачьих пород ирландские волкодавы отличались самым острым зрением.

Затылок Грейди кололо, будто иголками. Не отпускала мысль, что сейчас произойдет что-то сверхъестественное. Он задался вопросом, в чем причина — в собственной интуиции или в настроенности собаки.

Стоя рядом с огромным псом, пытаясь заметить то, что уже видел его спутник, Грейди оглядывал луг, который полого спускался на юг к другому лесному массиву. Ничего не двигалось... пока что-то не двинулось.

Что-то белое, гибкое и быстрое. И не одно.

Вроде бы два каких-то животных приближались к ним по лугу, не целенаправленно, а играя. Они бегали друг за другом, сталкивались, катались по траве, вскакивали, вновь гонялись. Их поведение не оставляло сомнений в том, что они играют, а не дерутся.

В более высокой траве они чуть ли не полностью исчезали, но в основном оставались на виду. Поскольку пребывали они в непрерывном движении, Грейди никак не удавалось хорошенько их рассмотреть. Но что-то он, конечно, разглядел.

Шерсть белая. Вес порядка пятидесяти-шестидесяти фунтов, длина и рост — словно у собаки средних размеров. Но Грейди видел перед собой не собак.

В этих горах он жил до семнадцати лет, здесь провел и последние четыре года, но такие вот существа попались на глаза тридцатилетнему Грейди впервые.

Напрягшись всем телом, Мерлин наблюдал за играющей парой.

Пес попал к Грейди щенком, последние три года они провели практически вдвоем, так что Грейди без труда разбирался в эмоциях своего спутника. Неизвестные существа заинтриговали Мерлина, озадачили его, а недоумение породило настороженность.

Исходя из размеров, животные эти могли быть опасными хищниками с большими когтями и острыми зубами. Но с такого расстояния Грейди не мог определить, плотоядные они, всеядные или травоядные, хотя последнее представлялось наименее вероятным.

Страх Мерлин, похоже, не испытывал. Благодаря величине, силе и охотничьему прошлому ирландские волкодавы по праву считались бесстрашными. По натуре мирные и дружелюбные, они останавливали стаи волков, а атакующего питбуля убивали одним укусом, схватив за шею и яростно тряхнув головой.

Приблизившись на шестьдесят или семьдесят футов, белшерстные животные почувствовали, что за ними наблюдают. Прекратили игру, подняли головы.

Небо, в котором не кружили птицы, тенистые леса, залитый солнцем луг застыли в какой-то неестественной тишине. Грейди даже подумал, что, сделай он шаг, его ботинок беззвучно опустился бы на землю, а закричи — обнаружил бы, что лишился голоса.

Чтобы получше разглядеть человека и собаку, одно из белых существ присело на задние лапы. Совсем как белка.

Грейди пожалел, что не захватил с собой бинокль. Но и без него он мог сказать, что морда у животного не вытянутая и нос находится практически вровень с черными глазами. Более точному анализу мешало расстояние.

И тут день выдохнул. Ветерок зашелестел листвой за спиной Грейди.

На лугу животное опустилось на все четыре лапы, белшерстая пара побежала прочь, скользя в золотистой траве, и вскоре исчезла из виду.

Собака вопросительно посмотрела на Грейди.

— Пойдем посмотрим, — предложил он.

Там, где бегали и играли эти загадочные животные, они нашли только примятую траву. Нет земли — нет и четких отпечатков.

Мерлин вел своего хозяина по следу до самой опушки.

Тень облака прошла над ними, а потом всосалась в лес, как дым всасывается в вентиляционную решетку.

Вглядываясь в лесной сумрак, Грейди чувствовал, что за ним наблюдают. Если белшерстые умели лазать по деревьям, то могли сидеть сейчас в сосновой кроне, замаскировавшись зеленью, и разглядеть их было не так-то легко.

Охотник по происхождению и крови, с фантастическим чутьем, способный отличать самые неуловимые запахи, Мерлин не выказывал интереса к дальнейшему преследованию.

По опушке они пошли на запад, потом на северо-запад, повторяя изгиб луга, направляясь домой под просыпающим ветром. Вернулись они через северный лес.

Вокруг вновь слышались мягкие голоса природы: пели птицы, жужжали насекомые, под собственной тяжестью поскрипывали неохватные стволы хвойных деревьев.

И хотя необычная тишина ушла, Грейди тревожило ощущение сверхъестественного, которое он испытал. Всякий раз, оглядываясь, он не замечал преследователей и однако чувствовал, они с Мерлином не одни.

На длинном подъеме они вышли к речушке, которая бежала вниз по прорезанному в скалах руслу. Там, где деревья расходились, поверхность воды, в остальных местах темная и ровная, шла серебристой рябью.

Плеск и журчание воды глушило все прочие звуки, и Грейди ощутил неодолимое желание оглянуться. Но он сопротивлялся ему, пока его спутник не остановился, не повернулся, не посмотрел вниз по склону.

Грейди не пришлось приседать, чтобы положить руку на спину волкодава. Тело Мерлина напряглось.

Большая собака оглядывала леса. Кончики высоко посаженных ушей чуть наклонились вперед. Ноздри раздувались и подрагивали.

Мерлин надолго застыл в этой позе, и Грейди уже начал думать, что пес не столько что-то ищет, как рекомендует преследователю дать задний ход. Но при этом Мерлин не рычал.

Когда же волкодав тронулся с места, он прибавил ходу, и Грейди Адаме подстроился

под его скорость.

ГЛАВА 2

Власти нагрянули в незаконный питомник по разведению щенков во второй половине субботнего дня. В субботу вечером «Роки маунтин голд», общественная группа спасения золотистых ретриверов, взяла под свою опеку двадцать четыре собаки, содержащиеся в питомнике, грязных, голодных, в клещах и блохах, страдающих самыми разными болезнями, которые никто не собирался лечить.

Утром, в пять минут шестого, доктора Камиллу Райверс разбудил звонок по «горячей» линии. Ребекка Клири, президент «Роки маунтин голд», хотела знать, скольких из двадцати четырех собак сможет подлечить Камилла с учетом того, что оплачена будет только оптовая стоимость использованных лекарств.

— Привозите всех, — ответила Камми, взглянув на стоящую на прикроватной тумбочке фотографию ее золотистого ретривера, Тессы, умершей шестью неделями раньше.

Ее деловая партнерша и тоже ветеринар, Донна Корбет, на этой неделе взяла отпуск. Их старший фельдшер, Кори Херн, уехал на уик-энд к родственникам. Когда она позвонила младшему, Бену Эйкинсу, тот согласился посвятить воскресенье благому делу.

В двадцать минут седьмого караван внедорожников «Роки маунтин голд» прибыл в скромную «Ветеринарную лечебницу Корбет» с двадцатью четырьмя золотистыми ретриверами, и Камми давно уже не видела таких запущенных собак. Каждая могла быть красавицей, но сейчас все выглядели предвестниками Армагеддона.

Проведя всю жизнь в тесных клетках, где о них не только не заботились, но и подвергали побоям, принося приплод за приплодом без должной ветеринарной помощи, они боялись поднять голову, дрожали всем телом, их рвало от страха, они пугались любого, кто пытался к ним подойти, потому что знали по собственному опыту — человеческие существа жестоки, ждать от них можно или полнейшего безразличия, или крепкого пинка.

Восемь членов группы спасения помогали купать собак, сбривать шерсть около ран и язв, выстригать колтуны, проводить противоклещевую обработку, делали все необходимое, чтобы успокоить несчастных животных, придать им уверенности в своих силах.

Камми и не заметила, как прошло утро, и, взглянув на наручные часы, с удивлением увидела, что уже семнадцать минут третьего. Пропустив завтрак, она взяла пятнадцатиминутный перерыв на ленч и поднялась в свою квартиру, расположенную над ветеринарной лечебницей.

Долгое время Донна Корбет работала здесь со своим мужем, Джоном, тоже ветеринаром. Четыре года тому назад Джон умер от инфаркта. Донна разделила их большую квартиру на две и начала искать коллегу, любящую животных так же, как любили их они с Джоном, и согласную «жить на работе».

Корбеты воспринимали ветеринарию не профессией, а призванием, вот почему Камми не пришлось созваниваться со своей партнершей, принимая решение лечить собак из питомника бесплатно.

Приготовив сырный сэндвич, она открыла бутылку чая с персиковым нектаром. Поела, стоя у кухонной раковины.

Пока она работала с добровольцами из «Роки маунтин голд», ей позвонили дважды. Один раз — по поводу заболевшей коровы. Она дала телефон Амоса Ренфрю, лучшего коровьего доктора во всем округе.

Второй звонок, от Нэша Франклина, касался лошади на ферме «Высокий луг». Ситуация не требовала немедленного вмешательства, и Камми сказала Нэшу, что подъедет во второй половине дня.

Она уже доедала сэндвич, когда снизу позвонил Бен Эйкинс, ее фельдшер.

— Камми, ты должна на это посмотреть.

— Что не так?
— Эти собаки, я никогда такого не видел.
— Уже иду. — Она отправила в рот последний кусочек сэндвича и дожевала его уже на бегу.

Собаки из таких питомников по разведению щенков обычно получают настолько сильные физические и эмоциональные травмы, что новое для них ощущение свободы — открытые пространства, автомобили, ступени, по которым они никогда не спускались и не поднимались, странные звуки, мыло и вода, даже добрые слова и мягкие команды — может ввергнуть их в состояние шока. Чаще всего причиной шока становились обезвоживание и оставленные без лечения болезни, но Камми сталкивалась с ситуациями, когда шок вызывала именно новизна впечатлений.

Даже после того, как собак лечили от всех болезней, долгие месяцы уходили на то, чтобы они восстановили эмоциональное равновесие, но в конце концов они обучались нормальному общению с людьми, становились радостными и веселыми, могли доверять людям и любить людей.

Спускаясь по наружной лестнице, которая вела в ее квартиру, Камми молила Бога, чтобы все собаки поправились и расцвели, чтобы ни одна не стала жертвой болезни или шока.

Камми вошла в лечебницу через парадную дверь, пересекла маленькую приемную, коридором прошла мимо четырех смотровых палат, толкнула вращающуюся дверь и оказалась в большом, вымощенном керамической плиткой зале, где стояло как лечебное оборудование, так и устройства для ухода за животными.

Увиденное приятно поразило Камми, потому что столкнулась она совсем не с кризисной ситуацией. Все доставленные из питомника животные разом избавились от тревог и озабоченности, забыли мучения, которым подвергались до этого, и наслаждались новой жизнью. Помахивая хвостами, сверкая глазами, улыбаясь знаменитой улыбкой золотистых ретриверов, они радостно подставляли животы и уши под почесывания добровольцам «Роки маунтин голд». Они тыкались носом друг в друга, обследовали помещение, обнюхивали то или иное из обстановки, проявляя здоровое собачье любопытство ко всему, что совсем недавно их пугало. Ни одна собака не лежала, потеряв всяческий интерес к жизни, не прятала морду, не дрожала всем телом.

Это невероятное зрелище заставило Камми встать столбом у самой двери. Когда же она двинулась дальше, к ней поспешил Бен Эйкинс.

Бен, двадцатисемилетний парень, по натуре оптимист, сейчас сиял, как медный таз.

— Это просто фантастика! Ты видела что-то подобное, Камми? Видела?

— Нет. Никогда. Что здесь произошло?

— Мы не знаем. Собаки оставались такими же, как и при поступлении, озабоченными, тревожными, жалкими. А потом они... они... Они вдруг затихли, все до единой. Навострили уши, слушали... и что-то слышали.

— Слышали что?

— Не знаю. Мы ничего не смогли услышать. Они подняли головы. Встали. Стояли, замерев, не шевелясь, и что-то слушали.

— Куда они смотрели?

— Никуда. Кто куда. Не знаю. Но взгляни на них теперь.

Камми прошла в центр зала. Спасенные животные разбрелись по помещению и вели себя как самые обычные собаки.

Когда она присела, к ней подошли два ретривера, виляя хвостами в ожидании проявлений любви. Потом третий, четвертый, пятый. Язвы, шрамы, гематомы на ушах, дерматит от укусов блох никуда не делись, но больше не беспокоили животных. Один ретривер наполовину ослеп, потому что глаза никто не лечил. Другой прихрамывал из-за коленного вывиха, но все были счастливы и ни на что не жаловались. Исхудавшие и избитые, проведенные на свободе менее двадцати четырех часов, они внезапно полностью освоились в

новой жизни, не испытывали страха, не шарахались от людей.

Ребекка Клири, возглавлявшая группу спасения, опустилась на колени рядом с Камми.

— Ущипните меня. Такое может быть только во сне.

— Бен говорит, что они разом поднялись, к чему-то прислушиваясь.

— И стояли с минуту. Слушали, напряженные. Нас словно здесь и не было.

— В каком смысле?

— Они нас не замечали. Можно сказать... впали в транс.

Камми, держа морду ретривера обеими руками, большими пальцами потерла брылы. Собака, ранее испуганная и застенчивая, воспринимала массаж с удовольствием, встретила с ней взглядом и не отводила глаз.

— Поначалу это даже пугало... — продолжила Ребекка.

Глаза у собаки были такими же золотистыми, как шерсть.

— ...но потом они снова нас заметили и перестали шарахаться.

Глаза собаки блестели, как драгоценные камни. Топазы. Свет, казалось, шел изнутри. Красивые глаза — ясные, искренние, серьезные.

ГЛАВА 3

Съезд на проселок оказался там, где он и ожидал его найти, в двух сотнях ярдов от мильного столба с цифрой «76» на находящемся в ведении штата шоссе. Он сбросил скорость почти до нулевой, боясь, что его надежды не осуществятся, а теперь повернул руль «Лендровера» направо, сворачивая на одноколейный проселок.

Генри Роврой не видел своего брата-близнеца Джеймса пятнадцать лет. С тревогой, но при этом и с радостью ожидал встречи.

Их пути уже давно разошлись. И так быстро пролетели все эти годы.

Поначалу, когда идея найти Джима пришла в голову Генри, он ее отмел. Тревожился из-за того, что его, возможно, не встретят с распростертыми объятиями.

Они никогда не испытывали пресловутой духовной связи, свойственной близнецам. Но, с другой стороны, они никогда и не цапались. Так что повода затаить злобу ни у одного из них не было.

Просто чуть ли не с рождения они разительно отличались друг от друга, их интересы не совпадали и не пересекались. Даже в детстве Генри любил общение, его всегда окружали друзья. Джимми предпочитал одиночество. Генри не мыслил себя без спортивных игр, активной жизни, покорения новых высот. Джимми вполне устраивала компания книг.

Когда родители развелись, им было по двенадцать. Вместо того чтобы делить опеку над обеими детьми, отец увез Генри в Нью-Йорк, а мать с Джимми уехала в маленький городок в штате Колорадо. Многим это решение показалось естественным.

С тех пор они виделись только однажды. В двадцать два года, на оглашении завещания их отца. Мать умерла от рака годом раньше.

Они решили не терять связи. В последующий год Генри написал брату пять писем, и Джим ответил на два. Потом Генри писал реже и ни разу не получал ответ.

Генри смирился с тем, что, с одной стороны, они — братья, а с другой — полнейшие незнакомцы. И как ему ни хотелось ощущать себя частичкой дружной семьи, ничего такого не было и в помине.

Человеческое сердце частенько жаждет недостижимого. Время и обстоятельства привели Генри в сельскую часть Колорадо, с надеждой, что их отношения переменятся.

Сосны подступали к дороге, нижние ветви покачивались в считанных дюймах от крыши «Лендровера». Даже днем пришлось включить фары.

Ранее эта земля принадлежала Университету Колорадо. В уединенном доме Джима жили ученые, которые исследовали экологию хвойных лесов и проверяли теории лесопользования.

Плотно укатанная земля кое-где сменялась сланцем, и, отъехав от шоссе на девять десятых мили, Генри прибыл к жилищу брата. Увидел обшитый досками одноэтажный дом с большим крыльцом, на котором находились кресла-качалки и качающийся диван. Скромный, но уютный и ухоженный, дом стоял в тени ив и осин.

Генри знал, что площадь расчищенного участка — шесть акров, потому что именно так — «Шесть акров» — называлось одно из стихотворений брата. Стихи Джимми появлялись во многих престижных журналах. Вышли и две тоненькие книжечки его поэзии.

Но поэзия денег не приносила. Джим и его жена Нора выращивали на этих шести акрах овощи, которые потом продавали в лотке на местном фермерском рынке.

К амбару примыкал большой крытый и огороженный птичник. В теплое время года поголовье кур резко возрастало. На зиму оставлялись лишь немногие. Яйца Джим и Нора тоже продавали.

Нора шила стеганные одеяла такой красоты, что они по праву считались произведениями искусства. Продавались эти творения в галереях, и Генри полагал, что основной доход в семью приносила Нора, хотя богатыми они не были.

Генри узнал все это из стихотворений брата. Тяжелая работа и фермерская жизнь — вот о чем он, по большей части, писал. Джим продолжал давнюю традицию американских сельских поэтов.

Следуя колее между домом и амбаром, Генри увидел брата, который колол дрова большим топором. Рядом стояла тачка, заполненная наколотыми поленьями. Генри остановил «Лендровер», вышел из кабины.

Джим вонзил топор в пень, который использовал как колоду для колки дров, и оставил там. Снимая истертые кожаные перчатки, воскликнул:

— Господи!... Генри?

Выражение лица Джима говорило о том, что он просто не верит своим глазам. Генри предпочел бы увидеть радость. Но, направившись к брату, Джим заулыбался.

Протянув руку для рукопожатия, Генри удивился и обрадовался тому, что Джимми обнял его.

Хотя Генри регулярно занимался и на беговой дорожке, и на силовых тренажерах, Джим был мускулистее и крепче. С лица Генри еще не сошел загар после летнего отпуска, но и в этом он уступал Джиму, который большую часть времени проводил под открытым небом.

Нора вышла из дома на крыльцо посмотреть, что происходит.

— Господи, Джим! — воскликнула она. — Ты себя клонировал.

Выглядела она отлично: волосы цвета соломы, темно-синие глаза, обаятельная улыбка, мелодичный голос.

На пять лет моложе Джима, она стала его женой двенадцать лет тому назад, как следовало из сведений об авторе, приведенных в его книгах. Генри никогда с ней не встречался и не видел ее фотографию.

Она назвала его Клодом, но он сразу же поправил ее. Первое свое имя не жаловал, отзывался на второе.

Она поцеловала его в щеку, и ее дыхание пахло корицей. Она сказала, что ела сдобную булочку, когда услышала шум подъехавшего автомобиля.

В доме, на кухонном столе, рядом с тарелкой со сдобными булочками, лежали пять складных ножей, которые, вероятно, использовались в хозяйстве.

Наливая кофе, Нора ничего не сказала о ножах. Как и Джим, когда переложил их и два точильных бруска со стола на разделочный столик у раковины.

Нора настояла на том, чтобы Генри остался у них, заявив, что спать ему придется на диване в клаустрофобической комнате, которую Джим называл кабинетом.

— Гость в нашем доме не ночевал уже девять лет, — и после этих слов Джим, как показалось Генри, многозначительно переглянулся с Норой.

А потом потекла непринужденная беседа у кухонного стола, за кофе и только что испеченными булочками с корицей.

Нора так заразительно смеялась. А ее руки, сильные и огрубевшие от работы, оставались изящными и такими женственными.

Она так разительно отличалась от женщин-акул, которые составляли круг общения Генри в городе. Он порадовался за брата.

И хотя он млел от устроенного ему теплого приема, от их стараний сделать все, чтобы он чувствовал себя как дома и в кругу семьи, Генри никак не мог полностью расслабиться.

Тревога его отчасти вызывалась ощущением, что Джим и Нора постоянно вели внутренний разговор, без слов, основанный на взглядах, жестах, телодвижениях.

Джим удивился, узнав, что кто-то привлек внимание Генри к его поэзии.

— Каким образом они могли узнать, что мы — братья?

И действительно, они носили разные фамилии. После развода родителей Джим, с соблюдением всех юридических формальностей, взял девичью фамилию матери — Карлайт.

— Даже не знаю, — сухо ответил Генри. — Может, из-за твоей фотографии на обложке.

Джим рассмеялся, и, хотя похвалы брата его смущали, они поговорили о его творениях.

Генри больше всего нравилось стихотворение «Амбар», описывающее скромный интерьер этой хозяйственной постройке так ярко и образно, что возникало ощущение, будто речь идет о кафедральном соборе.

— Величайшая красота — в повседневном, — объяснил Джим. — Хочешь взглянуть на этот амбар?

— Да, конечно, — Генри не мог облечь в слова восторг, который вызывало у него творчество брата. Стихи Джима несли в себе что-то неуловимое, практически не поддающееся обсуждению. — Я очень хочу взглянуть на амбар.

Безусловно влюбленный в уголок мира, который они с Норой сделали своим, Джим улыбнулся, кивнул и поднялся из-за стола.

— Я положу белье на диван и начну думать об обеде, — встала и Нора.

Следуя за Джимом к двери из кухни, Генри глянул на ножи на разделочном столике. Теперь выглядели они скорее не обычными ножами, а орудиями убийства. Лезвия длиной в четыре или пять дюймов, с покрытием, которое не отражало свет. Два — с приспособлением для быстрого открытия лезвия.

Но опять же Генри ничего не знал о работе на ферме. Эти ножи могли свободно продаваться в любом магазине, снабжающем фермеров всем необходимым.

Снаружи по-прежнему теплый воздух ласкал лицо. Разрубленные кругляки пахли деревом и смолой.

Над головой выписывали пересекающиеся круги две великолепные птицы с размахом крыльев в четыре фута. Одна — с белым брюшком и крыльями. Чернели только их кончики. Вторая — в резких белых и коричневых полосах.

— Полевые луни, — пояснил Джим. — Белый с черными кончиками перьев — самец. Луни — хищные птицы. Когда охотятся, летают над полями и убивают, камнем падая сверху.

Он выбил топор из пня-колоды.

— Лучше положить его в амбар, а не то забуду и оставлю здесь на ночь.

— Луни, — повторил Генри. — Они так прекрасны. Даже не верится, что они кого-то убивают.

— Едят они в основном мышей, — ответил Джим. — Но и птиц поменьше.

Генри поморщился:

— Каннибалы?

— Они не едят других луней. В том, что они едят птиц меньших размеров, никакого каннибализма нет. Мы же едим других млекопитающих... свиней, коров.

— Живя в городе, мы, скорее всего, идеализируем природу, — вздохнул Генри.

— Знаешь, когда ты принял естественный порядок вещей, в танце хищника и дичи открывается удивительная красота.

Направляясь к амбару, Джим нес топор обеими руками, словно собираясь вскинуть его и нанести удар, если вдруг понадобилось бы что-то разрубить.

Полевые луны улетели.

Обернувшись к дому, Генри увидел Нору, которая следила за ними из окна. Со светлыми волосами и в белой блузке она выглядела прильнувшим к стеклу призраком. Тут же отошла.

— Жизнь и смерть! — воскликнул Джим.

— Что?

— Хищники и дичь. Необходимость смерти, если жизнь должна иметь смысл и значение. Смерть — как часть жизни. Я работаю над сборником стихотворений на эту тему.

Джим открыл дверь, расположенную рядом с большими воротами. Генри наблюдал, как брат ступает на полосу солнечного света, улегшуюся на пол амбара, без единого окна, а потому темного.

В амбаре, за мгновение до того, как вспыхнули лампы, Генри решил, что сейчас увидит совсем не то, что описывалось в стихотворении Джима, что это стихотворение — ложь, что выращивание овощей, и шитье одеял, и открытость и доброжелательность — все ложь, а реальность этого места и эти люди ужаснее всего, что он только мог себе представить.

Когда же Джим повернул выключатель, несколько электрических ламп, вспыхнув одновременно, осветили просторное помещение, открыв, что это амбар и только амбар. По левую руку стояли трактор и канавокопатель. По правую — две лошади в стойлах. В воздухе пахло сеном и кормовым зерном.

Хотя предчувствие дурного, охватившее Генри, не подтвердилось и он понял, что боязнь брата столь же абсурдна, как боязнь трактора, или лошадей, или запаха сена, но ощущение надвигающегося безымянного ужаса никуда не делось, даже не ослабло.

За его спиной дверь захлопнулась под собственным весом.

Джим повернулся к нему с топором в руках, Генри отпрянул, а Джим прошел мимо него к стене, чтобы повесить топор рядом с другими инструментами.

С гулко бьющимся сердцем, прерывисто дыша, Генри вытащил пистолет «ЗИГ П245»¹ из плечевой кобуры, совершенно незаметной под ладно скроенным пиджаком, и выстрелил в брата-близнеца, дважды в грудь, один раз — в лицо.

Генри приехал сюда в надежде, что его отношения с братом переменятся, и его надежда реализовалась. Клод Генри Роврой начал процесс превращения в Джеймса Карлайта.

На пистолете стоял глушитель, поэтому выстрелы прозвучали практически бесшумно, даже не напугали лошадей.

Стоя над трупом, Генри попытался успокоить дыхание. Дрожь в руке заставила его вернуть пистолет в кобуру, чтобы избежать еще одного, случайного выстрела.

Он волновался, что у брата могут возникнуть подозрения относительно его приезда. Он боялся, что не сможет нажать на спусковой крючок, когда наступит решающий момент. Подавляя эти страхи, которые могли помешать реализации его плана, он спроецировал свои мотивы на Джима, вообразив, что они с Норой плетут заговор против него, находя в повседневных предметах — ножах, топоре — доказательства преступных намерений. Он неправильно истолковал невинные действия: провожающий взгляд Норы из окна, разговоры Джима о лунях, о хищниках и дичи.

Через пару минут, когда дыхание пришло в норму, а руки перестали дрожать, Генри даже посмеялся над собой. И хотя смеялся он тихо, что-то встревожило лошадей. Они нервно заржали и принялись бить в пол копытами.

ГЛАВА 4

¹ «ЗИГ П245/SIG P245» — современный автоматический пистолет. Выпускается с 1998 г. Рассчитан в основном для скрытого ношения, имеет компактные размеры, однако его масса довольно значительна. С другой стороны, относительно большая масса оружия помогает снизить ощущаемую стрелком отдачу при стрельбе достаточно мощными патронами 45-го калибра.

Грейди жил в двухэтажном доме, обшитом серебристыми кедровыми досками и под крышей из черных шиферных плиток, последнем из десяти домов, построенных на этом шоссе, которое находилось в административном ведении округа. Двухполосная асфальтированная дорога не имела названия, только номер, но местные называли ее Крекер-драйв, в честь Крекера Конли. Именно он построил, а потом сорок лет прожил в доме, который теперь занимал Грейди.

Никто не помнил первое имя Крекера или причину, почему его так прозвали. Несомненно, личностью он был эксцентричной и людей сторонился, потому что местные воспринимали Крекера скорее как легенду, чем как реального человека, с которым им доводилось общаться.

По их мнению, стремление Грейди к уединению усиливалось самим домом. Они редко называли его домом Конли или домом Крекера, никогда — домом Адамса или домом-в-конце-дороги. Дом отшельника — вот как его называли местные и относились соответственно, предпочитая держаться подальше.

По большей части такое отношение Грейди вполне устраивало. Человеконенавистником он себя не считал, но в недавние годы очень уж много — слишком много — общался с людьми и по этой причине вернулся в эти малонаселенные горы. И на какой-то период времени, может, и на достаточно долгий, отдал предпочтение уединению, которое так обожал Крекер Конли.

На кухне, вернувшись с прогулки, ознаменовавшейся встречей со столь необычными животными, Грейди приготовил Мерлину положенную расписанием дня трапезу. Приготовление заняло больше времени, чем сам процесс.

— Тебя называли правильно, умеешь ты заставить еду исчезнуть.

Мерлин облизнулся и направился к двери, чтобы его выпустили во двор.

Половина трехакрового участка находилась за домом. После обеда волкодав любил побродить по территории, обнюхать траву и выяснить, какие обитатели лесов и полей в последнее время побывали здесь. Для Мерлина двор выполнял роль газеты.

Выйдя на заднее крыльцо с бутылкой ледяного пива в руке, Грейди сел в одно из кресел-качалок из тика, с обивкой сидений цвета красного вина.

Около кресла стоял низкий столик из черного мрамора. На нем лежали три справочника, взятые в домашней библиотеке.

Не уступая вниманием детективу, обследующему место преступления, зарывшись носом в траву, Мерлин определялся с личностями незваных гостей.

Высокая береза росла у северной стены дома, еще три укрывали тенью двор. Их белую кору лучи предвечернего солнца местами окрашивали золотом. Иногда Мерлин вроде бы следовал теням берез на траве, словно тени эти являли собой криптограммы, которые он намеревался прочитать и расшифровать.

Забор Мерлину не требовался. Он неукоснительно соблюдал правило — оставаться в поле зрения хозяина.

Участок Грейди заканчивался там, где выкошенная трава уступала место высокой. Далее начинался лес, растущий на полого поднимающемся склоне. Холмы зелеными волнами накатывали на горы, а уж горы тянулись к небу.

Время от времени Мерлин метил территорию. Но, справляя большую нужду, уходил в высокую траву, где прибираться за ним не приходилось. И даже тогда оставался на виду, потому что трава не поднималась выше его груди.

Вернувшись во двор, он бегал кругами и выписывал восьмерки, ни за кем не гонялся, просто получал удовольствие от бега. Его длинные лапы были созданы для скорости, сердце — для радости.

Привлекательность собаки определялась не только породистостью, но и более глубокой красотой, указывающей на ее источник и вселяющей надежду. Изготавливать мебель в стиле кантри — такой была его профессия — и наблюдать за Мерлином, эти два занятия Грейди ставил выше любых других.

Когда волкодав вернулся на крыльцо, попил воды из миски и устало улегся у кресла-качалки, Грейди взял со стола одну из книг. Как и две другие, это был справочник по диким животным, обитающим в этих краях.

Он променял суету на покой, власть на умиротворенность, нарочитый блеск на простоту природных ландшафтов. Но при всей своей простоте природа стояла выше искусства, свободная от его претенциозности.

Пойдя на такой обмен, Грейди хотел знать, какие именно живые существа населяют эту землю. Узнавая их названия, он тем самым выказывал им уважение.

В его библиотеке были десятки томов о флоре, фауне, геологии, естественной истории этих гор. Три справочника, что лежали сейчас на столе, отличались обилием фотографий.

Но ни в одном не нашлось фотографии животного, даже отдаленно напоминающего ту пару на лугу. Когда солнце скатилось за горные пики, Мерлин поднялся и подошел к лестнице. Встал, как часовой, глядя через двор на высокую траву, на леса за ней.

Волкодав издал звук, нечто среднее между урчанием и рычанием, не предупреждающий об опасности, но свидетельствующий о том, что его что-то удивляет.

— В чем дело? Что-то учуял, большой мальчик?

Мерлин не повернулся к Грейди, продолжал смотреть на тени, сгущающиеся среди далеких деревьев.

ГЛАВА 5

Стены мерцающего золота обрамляли черный асфальт, золотые полотнища ложились на него: вдоль частной дороги, которая вела к ферме «Высокий луг», выстроились одетые в осенний наряд осины, и лучи предвечернего солнца золотили и листья, и асфальт, то бросали тень на ветровое стекло «Эксплорера» Камми, то ярко освещали его.

Она проехала мимо великолепного особняка к конюшням и припарковалась рядом с трейлерами для перевозки лошадей. С медицинским саквояжем в руке направилась к выгульному двору, с двух сторон которого стояли две конюшни, покрашенные изумрудно-зеленой краской и с белой отделкой.

У подающей большие надежды годовалой лошади обнаружилась аллергическая сыпь — крапивница, как называли ее конюхи постарше. Она прошла бы и сама по себе, но, чтобы избавить лошадь от неприятных ощущений, Камми могла вылечить ее инъекцией антигистаминного препарата.

В конце двора находилось еще одно здание, на первом этаже которого размещались амуничник и кабинет тренера Нэша Франклина. На втором этаже жили конюхи.

В кабинете Нэша горел свет. Камми встретила распахнутая дверь, но не было ни одной живой души. Пустовал и огромный амуничник.

В первой конюшне Камми обнаружила, что все стойла открыты, а лошадей нет.

Выйдя на улицу, она услышала голоса и пошла на них к огороженному лугу с северной стороны конюшни.

И увидела на лугу огромное количество чистопородных лошадей: годовалых жеребцов и кобылок, племенных кобыл, жеребцов-производителей, скаковых лошадей, общим числом не меньше сорока. Она никогда не видела, чтобы их всех собирали вместе, и представить себе не могла, для чего это сделали.

Многих лошадей сопровождали их любимцы. Чистопородная лошадь больше радовалась жизни и вела себя спокойнее, если компанию ей составляло животное, которое ей нравилось. Оно даже делило с лошадью стойло. Эта роль более всего подходила козам, в меньшей степени — собакам. Но на лугу Камми увидела и нескольких кошек, и даже одну утку.

Но больше всего ее заинтересовал не сам факт этого необычного сборища, всего табуна и зверинца. Проходя через открытые ворота на луг, Камми заметила, что все животные

смотрят на запад. В сторону гор. И застыли, словно изваяния.

Вскинув головы, с остановившимся взглядом, они скорее не смотрели на что-то... а слушали.

Внезапно Камми поняла, что стала свидетельницей сцены, аналогичной той, о которой ей рассказывал Эйкинс: в ее отсутствие спасенные золотистые ретриверы поднялись, чтобы выслушать некое послание, недоступное присутствующим при этом людям.

Наклонные лучи солнца освещали морды лошадей. Тени их голов, становясь продолжением гривы, накрывали спину и хвост, тянулись по траве на восток, тогда как самих лошадей притягивал запад.

Находились на лугу и шестеро конюхов. А также владельцы фермы «Высокий луг», Эллен и Том Вирони.

В полном замешательстве люди ходили между животными, ласково поглаживали лошадей, что-то им тихонько говорили. Но для лошадей они, похоже, просто не существовали.

В таком же трансе пребывали козы, собаки, кошки и единственная утка. Все они вслушивались в то, что могли слышать только животные.

Достаточно высокий для того, чтобы смотреть лошади в глаза, даже когда та гордо поднимала голову, Нэш Франклин первым заметил Камми. Направился к ней.

— Они в таком состоянии уже минут пятнадцать. Началось все с тех нескольких, что находились на выгульном дворе и на лугу.

По словам ее фельдшера Бена Эйкинса, золотистые ретриверы простояли в трансе примерно минуту.

— Те, что находились в конюшне, начали так сильно брыкаться, что мы испугались, как бы они не повредили ноги.

— Они чего-то испугались?

— Вроде бы нет. Скорее... требовали, чтобы их выпустили. Мы не знали, что происходит. До сих пор не знаем.

— Вы их выпустили.

— Чувствовали, что должны. Они сразу пришли на луг, чтобы быть с остальными. И не хотят уходить. Что происходит, Камми?

Она подошла к ближайшей лошади, Галахад, великолепному трехлетнему жеребцу с темной коричнево-красной, почти черной шерстью, весом порядка тысячи двухсот фунтов.

Замерший, как и другие лошади, Галахад казался застывшим, напряженным. Но, погладив ему живот, бок, плечо, Камми обнаружила, что мышцы расслаблены.

Прижала руку к яремному желобу и повела по мускулистой шее. Жеребец не шевельнулся, даже не повернул глаз, чтобы посмотреть на нее.

Рост Камми составлял пять футов и четыре дюйма, так что Галахад горой возвышался над ней. Породистые лошади обычно своенравны, некоторые могут полностью подчиняться тренеру, но очень немногие подпускают к себе кого угодно. Однако в этот конкретный момент Галахад более всего напоминал барашка. И создавалось ощущение, что на западные горы он смотрит не по своей воле.

Ноздри его не раздувались, уши не подергивались. Легкий ветерок шевелил и челку, и гриву, но в остальном Галахад оставался недвижим. Даже когда Камми погладила его по щеке, глаз не повернулся к ней.

Она проследила за взглядом жеребца, но не увидела ничего необычного ни на равнине, ни в поднимающихся за ней холмах, ни в горах, за которые скатывалось огромное закатное солнце.

— Ну? — спросил стоявший рядом Нэш Франклин.

Прежде чем Камми успела ответить, лошади шевельнулись, выходя из транса. Затрясли головами, зафыркали. Принялись оглядываться. Некоторые наклонились и начали щипать травку. Другие пустились в галоп, наслаждаясь движением, прохладным воздухом, оранжевым светом, который заливал луг. Любимцы лошадей тоже ожили — козы, собаки,

кошки и утка.

Все животные вели себя как и всегда, чары спали. И, однако, после случившегося все, что ранее воспринималось обыденным, теперь казалось магическим: шепот травы, мягкие удары копыт, мчащиеся лошади и бегущие следом собаки, последние в сезоне светляки, внезапно появившиеся в предвечернем воздухе, тени конюшен, закатывающееся за горы солнце, небо, лиловое на востоке и залитое огнем на западе.

Конюхи и их помощники, тренер и его ассистенты, Эллен и Тим Вирони, Камми Райверс поворачивались друг к другу с невысказанными и остающимися без ответа вопросами: *«Почему животные вели себя как зачарованные? Что они слышали, если действительно слушали? Что здесь произошло? Что до сих пор происходит? Что я сейчас ощущаю, это чудо без видимой причины, это ожидание неизвестно чего? Что мне не удалось ни увидеть, ни услышать?»*

Перед глазами Камми все расплылось. Она не знала, по какой причине они наполнились слезами. Промокнула слезы рукавом рубашки и моргала, моргала, пока мир вновь не обрел четкие очертания.

ГЛАВА 6

Лунь появился с востока и летел навстречу осеннему свету заходящего солнца на высоте десяти футов над полем, с которого убрали урожай, удлинённая тень птицы скользила по земле. Внезапно хищник камнем упал вниз и что-то схватил, по-прежнему оставаясь в воздухе. А потом начал подниматься к солнцу, пролетел над Генри Ровроем, который направлялся от амбара к дому.

Генри поднял голову и заметил мышь, пытающуюся вырваться из когтей. Зрелище это привело его в восторг, подтвердило убежденность в том, что он ничем не отличается от этого крылатого хищника, имеющего полное право решать, где и кого убивать.

За годы службы обществу Генри начал осознавать, что он — зверь, жестокость которого сдерживают те немногие средства подавления, которые предоставили в его распоряжение воспитание и образование. Не так уж и давно он решил более не сдерживать себя и показать свое истинное лицо. Стать монстром. Пока еще он не смог полностью реализовать себя в новой ипостаси, но дело к этому шло.

Нору он нашел на кухне. Она стояла у раковины и чистила картофель.

Со временем Генри намеревался найти себе женщину, но не для того, чтобы она готовила ему еду. Физически Нора возбуждала его, и у него мелькнула мысль силой взять то, что с готовностью давали его брату.

Она не догадывалась о его присутствии, пока он не спросил: «В доме есть подвал?»

— Ох! Генри. Да, хороший, большой подвал. Картофель там хранится большую часть зимы.

Она тоже могла бы там храниться, но он отказался от этой мысли. Когда придет время обзавестись женщиной, он выберет более молодую, которую легче напугать, а не эту, крепкую, уверенную в себе и полную сил.

— Где Джим? — спросила она.

— В амбаре. Прислал меня за тобой. Он думает, с одной из лошадей что-то не так.

— Что? Что не так?

Генри пожал плечами:

— Я в лошадях ничего не понимаю.

— С какой... моей Красоткой или Самсоном?

— С той, что во втором стойле.

— Там Самсон. Джим любит эту лошадь.

— Я не думаю, что дело серьезное. Но что-то не так.

Сполоснув руки и быстро вытерев их посудным полотенцем, Нора поспешила из кухни.

Генри последовал за ней.

— Так ты никогда не ездил на лошадях? — спросила она, спускаясь со ступенек крыльца.

— Езжу только на том, что имеет колеса, — ответил он.

— Нет ничего лучше, чем оседлать коня и скакать по лугу в ясное утро. Мир вокруг тебя красив, как никогда.

— Судя по твоим словам, попробовать стоит. Пожалуй, научусь.

— Лучшего инструктора, чем Джим, тебе не найти.

— Удачливый фермер, поэт, умелый наездник. За Джимом не так-то легко поспеть, даже если ты его одноклассник.

Он говорил лишь для того, чтобы не дать угаснуть разговору, чтобы отвлекать Нору. Слова ни в чем не выдавали его намерения, но что-то в интонациях, возможно, показалось ей подозрительным.

Не дойдя с полдюжины шагов до двери в амбар, Нора остановилась, повернулась, всмотрелась в Генри. И то, что она услышала в голосе, нашло подтверждение в выражении его лица, потому что глаза Норы широко раскрылись: она поняла, с кем имеет дело.

Все наши пять чувств служат шестому, и это шестое — интуитивное осознание опасности, грозящей телу или душе.

Он понял, что ей все известно, и она это подтвердила, отступив от него на шаг, потом на другой.

Когда Генри достал пистолет из-под пиджака, Нора повернулась в попытке убежать. Он выстрелил ей в спину и еще раз, когда она упала на землю лицом вниз.

Убрав пистолет в кобуру, Генри перевернул Нору на спину, схватил за запястья, волоком затащил в сарай и положил рядом с мужем.

Первый выстрел убил ее мгновенно. Крови из ран вытекло совсем ничего.

Лежала Нора с открытыми глазами. Генри долго смотрел в них, в пустые глаза, совсем недавно светившиеся жизнью, которую он у нее отнял.

До этого дня он никого не убивал, и его порадовало, что он может это сделать. Порадовало и другое: он не испытывал ни чувства вины, ни тревоги.

Как некогда у Гамлета, не было у него ни духовной морали, ни ощущения священного порядка. Но, в отличие от Гамлета, отчаяния у него это не вызывало.

В Гарварде Генри защитил диплом по политологии. Вторым основным предметом была литература.

Принц Гамлет играл заметную роль в обеих дисциплинах. Литература видела в нем фигуру трагическую. Ему приходилось силой насаждать законы священного порядка, в которые он сам больше не верил. В определенных кругах политологов он служил примером того, что в определенных ситуациях насилие и анархия предпочтительнее нерешительности.

Генри не знал ни отчаяния, ни нерешительности. Он был человеком своего времени и, как ему нравилось думать, всех времен.

Потом он намеревался воспользоваться канавокопателем, чтобы вырыть общую могилу этой паре. В «Лендровере» лежал пятидесятифунтовый мешок с известью, которую он собирался высыпать на тела, чтобы ускорить разложение и замаскировать запах. Опять же, известь уменьшала шансы на то, что какой-нибудь пожиратель падали разроет могилу.

Оставив трупы в амбаре, Генри прошел к «Роверу», открыл заднюю дверцу и достал два маленьких чемодана. В каждом лежало по миллиону долларов, сотенными и двадцатками. Чемоданы он отнес в дом.

ГЛАВА 7

По пути из Чикаго на конференцию в Денвер доктор Ламар Вулси завернул в Лас-Вегас. Белое солнце сияло на бледном небе. Вечер только приближался, и жара окутывала

высотные отели, улицы и огромные автомобильные стоянки. Окружающая пустыня запасла достаточно энергии, чтобы всю ночь согревать город.

В такси по дороге из аэропорта Ламар наблюдал, как восходящие потоки воздуха искажали далекие здания, заставляя их мерцать, словно миражи. Вблизи окна и стеклянные стены, подставленные солнечным лучам, казалось, вспучивались, эта иллюзия вызывалась движением такси, изменением положения автомобиля относительно зданий.

Иллюзия и реальность. Первая зачаровывала большинство людей нашего времени; вторая давно уже вышла из моды. Этот город-казино являл собой наглядное доказательство того, что фантазии человечество ставило выше правды.

В номере отеля Ламар переоделся в белые теннисные туфли, белые слаксы, синюю гавайскую рубашку и белый пиджак.

В денежном поясе под рубашкой лежали десять тысяч долларов сотенными. Еще две тысячи он рассовал по карманам.

Где бы ни находился Ламар, он никогда не играл в казино в своем отеле. Иначе пит-босс¹ без труда смог бы установить его имя.

По Южному бульвару Лас-Вегаса он зашагал на север, растворившись в толпе туристов. В большинстве своем они носили солнцезащитные очки, некоторые — такие черные, что казалось, будто они не защищают глаза, а скрывают тот факт, что глаз у их владельцев нет вовсе — только гладкая кожа на том месте, где положено быть глазам.

Он выбрал казино и стол для блэк-джека². Купил фишек на шестьсот долларов.

Шестидесяти лет от роду, с круглым коричневым лицом доброго дедушки, напоминающим людям любимого комика и звезду телесериалов, с курчавыми седыми волосами, весящий на двадцать фунтов больше, чем следовало, Ламар Вулси редко вызывал подозрения. Сотрудники казино мельком глянули на него и потеряли всякий интерес.

Темнокожий дилер радушно встретил его: «Присаживайтесь, брат» — слишком молодой, чтобы уставать от разговоров ни о чем.

Ламар назвалсся Бенни Мандельбротом, поболтал со всеми, терпеливо поясняя, почему он здесь.

Несколькими десятилетиями раньше, когда в моду вошел карточный счет, большинство казино перешло на шестиколодные башмаки³. Держать в голове 312 карт, чтобы рассчитать вероятность удачного расклада, во многие разы сложнее, чем при игре одной колодой, и эти трудности отпугивали как дилетантов, так и большинство шулеров.

Зато при сдаче карт из шестиколодного башмака, если уж начинало везти, то выигрышная серия могла продлиться дольше и принести больше денег, чем при игре с одной колодой. Через три часа шестьсот долларов Ламара превратились в одиннадцать тысяч.

Сотрудники казино заинтересовались им, но еще ни в чем не заподозрили. Они надеялись, что он просидит за столом достаточно долго, чтобы спустить весь выигрыш.

Он рассеивал подозрения, иной раз проигрывая. Когда дилер открывал короля, а в колоде еще оставалось много картинок, Ламар останавливался на паре семерок и проигрывал. Четко рассчитанное им чередование выигрышей и проигрышей создавало видимость случайной удачи.

Ламар все еще не знал, почему он здесь, когда без четверти шесть к нему подошла официантка (на бейдже он прочитал ее имя — *Тереза*) и спросила, не хочет ли он еще один

1 Пит-босс — менеджер, в чьи должностные обязанности входит наблюдение за питом (группой игорных столов в казино), несущий ответственность за то, чтобы игры проходили в рамках заданных правил, без нарушений. Он открывает и закрывает игровые столы, управляет игровым персоналом (в частности, координирует деятельность крупье или дилера), взаимодействует со смежными службами: видеонаблюдением, охраной, кассой и проч. Пит-босс выступает посредником в спорах, возникающих между игроками или игроками и персоналом.

2 Блэк-джек — одна из самых популярных игр в казино. От «двадцати одного» отличается в мелочах.

3 Башмак — контейнер, сделанный в ширину по размеру колоды, в который укладывается одна или несколько перетасованных колод карт для последующей раздачи. Раздача производится из щели, которая расположена внизу «башмака» непосредственно на игорный стол.

стакан диетколы.

И когда он посмотрел на эту симпатичную брюнетку с россыпью веснушек и вымученной улыбкой, то увидел, что в ее глазах стоят слезы, которые она едва сдерживает.

Очередной дилер, рыжеволосая Арлен, как раз закончила тасовать шесть колод. Ламар давал ей хорошие чаевые, так что у них царило полное взаимопонимание. И когда Арлен загружала башмак, Ламар глянул вслед Терезе, а потом спросил: «У нее какие-то проблемы?»

— У Терри? Муж служил в морской пехоте. Погиб в прошлом году. Один ребенок. Марти, восемь лет, такой милый. Она любит его без памяти. У него синдром Дауна. Характер у нее сильный, но иногда этого не хватает.

Ламар сыграл еще трижды и выиграл два раза, прежде чем официантка вернулась с его диетколой.

Из своих фишек, лежащих на столе, он выдал Арлен семьсот долларов. А остальные одиннадцать тысяч сгреб в кучу и сдвинул на поднос Терезы.

— Эй, нет, я не могу это взять! — изумленно воскликнула официантка.

— Я за них ничего не попрошу, — заверил ее Ламар, — и мне они совершенно ни к чему.

Оставив ее потрясенной и лепечущей что-то бессвязное, Ламар вдоль столов для блекджека направился к выходу из казино.

Внезапно рядом возник пит-босс, чисто выбритый, хорошо одетый, прямо-таки оживший манекен.

— Мистер Эм, подождите, — «эм» относилось к фамилии, которой назвался Ламар. — Мистер Эм, вы уверены, что хотите это сделать?

— Да. Совершенно уверен. Это проблема?

— Вы пили только диетколу, так что никакой проблемы я не вижу, — все еще опасаясь какого-то подвоха, ответил пит-босс и добавил: — Но это необычно.

— А если бы я сказал вам, что у меня неизлечимый рак, жить осталось четыре месяца, деньги мне не нужны и оставлять их некому?

В фантазийном мире казино смерть являла собой правду, которая подавлялась наиболее агрессивно. Ни в одном казино нет часов, словно в азартные игры играют вне времени. Игроки иногда обращаются к Богу за помощью, но никогда не говорят со смертью.

На лице пит-босса отразилась тревога, будто слово «рак» могло разрушить чары, под действие которых попадали все, кто оказывался в этих стенах, словно упоминание о болезни могло превратить шик и блеск в грязь и пепел. Он поправил узел галстука, который не сдвинулся ни на миллиметр.

— Тяжелое дело. Берегите себя. Удачи вам, мистер Эм.

Ламар Вулси не болел раком. И не говорил, что им болен. Но его «а если бы» послужило достаточным напоминанием о реальности, чтобы напугать пит-босса.

Снаружи весь мир, казалось, полыхал языками пламени, залитый золотисто-оранжевым светом. Акры неоновых огней приветствовали приближение вечера.

Большинство туристов уже сняли очки, но прочитать их глаза все равно не представлялось возможным: мешало отражающееся в них солнечно-неоновое многоцветье.

ГЛАВА 8

Грейди ужинал за кухонным столом. За окнами стемнело, Мерлин тяжелой грудой расположился у его ног. Пес надеялся на один-два кусочка курятины, но не просил, изображал незаинтересованность, чтобы сохранить достоинство.

На одном из столиков был включен проигрыватель компакт-дисков. Телевизора в доме не было, и Грейди об этом совершенно не жалел. Хотя обычно он предпочитал тишину самому изящному шуму, временами присутствия Мерлина и книг не хватало для того, чтобы заполнить часы досуга.

В данный момент книги не могли дать того, что ему требовалось, тогда как соната номер два из «Опуса 27» — «Лунная соната» — успокаивала и вдохновляла.

Покончив с иллюстрированными книгами, уже за едой он принялся за эссе о горах Колорадо, за мемуары тех, кто достаточно прожил в этих местах. Проглядывал страницу за страницей в поисках упоминаний неизвестных животных, странных историй о существах с белой шерстью, игривых, но застенчивых.

Подозревал, что книги ему не помогут, но все равно искал в них нужные ему сведения. Встреча на лугу очень уж сильно потрясала его, хотя некоторых причин он не понимал вовсе, а другие представлял себе крайне смутно. На него действовали не только уникальность и загадочность этих существ, но и какая-то их особенность, которую он только чувствовал, но никак не мог выразить словами.

Мерлин поднялся так резко, что стукнулся головой о стол. Получить сотрясение мозга волкодав не мог. Скорее перевернул бы стол.

Когда Мерлин вышел из кухни в коридорчик, ведущий в гостиную, Грейди положил вилку, закрыл книгу и застыл в ожидании лая. Через полминуты, не услышав ни лая, ни царапанья о пол когтей возвращающегося сына Ирландии, вновь раскрыл книгу.

В тот момент, когда Грейди взялся за вилку, Мерлин вернулся к двери на кухню, где и застыл с написанной на морде тревогой. Он как бы говорил: *«У нас проблемы, папуля. И что мне делать? ... Обучиться азбуке Морзе и отбивать буквы хвостом?»*

— Хорошо, — Грейди поднялся со стула.

Пес тут же поспешил в переднюю часть дома. Грейди нашел его не в гостиной, а в прихожей, спиной к парадной двери. Навострив уши, Мерлин смотрел на лестницу, ведущую на второй этаж.

В комнатах наверху царила тишина, как, собственно, и всегда. Да разве могло быть по-другому в доме, где жили мужчина и собака, которая практически никогда не отходила от него.

Тем не менее Мерлин быстро взбежал на второй этаж и скрылся в коридоре, прежде чем его хозяин успел подняться на три ступени.

Добравшись до верхней лестничной площадки, Грейди включил свет. Войдя в приоткрытую дверь спальни, нашел собаку у окна, выходящего на крышу переднего крыльца: что-то, находящееся за стеклом, встревожило Мерлина.

В спальне Грейди зажигать лампы не стал. Поскольку свет из коридора немного разгонял темноту, Грейди видел, что за окном луна посеребрила белый ствол березы и ее осеннюю листву, которую днем солнце превращало в золото.

Грейди направился к Мерлину, но, прежде чем успел наклониться к окну, послышалось быстрое постукивание. Судя по звукам, несколько ног (или лап) торопливо пересекали крышу крыльца.

Хотя Мерлину хватало роста и он мог смотреть через нижнюю половину окна, стоя на полу, пес поставил передние лапы на подоконник, чтобы лучше видеть.

К тому времени, когда Грейди занял место рядом с волкодавом и прижался лбом к холодному стеклу, шум прекратился. Тот, кто бежал по крыше крыльца, теперь перебрался на березу.

В эту безветренную ночь нижние ветки сначала дернулись, а потом принялись подрагивать от движения наверху. И пока кто-то карабкался вверх по стволу, дерево открыло осенний кошель и принялось сорить богатством-листьями.

Грейди отодвинул шпингалет, но не успел поднять нижнюю раму, как те, кто поднимался по дереву, перепрыгнули на крышу дома: один удар, сразу же за ним — второй. Судя по звукам, оба существа продвигались по шиферным плиткам к коньку.

Мерлин, его передние лапы по-прежнему опирались на подоконник, повернул голову к потолку.

— Может, еноты, — предположил Грейди.

Пренебрежительно фыркнув, волкодав вернулся на пол всеми четырьмя лапами,

развернулся хвостом к окну, наклонил голову, прислушиваясь.

Камин спальни находился точно над камином гостиной. Металлический грохот и треск, эхом отразившийся в дымоходе, притянул Мерлина к очагу.

Что-то на крыше проверяло прочность медного колпака над трубой, гасящего искры. Грейди ставил колпак сам и знал, что снять его непросто.

Поскольку огонь не разжигали, дымоход и топочную камеру разделяла заслонка. Если бы что-то и проникло в дымоход, оно не смогло бы пробить стальную пластину и попасть в спальню. Оставив медный колпак в покое, путешественники-по-крыше начали спуск по западному скату.

Когда звуки сместились к задней части дома, Мерлин поспешил из спальни. Грейди добрался до верхней ступени лестницы аккуратно в тот момент, когда волкодав оказался внизу.

Спускаясь, задался вопросом: а запер ли он дверь на кухню, когда они вернулись домой после вечерней прогулки? Потом у него возник другой вопрос: откуда взялась тревога?

И он не мог отрицать, что испытывал если не страх, то беспокойство, пока искал Мерлина на первом этаже и обнаружил на кухне. Собака стояла у двери. Хотела выйти.

Грейди замялся.

ГЛАВА 9

Картофель хранился в большом помещении, за тяжелой дубовой дверью, обитой железом, будто сокровище, которое следовало оберегать.

На глубоких полках во множестве стояли вентилируемые корзины, в каждой картофелины лежали в три слоя.

И только на верхних полках корзин было поменьше. Встав на высокую табуретку, Генри Роврой поставил оба чемодана с наличными на самую верхнюю полку, прислонив их к стене.

Спрыгнув с табуретки, он чемоданы уже не видел. Вернулся на кухню. Через пару дней он собирался перепрятать деньги в более надежное место.

Поскольку сохранность картофеля Генри не интересовала, он решил выбросить и корзины со всем содержимым, и полки. А картофельный погреб, после должной реконструкции, мог стать идеальным жилищем для женщины, если он таки привел бы ее в дом.

В спальне Джима и Норы он выбрал себе нижнее белье, носки, джинсы, байковую рубашку и рабочие ботинки из ограниченного гардероба Джима. Хотя мышцы у Генри были более дряблыми, одежда подошла ему идеально.

Рубашку Джим покупал в «Уол-Марте», а не у «Л.Л. Бина»¹. Джинсы предназначались для работы и езды верхом, а не для воскресных прогулок в парке. О рабочих ботинках можно было не говорить. В такой одежде Генри даже почувствовал себя другим человеком.

Оставив плечевую кобуру с пистолетом и запасную

обойму на кровати, он уложил дорожную одежду и обувь в рубашку, свернул в куль и обвязал рукавами. Одежде предстояло лечь в могилу вместе с его братом и невесткой.

Встав перед большим зеркалом, Генри обратился к своему отражению: «Посмотри на себя, Джим... с того света».

Голос, во всяком случае для его уха, не отличался от голоса брата.

Те, кто знал Генри в прошлой жизни, не узнали бы его, увидев сейчас. Только одежда гарантировала бы, что они смотрели бы сквозь него. Деревенщина, прилетевший из глубинки, с которым общего у них было только одно: они родились от мужчины и женщины.

На кухне, у раковины, Генри собрал картофелины, которые чистила Нора, и бросил их в помойное ведро.

Обследовав кладовку и холодильник, Генри обнаружил отличные сосиски, приемлемые сыры, свежие яйца, банку с красными перчиками и вполне съедобный батон белого хлеба,

¹ «Л.Л. Бин» — известная компания по пошиву мужских рубашек.

испеченный из такой белой муки, что на срезе он поблескивал, будто радиоактивный.

Он открыл три бутылки «Каберне совиньон» неизвестных ему виноделен. Только третья годилась для питья. Если Джим и Нора могли позволить себе лишь такое вино или, хуже того, если именно подобное вино они полагали хорошим... что ж, тогда, увы, в могиле им будет даже лучше.

Генри планировал потратить три недели на заготовку трехлетнего запаса консервов. Он надеялся, что где-нибудь в радиусе ста миль найдется бакалейщик и продавец вин, которые предложат ему товар того уровня, к которому он привык.

Он полагал, что сможет уйти из мира на три года, имея под рукой консервированные грудки фазана, белужью икру, бальзамический уксус и десятки других деликатесов, которые отличали жизнь от простого существования.

После обеда он помыл посуду. С этим неудобством ему предстояло мириться до тех пор, пока не найдется женщина, которую он посадит в картофельный погреб.

В элегантном городском особняке, в котором жил Генри на другом краю страны, он держал домоправительницу, но она получала жалованье и льготы. Опять же, не возбуждала похоть.

Картофельный погреб без единого окна не только позволял пользоваться услугами домоправительницы бесплатно, но также наслаждаться радостями секса без занудного процесса соблазнения до того и утомительного разговора после, который обожали женщины. Пока он не видел других преимуществ, которыми в нормальные времена обладала бы эта лачуга в сравнении с его городским жилищем. Но, похоже, в любые времена, нормальные или нет, наличие в доме такого картофельного погреба могло принести намного больше приятных минут, чем сауна и домашний кинотеатр, вместе взятые.

Нормальные времена. Несмотря на то что поднялся Генри Роврой до зари, провел за рулем много часов, убил первый раз в жизни, а потом и второй, несмотря на необходимость приготовить себе обед, ему не хотелось спать, он даже не чувствовал усталости. Зная о хаосе, которому предстояло захлестнуть страну в ближайшие месяцы, он имел мотив для того, чтобы немедленно начать готовить этот дом к этим аномальным временам.

ГЛАВА 10

После короткого колебания Грейди открыл дверь из кухни и следом за Мерлином вышел на заднее крыльцо. Под ногами зашелестели сухие березовые листья.

Никакие звуки более не доносились с крыши. Хотя лунного света хватало, они не увидели гостей ни на крыльце, ни на лужайке.

Высокая сухая трава, окаймляющая выкошенную лужайку, напоминала линию фосфоресцирующего прибора, разбивающегося о далекий берег.

Не видел Грейди и освещенных окон соседних домов, скрытых лесом и расстоянием.

Мастерская, в которой он изготавливал мебель, пристройка к гаражу, находилась в сорока футах от дома. Ее окна светились, как панели фонаря.

Работу Грейди закончил до того, как отправился на вечернюю прогулку с Мерлином. И точно знал, что погасил свет.

Что-то тянуло Мерлина к мастерской.

В этих малонаселенных краях преступления случались редко, главным образом на почве ревности. Сталкиваться с воровством и вандализмом полиции практически не приходилось. Поэтому Грейди время от времени забывал запирать дверь мастерской.

Мог забыть и в этот день, но точно не оставлял ее распахнутой. Чуть постукивая когтями, Мерлин первым переступил порог.

Флуоресцентные лампы практически не давали тени, затрудняя оценку текстуры древесины, вот почему в мастерской Грейди отдавал предпочтение подвесным светильникам с короткими абажурами-раструбами. На станки свет падал со всех сторон, чтобы избежать

теневых зон, а потому движущиеся части механизмов всегда оставались на виду.

В этот момент техника — циркулярная пила, механический рубанок, ленточная пила, сверлильный и долбежный станки — не работала.

Четыре больших кресла-качалки конструкции Густава Стикли¹, над которыми работал Грейди, предназначались клиенту из Лос-Анджелеса. С широкими подлокотниками, вертикальными опорами, пазовыми соединениями, эти элегантные кресла становились еще и удобными, как только на них устанавливались обитые кожей подушки и пружинные сиденья.

В мастерской пахло только что распиленным дубом.

В глубине пристройки короткий, но широкий коридор разделял туалет и простенькую сушильную печь, в которой уже высушенная на воздухе древесина дополнительно подсушивалась, чтобы уменьшить до требуемых величин содержащуюся в ней влагу.

Дверь в туалет Грейди нашел открытой, но в зеркале над раковиной увидел только свое отражение.

Ни его, ни Мерлина не удивило шипение, вдруг раздавшееся за дверью в сушильную печь. Чтобы замедлить процесс сушки и исключить коробление древесины, время от времени из точно откалиброванного увлажнителя воздуха в печь подавался пар.

Защелка-крюк висела на двери. Или кто-то находился в печи... или заглянул туда ранее, а потом забыл закрыть на нее дверь.

Последнее оказалось верным. Дерево сушилось под лампами накаливания. Света хватало, чтобы понять, что в печи никого нет.

В конце короткого коридора Грейди открыл тяжелую дверь, изолированную по периметру губчатой резиной. За ней находилась комната окончательной отделки, и Грейди следил за тем, чтобы туда не попадала пыль.

Морение и окончательную обработку Грейди делал вручную. Обеденный стол из красного дерева со вставками из черного, в стиле «Грин и Грин»², проходил месячную выдержку после полировки темно-красным шеллаком.

Запахи шеллака, пчелиного воска, скипидара и копалового лака доставляли Грейди не меньшее удовольствие, чем аромат роз или благоухающий сосной прозрачный лесной воздух.

В лучших своих снах он плыл по огромным дворцам, в которых никто не жил, любовался прекрасной мебелью, наполняющей залы, где ни одно человеческое существо не предавало другое, не поднимало руку, чтобы нанести удар, не лгало, не стремилось уничтожить ближнего своего. Только в этих снах он ощущал запахи и всегда просыпался счастливым, наслаждаясь тающим воспоминанием об ароматах комнаты окончательной отделки.

Дверь черного хода Грейди тоже нашел открытой, не запертой изнутри. Ни он, ни волкодав никого не обнаружили в лежащей за дверью ночи.

Грейди запер дверь, и когда они возвращались к передней двери, открыл несколько шкафчиков, выдвинул пару-тройку ящиков. Ничего не пропало.

Выключив свет, закрыв переднюю дверь и уже поворачивая ключ в замке, Грейди спросил:

— Так кто это был, большой мальчик, любопытные и доброжелательные эльфы или гадкие гремлины?³

Мерлин уклончиво фыркнул.

Если бы не блеклый лунный свет, земля погрузилась бы во тьму.

В какой-то момент Грейди показалось, что он слышит хлопанье крыльев, но, подняв голову, он увидел только звезды.

1 Стикли, Густав (1857-1942) — лидер американского движения искусств и ремесел, дизайнер, мебельщик. Главные принципы мебели Стикли — прочность конструкции, индивидуальность и изготовление вручную.

2 Грин, Чарльз Самнер (1868-1957), Грин, Генри Матер (1870-1954) — известные архитекторы, видные представители американского движения искусств и ремесел.

3 Гремлины — мифические существа, злобные проказники. Известны как ненавистники техники. С Первой мировой войны все неполадки в технике, начиная с велосипедов и кончая космическими кораблями, приписывают гремлинам. Они ненавидят ее и всячески вредят людям, которые ею пользуются.

Когда они приближались к заднему крыльцу, Мерлин прибавил скорости. Взбежал по лестнице, пересек крыльцо, скрылся за кухонной дверью, которую Грейди, выходя из дома, оставил открытой.

Воспользовавшись их отсутствием, незваный гость побывал в доме. Хотя Грейди не закончил обед, свою тарелку на кухонном столе он обнаружил пустой.

Он запек в печи еще три куриные грудки, одну — на завтрашний ленч, две — для собаки. Они охлаждались в кастрюле, которая стояла на плите. Алюминиевую фольгу, которая закрывала кастрюлю, сорвали и бросили на пол. Кастрюля и грудки исчезли.

ГЛАВА 11

Через полчаса после обеда, слишком перевозбужденный для того, чтобы уснуть, стремящийся как можно быстрее приспособить дом под себя, Генри Роврой оказался в спальне, где вещи Норы занимали половину ящиков туалетного столика, половину высокого комода на ножках и половину стенового шкафа. Ее одежда едва ли могла подойти женщине, которую он намеревался определить в картофельный погреб, а ящики и стеновой шкаф требовались ему для другого.

Генри привез с собой как стрелковое оружие, так и патроны, которые хотел рассредоточить по дому, не забыв и амбар. Размеры ящиков комода позволяли положить в них помповик или винтовку.

Вещи Норы Генри рассовал по пластиковым мешкам для мусора. Времени на это ушло больше, чем он ожидал. Несмотря на трудные дни, которые ждали страну, несмотря на необходимость как можно быстрее приготовить себе убежище, чтобы пережить эти дни, Генри то и дело отвлекался на шелковистость нижнего белья невестки.

Наконец, набив до отказа шесть больших мешков, Генри, по два за раз, перенес их на переднее крыльцо. Поначалу он собирался оттащить мешки в амбар уже утром, однако по-прежнему чувствовал себя бодрым и решил покончить с этим делом прямо сейчас, до того, как лечь спать.

Около угла дома, рядом с пнем-колодой для колки дров, стояла тачка, в которую Джим собирался сложить нарубленные поленья, сейчас лежащие на траве. Генри подкатил тачку к лестнице на крыльцо, потом загрузил ее мешками с одеждой.

Света раздувшейся луны вполне хватало, и ему не требовался фонарь, чтобы по подъездной дорожке добраться до амбара. Колеса тяжело груженных машин, свозивших урожай в амбар, оставили на утрамбованной земле подъездной дорожки колеи, саму дорожку покрывал тонкий, в полдюйма, слой пыли, которую еще не успел унести ветер. Колесо тачки катилось бесшумно. То же самое Генри мог сказать и про свои шаги.

Генри ожидал, что шума на подступающих к дому полях и лугах и в окружающих лесах будет больше. Разумеется, он не имел в виду не затихающий ни на секунду шум большого города, а жужжание и гудение, постукивание и потрескивание, шуршание, шорохи, шелест. Вместо этого ночь затихла, что даже казалось странным, как будто всё ползающее, шагающее и летающее разом вымерло и он остался единственным живым существом, не вросшим корнями в землю.

У амбара Генри поставил тачку рядом с дверью, вошел, нащупал рукой выключатель, включил свет. Занес два мешка с одеждой в амбар и только тут осознал, что тела Джима и Норы не лежат там, где он их оставил.

Бросив мешки, он подошел к тому месту, где застрелил брата и куда притащил труп Норы. Увидел, что кровь на соломе еще влажная, липкая.

В недоумении Генри направился к трактору, обошел его, потом обошел и канавокопатель в поисках усопших. Он не сомневался, они оба умерли, он не оставил их в амбаре ранеными, потерявшими сознание.

Недоумение перешло в замешательство, когда он поднял голову и увидел, что лошади,

Самсон и Красотка, наблюдают за ним поверх калиток своих стойл. Обе жевали сено, и их, похоже, нисколько не встревожило происходившее в амбаре после его ухода, в тот период времени, когда он переодевался в одежду брата и обедал.

Генри проверил первое стойло, потом второе, ожидая найти трупы в глубине, хотя и не представлял себе, как могли они туда попасть. Но каждая лошадь стояла в стойле одна, и у ее ног не лежал свалившийся всадник.

Замешательство сменилось растерянностью. Генри оглядел сарай. Взгляд остановился на лестнице, которая вела на темный сеновал. Но подобное предположение противоречило здравому смыслу: если мертвые не могли ползать, то тем более не могли лазать по лестнице.

Потребовалось еще полминуты, чтобы осознать очевидное: на ферме он не один, кто-то еще нашел убиенную пару и перенес трупы в другое место.

Пистолет и плечевую кобуру Генри оставил на кровати. Внезапно он превратился в овечку, дрожащую всем телом, легкую добычу, подозревающую, что в каждой тени прячется злобный волк.

Он поспешил к стене, на которой висели инструменты, и схватил топор, который оказался тяжелее, чем он ожидал. В руках Джима топор выглядел смертоносным оружием. В руках Генри больше напоминал не оружие, а якорь. Тем не менее все лучше, чем ничего, раз уж пистолет на текущий момент недосыгаем.

Ситуация требовала действовать бесшумно и осторожно. Но Генри начала бить неконтролируемая дрожь, дыхание участилось, он никак не мог взять себя в руки. Слышал гулкие удары своего сердца, молотившегося о ребра, и удары эти возвещали не о совершенных им убийствах, а о быстро нарастающем страхе. О какой бесшумности и осторожности могла идти речь, если он не мог шевельнуть топором без риска отрубить себе пальцы.

Не из храбрости, а от отчаяния, не в силах более находиться в амбаре, Генри, держа топор обеими руками, как ранее держал его Джим, выскочил через дверь в ночь. Побежал к «Лендроверу», припаркованному у дома.

Тот, кто унес трупы, не мог быть представителем правоохранительных органов. Ни один коп никогда бы не забрал бы трупы с места преступления, чтобы спрятать в другом месте. Ни один коп не стал бы вот так мучить главного подозреваемого, вместо того чтобы допросить. Этот безымянный противник насмеялся над Генри, чтобы потом, позабавившись вдоволь, убить его.

Генри споткнулся, выронил топор, споткнулся уже об него, замахал руками, чтобы сохранить равновесие и не упасть, и тут что-то со свистом пронеслось над его головой. Генри подумал, что это лезвие, возможно, ужасная коса, которая висела на стене амбара рядом с топором.

Когда же вскрикнул и повернулся, ожидая, что в следующий момент ему отрубят голову, оказалось, что позади никого нет. Он стоял один, залитый лунным светом, охваченный ужасом.

Вместо того чтобы поднимать топор, он поспешил к «Лендроверу». Открыл задний борт, предчувствуя, что увидит пустой багажник, но нет, все стояло на прежних местах, за исключением двух чемоданчиков, набитых наличными, которые он сам ранее спрятал на верхней полке картофельного погреба.

На ощупь Генри нашел нужный ему большой чемодан с жесткими стенками, вытащил его. Закрыв задний борт, нажал на кнопку брелка, заперев все дверцы автомобиля. Нервно оглядев ночь, унес чемодан в дом.

Детей у Джима и Норы не было. Жили они одни.

Нанимали только сезонных работников. С завершением сбора урожая работники эти уходили, чтобы вернуться весной. Но даже в сезон наемные работники в доме не жили.

Генри почерпнул все эти сведения из стихотворений Джима, в которых иногда упоминались эти люди. И получил подтверждение вскоре после прибытия, болтая с Джимом и Норой за кофе со сдобными булочками с корицей.

Едва переступив порог, он поставил чемодан на пол в гостиной, открыл его. В нишах, выдавленных на вкладышах из поропласта, лежали два короткоствольных, с пистолетной ручкой, помповых ружья двадцатого калибра и коробки патронов с малой отдачей.

Выронив на пол несколько патронов, Генри сумел вставить один в патронник, а четыре — в магазин одного помповика. Упавшие на пол патроны рассовал по карманам джинсов.

Начать с дома. Убедиться, что незваный гость не прячется под этой крышей. Комната за комнатой, запирая все окна и двери, затягивая шторы, опуская жалюзи.

Дрожь в руках ослабела, но полностью не ушла. Во рту пересохло. Ладони вспотели. Глаза жгло, словно в них сыпанули песка.

Хотя Генри стрелял из помповика и в тире, и в лесу, уезжая подальше от жилых мест, ему никогда не доводилось обыскивать дом в поисках незваного гостя. К счастью, Джим и Нора жили в маленьком доме, а его планировка не позволяла загадочному противнику обойти Генри с тыла.

Он никого не нашел ни в гостиной, ни на кухне, ни в столовой.

Дверь в подвал обнаружил открытой, хотя помнил, что закрывал ее. Деревянные ступени с резиновыми ковриками вели в темноту.

За дверью на стене остался кровавый отпечаток руки, словно раненый человек оперся об нее, прежде чем спуститься в подвал. Кровь влажно блестела.

Держа помповик одной рукой, Генри приложил тыльную сторону второй к стене рядом со зловещим оттиском. Длина бледных пальцев и размер ладони вроде бы совпадали с отпечатком руки того, кто спустился в подвал.

ГЛАВА 12

Еще один стол для блек-джека. Еще одно казино. На этот раз доктор Ламар Вулси назвался Митчем Файгенбаумом.

Фамилия эта не очень-то подходила шестидесятилетнему афроамериканцу. Но его сходство с любимой звездой давнишних телесериалов сразу вызывало такое доверие, что никаких подозрений просто не возникало.

Выигрывал он много, потому что пользовался двойным преимуществом: и мог считать карты даже шести колод, и обладал интуитивной способностью распознавать закономерности во вроде бы хаотических системах. Его интуиция усиливалась и оттачивалась работой, связанной с физикой и математикой. В обеих науках он защитил докторскую диссертацию. Занимался Ламар Вулси теорией хаоса.

Большую часть своей истории наука стремилась к упрощениям, пытаясь определить, как функционирует целое, анализом его составных частей. Но при всех достижениях науки открытия второй половины двадцатого столетия показали, что сумма человеческих знаний эквивалентна нескольким песчинкам, тогда как открывать предстоит бесконечный — и очень странный — пляж.

В каждой сложной системе — от динамики Солнца и планет до климата Земли, до структуры кристалла, до кардиологических процессов — под фасадом порядка, который открыла наука и после долгого изучения научилась понимать, таился жуткий и тревожащий хаос. Но при этом в глубинах каждого хаоса еще более странный порядок ждал своего первооткрывателя.

Даже такая простая система, как карточная игра со сдачей из шестиколодного башмака, по природе своей хаотична, то есть должна обеспечивать непредсказуемый результат. Будучи счетчиком карт, Ламар Вулси надеялся упорядочить с выгодой для себя вроде бы случайный их поток.

После тридцати минут игры содержимое шестиколодного башмака чуть сместилось в пользу Ламара: тузов и картинок прибавилось, пятерок и шестерок уменьшилось, но по-прежнему распределение карт оставалось случайным. Он еще не мог делать агрессивных

ставок.

А потом произошло что-то странное. Несколько выигрышей подряд позволили Ламару краем глаза взглянуть на сверхъестественную структуру реальности, на тайный и загадочный порядок.

Дилер открыл даму, положив ее на закрытую карту. У Ламара были десятка и шестерка, он попросил еще карту, получил пятерку и побил дилера на очко.

На следующей сдаче карты у него были не очень, но дилер к шестнадцати прикупил шестерку — перебор.

Теперь же дилер открыл туза, а у Ламара были четверка и тройка. Он прикупил четверку. Потом двойку. Еще двойку. И шестерку. Его итоговые двадцать одно очко побили двадцать очков дилера: под тузом оказалась девятка.

Ни к одному из этих трех выигрышей пересчет карт не имел ни малейшего отношения, и даже самый параноический пит-босс не усмотрел бы в них ничего, кроме удачи.

Ламар к верящим в удачу себя не относил, вот и воспринял эти выигрыши как одно из проявлений скрытого порядка, таящегося под случайностью — под хаосом — любой азартной игры. В этой конкретной ситуации скрытый порядок сыграл ему на руку, подхватил, как волна подхватывает серфингиста. И пока он не потерял благоволение «волны», ему следовало мчаться на ней.

Он выиграл подряд девять сдач, проиграл две, выиграл еще восемь, с самыми невероятными сочетаниями карт, при которых подсчет десятков и тузов не оказывал никакого влияния на его выигрыши.

Иногда сила скрытого порядка, со всеми его структурами, проявляет себя настолько очевидно, что у любого ученого создается впечатление: его фиксация — в пределах досягаемости... пока вновь не появляется хаос. Даже когда Ламар играл иррационально, разделял пару четверок, когда дилер показывал картинку, он выигрывал. Когда дилер показывал туза, Ламар делал двойную ставку на восьмерку... и выигрывал.

Проиграв подряд три сдачи, Ламар заподозрил, что порядок, прячущийся под хаосом, перестал к нему благоволить, и попросил дилера поменять выигрыш на самые крупные фишки, чтобы их было легче нести. Тысяча долларов, с которой он садился за стол, превратилась в девятнадцать тысяч.

В кассе он поменял две фишки на наличные. Игра в двух казино принесла ему выигрыш в четыреста долларов. Остальные деньги он собирался отдать до ухода из здания.

ГЛАВА 13

Обследуя дом вместе с Грейди, Мерлин шумел, как расшалившийся пони. Никакого незваного гостя они не нашли.

Тот, кто доел обед за Грейди, тот, кто забрал с плиты кастрюлю с тремя запеченными куриными грудками, не оставил следов своего пребывания ни в одной из комнат.

Прежде чем вернуться на первый этаж, Грейди выключил свет во всех комнатах второго. В темноте раздвинул все шторы, поднял те жалюзи, что были опущены.

На первом этаже проделал то же самое, чтобы тому, кто захотел бы заглянуть в дом снаружи, ничто не мешало.

На кухне помыл грязную посуду. Сварил кофе, залил в термос, поставил термос на столик у окна. Добавил к нему кружку.

Мерлин неотрывно следил взглядом за его действиями, словно присутствовал при каком-то важном ритуале.

Около этого столика стояли только два стула. По обе стороны окна, которое выходило на крыльцо.

Грейди выдвинул один стул, поставил напротив окна. Выключил свет и сел на него лицом к окну, в темноте, окутанный ароматом крепкого кофе, но его кружка оставалась

пустой.

Мерлин застыл, словно оценивая ситуацию. Он вообще любил поразмыслить, частенько находил возможность задуматься над тем или иным аспектом своего мира.

Где-то высоко над домом зеркало-луна отражало солнечные лучи еще не начавшегося дня, заливало бледным светом двор и березы.

Крыльцо лежало в тени.

Мерлин подошел к двери из кухни, со стеклянными панелями до самого пола, поставленными с тем, чтобы волкодав мог видеть двор. Там он и остался, едва видимый в сумраке.

Окно Грейди состояло из девяти панелей, по три в ряду. В другом доме, расположенном в милях от этого, через такое же окно мать Грейди видела свое будущее.

* * *

За год до рождения Грейди его отец подарил матери щенка... Наполовину немецкая овчарка, наполовину — не пойми кто.

Она назвала его Сникерс¹, из-за темной шерсти и белых, как теннисные туфли, лап.

Мальчонка вырос рядом со Сникерсом. Хотя большую часть любви пес приберегал для матери Грейди, своего человеческого брата он, конечно, любил, но Эллин Адаме *обожал*.

Отец Грейди, Пол, работал на лесоперерабатывающем заводе. За несколько недель до восьмого дня рождения сына он погиб на работе.

Огромную пилу, которая разрезала стволы на более удобные для дальнейшей переработки части, снабдили всеми необходимыми устройствами безопасности. Убила Пола не она.

Роковую роль сыграл человеческий фактор. Несколько людей, протестовавших против вырубки леса, забили десятки восьмидюймовых гвоздей в каждую из выбранных наобум сосен, зрелых, подходящих для вырубки. Гвозди дереву не вредили, но оно становилось непригодным для переработки.

Бригады лесорубов выявили большинство таких деревьев. Только одно ускользнуло от их внимания.

Гигантская циркулярная пила вырывала гвозди из дерева, завязывала в узлы, выплевывала. Едва лезвие встретилось с повышенным сопротивлением стальных гвоздей, датчик отдал команду на отключение подачи электричества. Но уже изогнутые и вырванные из древесины гвозди летели с максимальной скоростью. Компанию им составлял отколовшийся кусок лезвия, ошестинившийся зубцами.

Грейди так и не рассказали о том, что сделала эта шрапнель с его отцом. Учитывая яркие образы, которые рисовало его юношеское воображение, наверное, следовало бы рассказать. А может, и нет.

Сотрудники завода, полиция, друзья и семейный священник советовали Эллин не смотреть на тело. Но Эллин заявила, что Пол был «второй половиной ее сердца». И отклонила совет.

Она сопровождала погибшего мужа, когда его перевозили с завода в управление coronera, а потом из управления coronera в похоронное бюро.

В час тяжелой утраты Эллин продемонстрировала невероятное мужество и силу воли. Юный Грейди равнялся на нее.

Он любил отца. Его гибель стала для мальчика тяжелейшим ударом. Ему казалось, что он потерял часть себя. Каждое утро он просыпался с ощущением, что в сердце зияет огромная дыра.

Но Грейди выдержал, потому что выдержала его мать. Он признал, что изменить ничего нельзя, сжился с этим, обрел душевный покой.

¹ Сникерс — от англ. sneakers (теннисные туфли).

Но задолго до того, как Грейди обрел душевный покой, примерно через месяц после смерти отца, мальчик, проснувшись после полуночи, спустился вниз, чтобы что-нибудь съесть. Голода он не испытывал, однако не мог лежать в кровати и думать.

Лампа уже освещала коридор первого этажа. Мать сидела за столом на кухне. Свет коридорной лампы вырывал из темноты ее силуэт. Спинной к Грейди, она смотрела в ночь за окном.

Рядом с ней сидел Сникерс, положив голову ей на колени. Правой рукой она нежно поглаживала голову собаки.

Мать не знала, что Грейди стоит в дверях. Собака, конечно, знала, но не повернула головы, не мешая Эллен поглаживать ее.

Грейди не знал, что и сказать. Бесшумно, будто призрак, а не мальчик, он подался назад, вернулся в постель.

Еще через несколько ночей, проснувшись в час, он тихонько спустился вниз и нашел мать на кухне, с собакой.

Постоял в дверях, не дав о себе знать. Посчитал это правильным, побыть с ней, но в отдалении, наблюдая, как мать смотрит в окно.

В следующем месяце он присоединялся к ней еще несколько раз, молчаливый и незаметный, будто ангел-хранитель. Возвращаясь в кровать, задавался вопросом: а когда мать спит? Может, вообще не спала.

Однажды ночью он спустился вниз и обнаружил, что свет в коридоре не горит. На кухне не нашел ни матери, ни Сникерса.

Грейди предположил, что она изменила заведенный порядок. Он тоже стал спать лучше, чем в недели, следовавшие за смертью отца.

Прошел год, прежде чем он вновь увидел мать и Сникерса за кухонным столом, в темноте. Возможно, она продолжала спускаться вниз глубокой ночью. Возможно, проводила там большую часть ночей.

На этот раз он позвал: «Мама» — и подошел к ней. Коснулся ее плеча. Она взяла его руку в свои. Через какое-то время Грейди спросил: «Ты думаешь... он придет?»

Она ответила очень тихим голосом: «Кто? Призрак? Нет, милый. Это окно прошлого и будущего. Когда мне нужно прошлое, я вижу твоего отца, копающегося на огороде».

Они выращивали помидоры, огурцы, редиску, другие овощи, которые сами и ели.

Грейди сел за стол рядом с ней.

— Когда мне нужно будущее, — продолжила она, — я вижу тебя высоким, сильным и взрослым, обзаведшимся собственной семьей. И я вижу себя, вновь с твоим отцом, в новом мире, где не нужно бороться.

— Не грусти, — попросил ее Грейди.

— Что ты, сладенький. Я не грущу. Я когда-нибудь казалась тебе грустной?

— Нет. Только... здесь, сейчас.

— Когда я говорю, что вижу себя снова с твоим отцом, это не значит, что я этого себе желаю. Но я действительно вижу.

Грейди всмотрелся в окно и увидел только ночь.

— Верить — не значит желать, Грейди. По-настоящему ты знаешь только то, что знает твое сердце.

К тому времени она работала на лесоперерабатывающем заводе. Пять дней в неделю проводила там, где погиб Пол. Они нуждались в деньгах.

Долгое время Грейди тревожился из-за того, что мать работает на заводе. Он думал, постоянные напоминания о закрученных узлом гвоздях и отломившемся куске лезвия циркулярной пилы заставляют ее страдать.

Но потом он понял, что ей нравилась эта работа. На заводе, среди людей, которые работали с Полем, она могла сохранять воспоминания о нем ясными, незамутненными.

Как-то в субботу, уже четырнадцатилетний, Грейди вернулся домой (он подрабатывал по выходным) и увидел, что Сникерс мертв. Его мать уже вырыла могилу.

И приготовила тело к погребению. Завернула любимую собаку в простыню, а потом в самую дорогую вещь, которая у нее была, — в скатерть из ирландских кружев, которой пользовались только на День благодарения и Рождество.

Грейди нашел мать на ступеньках заднего крыльца. Она качала на руках завернутое тело, плакала, ждала сына. Два человека требовались для того, чтобы с должным уважением опустить Сникерса в могилу.

И когда летнее солнце коснулось горизонта, они это сделали. Грейди хотел забросать могилу землей, но мать настояла на том, что сделает это сама. «Он был таким милым, таким милым».

Грейди никогда не видел, как мать плакала, горюя по отцу. Она хотела, чтобы сын знал, что она сильная. Но тут скрыть слез не смогла.

Собаку подарил ей его отец. Долгими ночами собака горевала вместе с ней. И вот теперь, потеряв Сникерса, она в каком-то смысле вновь потеряла мужа.

Потом Грейди сидел с матерью в темной кухне. Могила собаки находилась в конце двора, по прямой линии от окна.

После гибели отца Грейди повзрослел на шесть лет. Его мать могла уже более открыто говорить с ним о любви и утрате, о горе и вере, об остроте ее боли, чем шестью годами раньше.

И хотя она скрыла от него остроту душевной боли и страх за будущее — какое-то время существовала опасность потери дома, — она никогда не обманывала сына. Всегда говорила ему правду, учитывая его возраст и способность эту правду осознать.

Вечером того дня, когда умер Сникерс, Грейди понял, что все лучшие качества матери основаны на одном: она любила правду и никогда не лгала.

И такой она оставалась до своего последнего вздоха — а ушла она очень молодой. Благодаря ей Грейди выше всего ставил честность.

В этот век ложь — универсальная смазка культуры. Любовь к правде редко вознаграждается и часто наказывается.

Вот Грейди и вернулся домой, в горы, чтобы изготавливать столы, стулья, шкафы в соответствии с канонами, установленными основателями Американского движения искусств и ремесел. Простые материалы и строгие линии однозначно показывали, где мебельщик позволил себе уклониться от стандарта. Мастерство и качество проявлялись в законченном продукте, и вот тут никто не мог обратить правду в ложь.

* * *

И пока Грейди сидел за столом, вглядываясь в ночь, а Мерлин — у стеклянной двери, южная часть залитого лунным светом двора вдруг осветилась новым источником света, который оставался вне поля зрения.

Грейди поднялся, обошел стол, прижался лицом к стеклу. Он ожидал увидеть свет в мастерской, которую ранее запер на все замки. Но нет, свет шел из гаража, к которому примыкала мастерская.

Тем не менее Грейди не сомневался, что именно этот незванный гость ранее побывал в мастерской, а потом утащил запеченные куриные грудки.

ГЛАВА 14

Обнаружив кровавый отпечаток на стене за дверью в подвал, Генри Роврой уже собрался выстрелить из помповика в темноту. Сдерживаться он не привык, но в этом случае подавил желание нажать на спусковой крючок.

И когда повернул выключатель, а вспыхнувший свет показал, что у нижней ступени его

никто не поджидает, Генри шумно выдохнул.

Прислушиваясь к тишине внизу, он все больше убеждался в том, что и снизу кто-то прислушивается к нему.

И почти прошептал имя. Удержал его лишь страх услышать ответ, произнесенный знакомым голосом.

Вторая дверь из подвала вела на лестницу, которая поднималась на лужайку. Генри не мог запереть в подвале незваного гостя, но перекрыть путь из подвала в дом труда не составляло.

Выключив свет, Генри закрыл дверь и запер ее на засов. Он сомневался, что засов устоит после хорошего удара. Поэтому взял ближайший стул и подставил спинку под ручку двери.

Потом продолжил осмотр дома, чтобы убедиться, что никто нигде не спрятался. Проверил, задвинуты ли шпингалеты на окнах. Подходя к каждому окну, чувствовал себя очень уязвимым, пока не задергивал шторы.

В спальне, на кровати, он оставил пистолет, из которого убил Джима и Нору. За время его отсутствия пистолет кто-то забрал. Вместе с кобурой и дополнительной обоймой.

Маленькое пятнышко крови блестело на бежевом покрывале.

Осталось обыскать два помещения: стенной шкаф и ванную. Обе двери находились на одной стене, закрытые.

Расставив ноги, чуть согнув их, чтобы смягчить отдачу, Генри направил помповик на дверь в стенной шкаф, выстрелил раз, другой. От грохота чуть не разорвало барабанные перепонки. Еще дважды он выстрелил в дверь ванной.

Дробь изрешетила тонкие двери. Скорости хватало, чтобы нашить любого, кто за ними находился. Отсутствие криков указывало, что патроны он потратил впустую.

Генри загнал последний патрон в патронник, выудил из карманов джинсов запасные патроны, зарядил магазин.

Руки дрожали, желчь выплескивало в горло. Кишки крутило. Но он не блеванул и не наложил в штаны.

В такой драматической ситуации, когда на кон поставлена жизнь, сохранение контроля над физиологическими функциями организма тянуло на подвиг. И тот факт, что трусы остались чистыми, придал Генри уверенности.

Убивать ничего не подозревающих людей оказалось гораздо легче, чем защищать собственную жизнь от вооруженного врага.

Этой истине в Гарварде не учили. Во всяком случае, по тем дисциплинам, которые изучал Генри.

Приготовление к убийству приятно, но ожидание пули в голову удовольствия не доставляло, что бы ни говорили профессора психологии о подсознательной притягательности смерти, как для мужчин, так и для женщин. Симпатичная, закованная в цепи женщина, брошенная в картофельный погреб, — это хорошо, в отличие от осознания того, что где-то рядом бродит человек с намерением вышибить тебе мозги.

Генри открыл изрешеченную дверь в стенной шкаф и не нашел там ни живых, ни мертвых. В ванной дробь разбила зеркало.

Убедившись, что в доме никого нет, Генри почувствовал себя в несколько большей безопасности, но тревога никуда не ушла. Этот дом не был крепостью. Рано или поздно ему предстояло выйти наружу.

ГЛАВА 15

Стоя в темноте, лицом к кухонному окну, глядя на юг, Грейди видел огни в окнах гаража. И поднятые ворота.

С проникновением в гараж проблем у незваного гостя возникнуть не могло. Ни одно из

окон не запиралось на шпингалет. В сельской местности уровень преступности такой же низкий, как в Ватикане, вот Грейди и не видел необходимости в установке запорных устройств в гараже.

С минуту он наблюдал за чьим-то силуэтом на фоне большого прямоугольника света, потом вернулся за стол и налил первую кружку из термоса.

Сидя у стеклянной двери, Мерлин взвизгнул.

— Я не знаю, но, возможно, смысл в том, чтобы проверить, наблюдаем ли мы. Если наблюдаем, то вроде бы должны выйти к гаражу, чтобы посмотреть, что происходит.

Собака промолчала.

— И я чувствую, лучше обставить все так, будто мы легли спать. Если кто-то убедится, что мы не наблюдаем, возможно, нам удастся что-то увидеть.

От кофе, чуть сдобренного корицей, шел тонкий аромат. И вкусом напитков не уступал запаху.

Наблюдательность и терпеливое ожидание — этими навыками Грейди овладел в совершенстве. Практиковал долгие годы. Такая уж у него была работа.

Его друг Марк Пипп прозвал его Игуаной. Как эта ящерица, он мог сидеть неподвижно так долго, что становился частью интерьера или пейзажа. Он оставался на виду, но его присутствие забывалось.

Марк умер уже десять лет назад. Но Грейди вспоминал его едва ли не каждый день.

Сына миссис Пипп убил сенатор Соединенных Штатов Америки. Грейди следовало заметить, что к этому идет, и постараться предотвратить смерть Марка, а потому он корил себя за гибель друга.

Некоторые не согласятся с такой постановкой вопроса. Когда Марк умер, правда не составляла тайны для Грейди. Он не поверил официальной лжи, но и не стал искать оправданий для себя.

Его мать говорила, что ложь самому себе — самая худшая, какая только может быть. Если ты не можешь сам признать правду, то уже не знаешь, кто ты. Не сможешь искупить грех, потому что не видишь необходимости в искуплении.

Грейди признавал необходимость искупления, но понимал, что для этого ему придется прожить долгую жизнь.

Поднявшись, Мерлин в темноте прошествовал к миске с водой, широкой и глубокой. Когда начал лакать, в тиши кухни создалось ощущение, будто лошадь-тяжеловес пьет из корыта.

Во дворе теперь только луна разгоняла темноту. Свет в гараже погас.

В поисках проявлений любви волкодав подошел к Грейди. Голова Мерлина возвышалась над столом, и Грейди нежно потирал уши пса большим и указательным пальцами.

Когда твое занятие — терпеливое наблюдение, поставленное на якорь тело раздражает разум до такой степени, что он превращается в оторвавшийся, летящий под ветром парус. Мысли устремляются к архипелагу не связанных одна с другой тем. Путешествие это вроде бы бесцельное... но иной раз может привести тебя в некий порт, где есть о чем подумать.

Грейди вдруг удивительно ярко вспомнился лес, тот самый момент, когда Мерлин миновал последние деревья и вышел на золотистый луг. За деревьями солнечный свет казался колдовским, мрачным, как медные сумерки, мерцающим, словно расшитое блестками облако, которое выдуло через открывшуюся дверь из другого мира, куда более загадочного, чем этот.

Он замешкался в нерешительности, перед тем как последовать за волкодавом, но когда вышел из леса, то увидел луг, полого уходящий вниз, залитый привычным солнечным светом, таким же, как и всегда. Медное мерцание он отмел как некий природный феномен, возникший лишь на мгновение, обусловленный определенным углом зрения и контрастом между сумраком леса и ярким светом открытого пространства. А потом появление белых животных заставило его забыть об этом уникальном явлении.

Теперь же, когда Грейди сидел за кухонным столом, волосы у него на затылке шевелились, а память прокручивала ему этот фрагмент. Снова и снова. И снова. И всякий раз те короткие мгновения возвращались к Грейди со все большей четкостью. Теперь он не только вспоминал радужное мерцание, но и видел то, что не вспоминалось раньше: трехмерность явления, все его особенности в самых мельчайших подробностях.

Он будто перенесся на лесную тропу в тот самый момент. Черный и серый Мерлин, ни к чему не пристегнутая тень, шел к лугу, тогда как Грейди остановился. Над головой зеленый полог из слившихся игл, темно-зеленый, недвижимый, пахучий. Впереди стволы сосен и ветви, практически черные на фоне мерцающего медного света, притягательного и сверкающего света, очень важного света, *света*.

Воспоминание поблекло, из леса Грейди перенесся в настоящее, на кухню, обнаружил, что уже стоит у стола и опрокинул стул, когда резко поднимался. Он не просто вспоминал, с ним случилось что-то другое, чего он не мог выразить словами: он вернулся в прошлое событие, ощутил те мгновения всеми пятью органами чувств.

Раньше, когда все это происходило наяву, он даже не понял, какой удивительный видел свет, и только теперь, через воспоминание, из безопасного настоящего, осознал, что жизнь свела его с чем-то совершенно необычным, никому не ведомым.

Волосы на голове встали дыбом, шея стала липкой от холодного пота, гулко застучало сердце.

Глаза Грейди приспособились к темноте, и он видел Мерлина, стоявшего в нескольких футах, напрягшегося, с интересом разглядывающего его.

За окном, за укрытым тенью крыльцом, горящая луна, казалось, засыпала двор и деревья фосфоресцирующим пеплом. И ночь застыла, словно дом перенесся в безвоздушное пространство.

А потом что-то шевельнулось в ночи: быстрое, гибкое, о четырех лапах, белое. Два этих «что-то».

ГЛАВА 16

В самом дорогом из пяти ресторанов отеля-казино пол большого бара выложили черным мрамором и инкрустировали ромбами из золотистого оникса. На стены оникс тратить не стали, зато потолок блеснул целыми панелями оникса, подсвеченными изнутри. И за барной стойкой из того же черного мрамора место зеркала занимали подсвеченные сзади панели из оникса, по которым бежали силуэты волков.

Если бы Дракула сменил профессию и стал дизайнером по интерьерам, он, возможно, предложил бы заказчикам именно такой проект.

Сев за стойкой, Ламар Вулси заказал первый алкогольный напиток за весь вечер: бутылку датского пива «Элефант».

Некоторые люди за столиками ждали, когда метрдотель пригласит их на обед, но те, кто сидел у стойки, пришли сюда не для того, чтобы пообедать. Мужчины составляли большинство, но, мужчины или женщины, все они покинули казино, чтобы отсрочить самоуничтожение.

Их настроение разнилось, от натужной веселости до мрачной погруженности в собственные мысли, но все они производили на Ламара одинаковое впечатление: от них так и веяло отчаянием.

Они пришли к азартным играм с надеждой. Эмили Дикинсон¹, поэтесса, написала: «Надежда — нечто с перьями, что прячется в душе». Но если человек питает ложную надежду, нечто с перьями может превратиться в остроклювого ястреба, который выклюет душу и сердце.

¹ Дикинсон, Эмили (1830-1886) — знаменитая американская поэтесса. Никогда не озаглавливала свои стихотворения. Ниже приведено начало стихотворения номер 254.

В присущей ему добродушной манере Ламар поболтал с шестью беглецами от карт и костей. В какой-то момент, после философской тирады, он задавал один вопрос: «Не думайте, просто ответьте. Какое первое слово приходит вам в голову, когда я говорю *надежда!*»

Все еще на первой бутылке пива, Ламар не знал, какой ответ он сочтет оптимальным, но его не было среди первых пяти: *удача, деньги, деньги, перемены, никакое*.

Шестым собеседником Ламара оказался Юджин О'Мэлли, мужчина лет под тридцать с таким невинным лицом и скромными манерами, что даже со щетиной на щеках и подбородке и налитыми кровью глазами он не выглядел порочным, только несчастным.

Положив обе руки на стойку, сцепив пальцы на бутылке пива «ДДД», на вопрос Ламара он ответил: «Дом».

— У вас есть дом, мистер О'Мэлли?

— Зовите меня Джин. Да, по дороге в Хендерсон.

— И это дом дает вам надежду?

— Лиана. Моя жена.

— Она хорошая жена, да?

— Лучше не бывает.

— Тогда почему вы здесь, О'Мэлли?

— Должен быть на работе. Бригадир ночной смены строителей.

— Никакого строительства я поблизости не заметил.

— Кому нужна вторая смена при таком состоянии экономики? Потерял работу неделю тому назад. Не могу заставить себя сказать об этом Лиане.

— Но, мой дорогой О'Мэлли, если она достойная женщина...

— Ее уволили в июле. Через шесть недель родится ребенок.

— Вот вы и решили, что удача должна повернуться к вам лицом.

— Ошибся, Эд.

В баре Ламар представлялся как Эдуард Лоренц.

— Много проиграли? — спросил он.

— Теперь всё много. Я спустил четырнадцать сотен, половину выходного пособия. Не знаю, что со мной случилось, просто рехнулся.

Ламар допил пиво.

— Вы не станете проявлять свой ирландский темперамент, О'Мэлли? Не врежете старику за то, что он задаст грубый вопрос?

— Вы не такой уж старик, да и грубости я от вас не слышал.

— Только никакой лжи... Вы — заядлый игрок или всего лишь чертов дурак?

Джин рассмеялся.

— Умеете вы найти подход к людям, Эд. Я — чертов дурак, который никогда больше не заглянет в казино.

— Пожалуй, я вам верю. Никогда не встречал лжецов среди О'Мэлли.

— Вы знакомы со многими О'Мэлли?

— Вы первый. О'Мэлли, вы знаете, кто такой Исаак Ньютон?

— Ученый или что-то такое.

— И ученый, и что-то такое. Сотни лет ньютоновская физика давала науке инструменты, необходимые для построения современного мира. Теории и методы Ньютона по-прежнему работают, но теперь мы знаем, что многие из них несовершенны и даже ошибочны.

— Как же они могут работать, если они ошибочные?

— Это связано с редуктивистским подходом и влиянием аппроксимации на достоверность кратковременного эффекта.

— Да, разумеется, — и О'Мэлли закатил глаза.

— Эйнштейн уничтожил ньютоновскую иллюзию абсолютного пространства и времени. Квантовая теория положила конец самой идее контролируемого измерения процесса.

— И сколько пива вы выпили, Эд?

— Все это имеет непосредственное отношение к приятному сюрпризу, который ждет вас, О'Мэлли. Вы знаете Галилея?

— Лично — нет.

— Галилей тоже был великим ученым, и одну из его теорий, связанную с колебаниями маятника — период колебания остается независимым от амплитуды, — по-прежнему преподают на уроках физики в средней школе, то есть более чем через триста лет после ее открытия. Но она неверна.

— Готов спорить, вы знаете, что в ней не так, — ответил О'Мэлли, справедливо полагая, что эксцентричного человека лучше не сердить.

— Все, кто занимается физикой последние тридцать лет, знают, что это неправильно, но школьная программа остается прежней. Галилей пользовался линейными уравнениями. Но в системе присутствует турбулентность, поэтому требуется нелинейный подход. Хаос, О'Мэлли. Даже в такой простой системе, как маятник, не обойтись без учета хаоса, потенциального источника сложного и неожиданного поведения. А теперь я хочу вам кое-что дать.

— Что мне нужно, так это волшебные слова, которые убедят Лиану простить меня.

— Жизнь иногда может казаться бесконечно сложной, непредсказуемой, хаотичной. А потом необъяснимый порядок дает о себе знать. Вы скажете Лиане, что сделали вы и что сделал я, и она поймет, что и в хаосе есть порядок. Но сначала обналичьте вот это и отнесите деньги домой.

Из кармана белого пиджака спортивного покроя Ламар вытащил семнадцать фишек, которые стоили семнадцать тысяч долларов, и положил на стойку бара.

ГЛАВА 17

Снежная пара скользила через залитый лунным светом двор, похожая на кошек, похожая на волков, но определенно не кошки и не волки, и узнаваемые, и совершенно незнакомые, видения из сна.

Когда животные по дуге повернули к дому и исчезли за северным краем крыльца, Грейди поспешил из кухни, ориентируясь по светящимся часам над духовкой и гудению холодильника.

Шел по темному коридору, держась рукой за левую стену, пока не добрался до двери.

В кабинете два светлых прямоугольника лежали на пол аккуратно напротив двери. Знакомство с обстановкой позволило Грейди быстро добраться до окон с раздвинутыми шторами.

Пересекая кабинет, он ахнул, когда фигура появилась на фоне одного из прямоугольников лунного света. Тут же понял, что это Мерлин, поставивший лапы на подоконник. Грейди прошел к другому окну.

Ночь еще мгновение оставалась такой же, как и тысячу лет до этого: полная загадочности, тайны и угрозы, но на самом деле менее опасная, чем день, хотя бы потому, что теперь спало куда больше людей, чем после рассвета. Древние звезды, древняя луна, древняя земля, ее потрепанная временем красота, скрытая от глаз до восхода солнца...

А потом ночь обрела новизну, потому что появились белые загадочные животные. Какое-то время они держались у самого дома, невидимые, а затем, проскочив мимо ствола березы, побежали через лужайку на север. Остановились на пределе видимости, белые пятна в бледном лунном свете, сблизилась, словно совещаясь.

Возбужденно дыша, поставив передние лапы на подоконник, волкодав хотел выскочить в ночь, броситься вслед.

— Сидеть! — приказал Грейди. — Сидеть! — Ему пришлось повторить команду третий раз, чтобы собака успокоилась.

Из темноты гости вернулись, но не прямым путем, а по дуге, направляясь к востоку и к фасаду дома.

Опустившись на пол, где его не доставал свет лампы-луны, Мерлин исчез, превратился в собачий полтергейст, его присутствие выдавали только поскребывание когтей по половицам да удары хвоста по мебели и дверной коробке, когда он выбегал из кабинета.

Повернувшись к окнам спиной, Грейди двинулся к двери, выставив руки перед собой. Потом прошел коридором, скользя одной ладонью по стене, пока не добрался до гостиной.

Мерлин уже материализовался у окна справа от двери, вновь поставил лапы на подоконник.

Направляясь к левому от двери окну, Грейди наткнулся на стол. Почувствовал, как лампа качнулась, нащупал ее, не дал упасть.

Ранее он раздвинул все шторы и поднял жалюзи, не представляя себе, что ему придется кружить по дому, преследуя гостей. Ему просто хотелось получить быстрый доступ к окну, если поднимется шум или будет предпринята попытка проникновения в дом.

К тому времени, когда он добрался до окна, Грейди начал подозревать, что эти загадочные животные проявляют по отношению к нему не меньшее любопытство, чем он — к ним, и что они желают в полной мере это любопытство утолить.

За крыльцом, к востоку от дома, находилась передняя лужайка, часть которой укрывали лунной тенью ветви громадной березы.

Грейди не обнаружил гостей ни на передней лужайке, ни на шоссе — Крекер-драйв, — часть которого видел из окна.

Ничто и никто не двигалось в ночи. Грейди не видел ни одного оленя, хотя они частенько приходили, чтобы пощипать травку на лужайке. И койоты, случалось, бродили в лунном свете, с длинными лапами, худющие, но в эту ночь они охотились в другом месте.

Словно зная о зрителях и стремясь обставить свое появление с максимальным драматизмом, существа синхронно перепрыгнули через ограждение северной стороны крыльца, быстро, как два лучика света, пересекли его и исчезли за ограждением на южной стороне.

Скорость, с которой они двигались, и темнота на крыльце не позволили Грейди узнать что-либо новое о своих гостях, в сравнении с дневной встречей на лугу. Подтвердились их размеры и проворство, плюс он вроде бы увидел пушистые хвосты, но вот морды опять разглядеть не удалось.

Бежали они на четырех лапах, но, кажется, поднялись на задние у южной стороны крыльца, выпрямившись, сделали несколько шагов и перепрыгнули через ограждение крыльца. Их движения определенно отличались от движений четвероногих млекопитающих, которые обитали в этих горах, но чем конкретно, он пока сказать не мог.

Как только существа скрылись из виду, Мерлин покинул свой пост и, ни на что не натыкаясь, поспешил через темную гостиную в коридор. Скорее всего, волкодав намеревался отслеживать этих животных через одно из окон библиотеки.

Грейди не сомневался, что гости очень им заинтересовались, и не видел причин для того, чтобы бежать за ними в темноте, рискуя упасть и сломать ногу. Они явно не собирались ретироваться в горы, оставив его гадать, а с кем это ему пришлось столкнуться. Они инициировали процесс знакомства и, похоже, не собирались его обрывать.

И это говорило о многом. Дикие животные по природе пугливы. Даже такие уверенные в себе хищники, как пумы, обычно уходят в кусты при виде человеческого существа.

Здесь, в лесах, бесстрашны только медведи. Бурый медведь массой в восемьсот фунтов всегда готов и напасть на человека, и проигнорировать его.

Грейди осторожно пересек гостиную, от дивана — к креслу, к другому креслу, и когда добрался до коридора, услышал, как коротко тявкнул Мерлин, демонстрируя собачье волнение.

ГЛАВА 18

Мотылек плясал в ложном пламени потолочной лампы, и его тень металась по страницам книг, в которых Камми Райверс искала ответы.

Лошадям и другим животным на ферме «Высокий луг» вроде бы не стало хуже после того, как вчера они побывали в трансе, если это был транс. Но такое поведение, несомненно, являлось симптомом какой-то болезни.

На кухонном столе ее квартиры над ветеринарной лечебницей горкой лежали справочники, но пока она не нашла в них ничего путного. И Интернет не оправдал ее надежд. Теперь она отложила одну книгу и взяла следующую, открыла алфавитный указатель.

Малые эпилептические припадки не сопровождались аномальными движениями. Субъект вроде бы оставался в сознании, хотя на самом деле терял его, и припадок могли спутать с уходом в грезы или невнимательностью.

Но самый длительный малый эпилептический припадок длился меньше минуты. А на ферме «Высокий луг» чистопородные лошади и их любимцы пробыли в трансе более четверти часа.

Кроме того, ни у одного из животных на ферме эпилепсия ранее не диагностировалась. И здравый смысл не позволял предполагать, что они все разом заболели болезнью, которая бывает у одного из трехсот.

Если отбросить случаи наследственного заболевания, причиной эпилепсии могли стать родовая травма или удар по голове. Возникала эпилепсия и как осложнение после перенесенного менингита, энцефалита, бактериологических инфекций мозга. Но симптомы этих болезней сразу бросались в глаза. Ни одно из животных на ферме «Высокий луг» — обо всех и речи не было — этими болезнями не страдало.

Вычеркнув эпилепсию, Камми перешла к общим грибковым заболеваниям, микозам. Она вроде бы помнила, что некоторые экзотические грибки, не такие распространенные, как кокцидиозидии, могли воздействовать на мозг, вызывая малые эпилептические припадки и галлюцинации.

Грибки обычно имели четко выраженный регион распространения. Но Камми не стала ограничивать поиск Скалистыми горами и даже Западным полушарием.

Такие симптомы микозы вызывали крайне редко. Еще реже случалось, чтобы одинаковые симптомы проявлялись у четырех различных видов животных — лошадей, коз, кошек и собак.

Утку Камми в расчет не брала. Никогда не лечила уток. Не знала, как думают утки, если они вообще думают. Утка только отвлекала. К черту утку.

Проблема заключалась в том, что ни у одного из животных не проявлялись более распространенные симптомы грибковых заболеваний: понос, температура, хронический кашель, затрудненное дыхание, потеря веса, летаргия...

Прежде чем покинуть ферму «Высокий луг», Камми взяла кровь у трех лошадей, трех коз и трех собак. Утром она собиралась отправить кровь на анализ в лабораторию в Колорадо-Спрингс.

Учитывая, что животные не испытывали боли и не никаких тревожных симптомов, помимо общего транса, у них не проявлялось, Камми решила, что может дожидаться результатов анализов. И от микозов перешла к другим томам, в которых описывались еще более редкие и экзотические протозойные заболевания¹.

Камми в прямом смысле посвятила жизнь лечению животных и избавлению их от страданий. Жила только ради этого. Ее пациенты были ее семьей, ее детьми, страстью, предназначением, единственной дорогой к умиротворенности.

Ни одно животное никогда не предало ее. Ни одно животное не лишало ее чувства собственного достоинства. Ни одно животное не пыталось подчинить ее себе или унижить. Ни одно животное не пыталось ее.

¹ Протозойные заболевания — заболевания, вызванные простейшими микроорганизмами.

Тень молчаливых крыльев металась по стопкам книг, по страницам открытой книги, по покрытым шрамами рукам Камми.

ГЛАВА 19

По южную сторону коридора первого этажа находилась столовая, стены которой Грейди устали стеллажами, чтобы держать на них книги, для которых давно уже не хватало места в кабинете. Столовая ему не требовалась. Он всегда ел за кухонным столом, у которого стояло два стула, и в редких случаях приглашал вечером только одного гостя.

Следуя за собачьим лаем, Грейди переступил порог библиотеки.

Мерлин поставил лапы на подоконник, как проделывал это в других комнатах. Грейди прошел три шага, прежде чем замер при виде того, что находилось за окном, не в силах осознать, что перед ним.

Относительно дома луна находилась ближе к востоку, чем к западу, ближе к северу, чем к югу. С этой стороны стену не закрывала крыша крыльца, но лунный свет не освещал окна библиотеки, как это было в гостиной.

Подвешенные в темноте за стеклом, чуть выше большой головы волкодава, светились четыре золотистые сферы, каждая примерно три дюйма в диаметре, яркие, как свеча, но излучающие ровный, немигающий или мерцающий свет. Две сферы располагались на одной горизонтальной линии, две — под углом.

«Пузыри», — подумал Грейди, и не только потому, что они, казалось, парили в воздухе. Цвет их не был таким же ровным, как свечение. Они чуть переливались. Оттенки желтого пробегали по ним, где-то вдруг проглядывало медное, потом серебристое, аналогично тому, как на поверхности мыльного пузыря можно увидеть весь цветовой спектр.

С той же легкостью, с какой Грейди подумал о парящих объектах как о пузырях, он предположил, что они не эфемерные, а куда более плотные.

Хотя и полные света, сферы, похоже, его не излучали. Во всяком случае, не освещали ни стеклянные панели, ни волкодава по эту сторону стекла. И оконная рама из кедра оставалась темной. Эти сферы ни с чем не делились светом, который их наполнял.

Грейди направился к окну, и с сокращением расстояния до волкодава переливчатость сфер усилилась. В двух сквозь желтое теперь просвечивало синее, много оттенков синего сразу, но желтизна тоже оставалась. А вот в третьей и четвертой сферах желтое полностью уступило место синему и зеленому.

Волкодав непрестанно повизгивал, выражая волнение, но очень пронзительно, как собака гораздо меньших размеров.

А сферы, при всей своей красоте, несли в себе отпечаток необычности. Это северное сияние из ярких цветов, заключенное в невесомые шары размером с теннисный мяч, которые зависли за окном вроде бы без особой на то цели... Грейди никогда не приходилось сталкиваться с чем-то подобным, они выглядели такими загадочными, не поддающимися логическому объяснению, завораживающими, и чем дольше он на них смотрел, тем сильнее путались его мысли.

Голова пошла кругом, он почувствовал, как тело становится легче и легче, словно закон всемирного тяготения перестал действовать, и через мгновение-другое он поднимется в воздух и зависнет в темноте по эту сторону стекла, точно так же, как сферы парили с другой стороны. Потом одна пара сфер моргнула, вторая тоже, и еще раз, и вот тут Грейди, конечно же, все понял: глаза. Темное пятно в центре каждой сферы — зрачок. Сами сферы — радужные оболочки. Невероятно огромные, светящиеся, меняющие цвет глаза.

Эти два существа забрались на подоконник. Одно держало голову прямо, другое — склонило набок: два глаза на горизонтальной линии, два — под углом.

На минуту эти переливчатые сферы сковали Грейди, полностью захватили его внимание, просто зачаровали. Но теперь он мог видеть не только глаза, но и силуэты, какое-

то подобие черт, возможно, и передние лапы.

Существа прыгнули на траву.

Вынужденный преследовать их от окна к окну, но не потерявший охотничьего азарта Мерлин, глухо рыча, покинул свой пост.

Грейди всмотрелся в стекло, чуть запотевшее от дыхания собаки.

Животные убежали в ночь, светящиеся глаза исчезли.

Мерлин выскочил из библиотеки и помчался на кухню. Грейди стоял как оглушенный, потрясенный до такой степени, что не мог пошевелиться, только удар он получил не физический, а эмоциональный. Разглядеть эту странную пару ему удалось чуть получше, чем на лугу, но прибавились не ответы, а вопросы.

Мерлин лаял редко. А тут залаял.

ГЛАВА 20

Генри Роврой поднял с пола ванной выбитые дробью фрагменты собственного отражения и бросил куски разбитого зеркала в пластиковый мешок для мусора.

Прежде чем бросить серебристый осколок в мешок, он всякий раз делал паузу, чтобы изучить отражение своего взгляда. В глазах ничего не видел, уж точно не видел чувства вины. Не существовало такого понятия, как вина, разве что в умах слабаков, которые верили в ложных богов власти. Такую же пустоту он видел в глазах трупа Норы Карлайт, универсальную пустоту человеческого взгляда.

Глаза никак не могли быть окнами души, и за ними можно было разглядеть только тысячи желаний, потребностей, устремлений и кое-что еще — страх. Генри знал свои желания, и у него не было необходимости открывать их в собственных глазах. Он знал, что его желания и потребности ненасытны и ему придется кормить и кормить их, потому что аппетитом с ними не мог сравниться ни один обжора. Первая женщина в картофельном погребе не станет последней, и проживи он достаточно долго, поля на ферме брата превратились бы в шестиакровое кладбище без единого надгробного камня.

А вот наличие страха в своих глазах Генри признал. Никаких властей он не боялся. Но боялся таких же, как он сам, людей, которые уже стали монстрами или только становились ими. Он знал, на что они способны, поскольку знал, на что способен он сам: на все.

В человеческом животном Генри не видел ничего удивительного, ничего возвышенного, ничего особенного. Только две роли существовали для любого человеческого существа: дичи или хищника. Правь сам, или править будут тобой. Давай указания или подчиняйся указаниям других.

Находящийся где-то неподалеку хищник вознамерился воспрепятствовать Генри создать убежище для выживания на территории этой фермы. Этот неизвестный соперник мог преследовать только одну цель: захватить эту территорию и пережить здесь надвигающуюся катастрофу.

Если расклад был таким — а другим он просто быть не мог, — тогда речь шла о человеке, который *знал о надвигающейся катастрофе*, то есть вращался в тех же вашингтонских кругах, что и Генри. Должно быть, ему стало известно, что Генри похитил огромные деньги, и после этого он установил за Генри слежку, чтобы выяснить, каковы его дальнейшие намерения.

В этих вашингтонских кругах хватало людей, обладающих неограниченными возможностями по части слежки. Генри, конечно, положил немало сил на то, чтобы скрыть кражу и замести следы, уезжая на запад, но, вероятно, где-то допустил ошибку.

Он не верил, что ему противостоит его брат, Джим. Джим умер. Получил три пули. Последнюю — в лицо. Даже если бы Джим выжил — а такого быть не могло, — он бы ослеп, а повреждения мозга превратили бы его в овощ.

Подобрав последний осколок зеркала, Генри отнес мешок на кухню и опустил в

мусорное ведро. Помпо-вик прихватил с собой.

У двери подвала стул по-прежнему подпирал ручку.

Прижавшись ухом к щели между дверью и дверной коробкой, Генри затаил дыхание и прислушался. Снизу не доносилось ни звука.

Возможно, некоторые суеверные люди могли задаться вопросом, а не вернулся ли Джим из мертвых, чтобы отомстить. Генри не верил в жизнь после смерти, ни в духовную, ни в ту, что показывали в фильмах о зомби.

Пропавшие тела, кровавый отпечаток ладони, пятнышко крови на покрывале — все это театральные эффекты. Кто-то по части юмора так и не стал взрослым. Этот кто-то хотел помучить Генри.

Конечно же, неведомый противник Генри был садистом. Удивляться этому не приходилось. В вашингтонских кругах, в которых вращался Генри, большинство составляли садисты. У определенного типа людей садизм и жажда власти являли собой неразлучную парочку.

Годом раньше Генри обнаружил, что садизм не чужд и ему. Впервые это случилось, когда он наблюдал за манипуляциями женщины — шеф-повара на канале «Фуд нетуок» и представлял себе шестнадцать различных способов ее убийства. Когда передача закончилась, он не мог вспомнить ни единого приготовленного женщиной блюда.

Потом он переключился на канал «Дом и сад», где попал на программу симпатичной женщины, ландшафтного дизайнера. К концу передачи богатое воображение Генри нарисовало женщину, обнаженную, у колонны из известняка, привязанную к ней колючей проволокой.

За последний год ни одна женщина на телевидении не могла чувствовать себя в безопасности после того, как Генри брал в руку дистанционный пульт управления. Некоторые знаменитости вдохновляли его на такие экстраординарные садистские фантазии, что он купил телевизор с самым большим плоским экраном, какой только продавался на рынке.

У Джима и Норы телевизора не было. В такой глубинке кабельных сетей не существовало, а потратиться на спутниковое телевидение они не хотели.

Если бы планы Генри Ровроя реализовались, у него тоже не нашлось бы времени на телевизор. Он сомневался, что ему удастся посадить в картофельный погреб женщину — шеф-повара, но даже в сельской местности штата Колорадо не было недостатка в женщинах, которые могли послужить его целям.

Считая себя интеллектуалом, Генри много думал о своих садистских наклонностях. Он понимал, что импульсом послужила не та кулинарная передача. Садизм всегда был фундаментальным свойством его характера. Но большую часть жизни он подавлял садистские наклонности, чтобы не оказаться в тюрьме. Всю не растраченную на садизм энергию вкладывал в карьеру, грел честолюбие достижениями на этой стезе.

Годом раньше, основываясь на секретных данных, он понял, что грядет время, когда ошибки местных властей приведут к социальному взрыву и хаосу, к формированию условий, когда садист может сдаться своим наклонностям, не боясь наказания. Стране вскорости предстояло превратиться в парк развлечений для таких людей, как он.

Чтобы подготовиться к этому времени безграничных удовольствий, нужно было сделать многое. Запастись всем необходимым на долгие годы. Засеять первую сотню ярдов, или чуть больше, проселочной дороги, отходящей от шоссе, чтобы трава и сорняки полностью ее скрыли. Дальше завалить дорогу срубленными деревьями, чтобы совершенно заблокировать подъезд к дому, но предварительно проложить по лесу тропу, позволяющую выезжать на шоссе на внедорожнике.

Он не собирался продавать лошадей и кур или избавляться от них иным способом. В образ брата он влезал не для того, чтобы становиться фермером.

Генри передергивало от одной мысли о том, что ему придется кормить кур и собирать яйца. И он не мог представить себе, как забивает и ощипывает кур. Человек образованный и

утонченный, многого достигший, он никогда бы не опустился до такой степени, чтобы есть то, что он сам и убивал.

Прежде чем убить женщин, которых Генри предполагал поселить в картофельном погребе, он, скорее всего, их бы искушал, это могло составить часть его развлечений, но *есть* точно не собирался. Такое могло происходить только в Голливуде двадцатого века, а Генри презирал штампы, как презирал людей, которые питались в забегаловках быстрого обслуживания, покупали костюмы, сшитые на конвейере, а не на заказ, людей, которые во что-то верили, и людей вообще.

Какое-то время, ожидая, когда его враг сделает следующий шаг, Генри ни о чем не думал. Иногда он испытывал огромное облегчение, ни о чем не думая. Усилием воли он умел превращаться только в плоть, полностью отключая мыслительные процессы, благодаря которым человек и являлся человеком.

Ральф Уолдо Эмерсон, литературный гений, кумир Генри, верил, что каждый из нас должен быть кругом, изобретающим свою собственную истину мгновение за мгновением, поглощающим эту истину, как змея поглощает свой хвост, всегда катящимся вперед, живущим ради этого мгновения и последующего, всегда ищущим новое, становящимся новым, преобразуясь, даже изменяясь со своими всегда изменяющимися истинами. В движении, в приближении к всегда новой личности, по словам Эмерсона: «Я — несовершенство, обожающее мое собственное Совершенство».

Теперь несовершенный Генри стал совершенным кругом. Ничего внутри круга. Ничего снаружи. Всего лишь тонкая линия, изгибающаяся себе навстречу.

Это, конечно, один из видов медитации, когда даже не знаешь, что медитируешь, медитация безо всякой цели.

Перестав быть ничем, он сидел у кухонного стола, маленькими глотками пил посредственное вино. Ждал развития событий. Пауза, возникшая в отношениях между ним и его неизвестным врагом, не могла длиться вечно.

Этот момент настал, когда он услышал шаги: кто-то поднимался по деревянной лестнице из подвала.

Генри поднялся, взял со стола помповик.

Тяжелые шаги говорили о том, что незваный гость или нес какой-то груз, или едва переставлял ноги. Наконец он добрался до верхней ступени.

Генри ждал. Как и человек по другую сторону двери в подвал.

Через какое-то время ручка шевельнулась, нажимая на спинку подставленного под нее стула. Потом перестала двигаться.

ГЛАВА 21

После обеда Ламар Вулси вернулся в номер своего лас-вегасского отеля и включил компьютер. Он получил шесть электронных писем.

Быстро ответил на пять, но задумался над ответом на шестое, от Саймона Норткотта. Саймон уже приехал в Денвер, где следующим днем начиналась конференция.

Его доклад планировался на четверг, а он предлагал использовать это время для дебатов с Ламаром. Саймон указал в письме три возможные темы для дебатов, по каждой из которых они уже неоднократно дискутировали.

Дебаты с Саймоном были столь же бесполезны, как дебаты по поводу конституционного закона с бродвейским тенором, которого заботил только теплый прием зрителями. Если бы аудиторию действительно волновал закон, у певца не было бы ни единого шанса на победу в дебатах; но поскольку все могли оценить виртуозную трактовку «Янки Дудл Дэнди»¹, аплодисментов хватило бы, чтобы певец счел себя победителем.

¹ «Янки Дудл» — походная песня в маршевом ритме, имеющая давнюю историю. В XVI в. пришла в Англию из Голландии. В США появилась во время войны с французами и индейцами. Текст постоянно менялся.

В свое время человек здравомыслящий, Саймон стал скорее евангелистом, чем ученым. Новая версия логики не позволяла ему отбрасывать или даже пересматривать любимую теорию в свете вновь открывшихся обстоятельств. Вместо этого Саймон требовал так интерпретировать новые данные, чтобы они поддержали теорию, которой он и многие другие посвятили свою карьеру.

Наконец Ламар Вулси ответил на приглашение поучаствовать в дебатах:

«Дорогой Норткотт!

Столетия, от зарождения науки до года, когда я родился, считалось, что Вселенная существует вечно в том состоянии, в каком мы ее наблюдаем. Потом пришли теория Большого взрыва и десятилетия накопления доказательств того, что начало Вселенной положил катаклизм, с момента которого она продолжает расширяться. Если я проживу достаточно долго, еще одна научная революция приведет к тому, что необходимость дебатировать на твою любимую тему отпадет. И тогда мне потребуется лишь сказать, что я тебе это говорил. С нетерпением жду твоего доклада».

Переодевшись в пижаму и почистив зубы, Ламар присел на край кровати и набрал домашний номер в Чикаго.

Выслушал сообщение автоответчика: «Вы позвонили в резиденцию Вулси. Сейчас никто не может ответить на ваш звонок, но, пожалуйста, оставьте сообщение, и мы вам перезвоним».

Он бы мог прослушать оставленные сообщения, но слишком устал. Отложил это занятие на завтра.

Нового сообщения он не оставил. В доме не было никого, кто мог бы его получить.

Он позвонил лишь для того, чтобы услышать свою жену, Эстель, которая записала это послание на автоответчик. Она уже три года как умерла от аневризмы, но Ламар так и не изменил запись.

Когда он выключил лампу на прикроватном столике, голос остался звучать в памяти. Закрыв глаза, он увидел ее. Погружаясь в сон, надеялся, что она ему приснится.

Кошмар с Эстель ему присниться не мог. Ее присутствие гарантировало радостный, умиротворенный сон.

ГЛАВА 22

Войдя на кухню, Грейди шепнул несколько успокаивающих слов разнервничавшемуся волкодаву. Стоя у стеклянной двери, вглядываясь в темноту, Мерлин перестал лаять, но принялся повизгивать, словно видел других собак, играющих во дворе, и ему не терпелось присоединиться к ним.

Грейди наклонился через стол, вглядываясь в окно, около которого он недавно нес вахту. Его глаза уже настолько привыкли к темноте, что он сразу увидел этих двух существ.

Одно сидело, как могла бы сидеть собака, на том самом стуле, который занимал Грейди ближе к вечеру, когда Мерлин бродил по двору, определяясь с запахами. Второе устроилось на столе, где раньше лежали три справочника по фауне здешних гор.

Поскольку оба сидели спинами к дому, их глаза Грейди увидеть не мог. Эти невероятные, необъяснимые глаза.

Тот луг был не просто местом. Тот луг был моментом. Центром вращения и рычагом, изменившими его жизнь, и не просто его жизнь, гораздо большее, чем его жизнь, возможно,

всё.

Он подумал о своей матери, которая после смерти его отца сидела у такого же окна, окна, через которое она видела свое прошлое и свое будущее.

И эта ночь стала ночью окон, наверху и внизу, на севере, востоке, юге и западе, окон в прошлое, настоящее и будущее. Он подошел к двери, у которой ждал Мерлин, но и дверь эта, с девятью стеклянными панелями сверху донизу, по существу, тоже была окном.

На крыльце животные продолжали смотреть в сторону двора, ночи, гор и луны.

Они не могли не знать о присутствии Грейди, хотя бы потому, что Мерлин перестал лаять и теперь нетерпеливо повизгивал. И, однако, на него они не смотрели.

Грейди включил свет на кухне и на заднем крыльце.

Рядом с ним Мерлин уже не повизгивал, лишь учащенно дышал. Волкодав не выказывал ни страха, ни агрессивности. Его хвост постукивал, постукивал, постукивал по полу.

Грейди замялся, взявшись за ручку двери.

Подумал о мерцающем свете, который увидел, когда приближался к лугу.

Задался вопросом, кто ранее зажигал свет в его мастерской, а потом в гараже. Кто открывал двери в мастерской? Кто поднимал гаражные ворота?

Держась одной рукой за ручку двери, он постучал костяшками пальцев другой по стеклянной панели.

Загадочные животные неподвижно сидели на стуле и на столе, отказываясь поворачивать голову и смотреть на него.

Грейди подумал о Марке Пиппе, который прозвал его Игуаной и умер насильственной смертью, убитый сенатором. Он не знал, почему подумал о Марке теперь, в этот знаменательный миг, но, с другой стороны, он так часто думал о нем в последние десять лет.

Вновь он поднес костяшки пальцев к стеклу, но не постучал. Хотел увидеть их глаза, очень хотел увидеть их, но не постучал.

Глубоко вдохнул.

Открыл дверь девяти окон и переступил порог.

Животные повернулись, чтобы посмотреть на него и внезапно ставшего таким застенчивым пса.

ГЛАВА 23

Стоя у двери, ручку которой подпирал стул, Генри ждал, что ручка повернется вновь, но этого не происходило.

Тонкие двери стенного шкафа и ванной не служили препятствием для дроби. И тому, кто находился по их другую сторону, досталось бы по полной программе.

А вот дверь в подвал сработала из дуба, и заряд даже крупной дроби мог ее не пробить. Более того, некоторые дробины могли от ricochetить, и Генри не стал рисковать.

Тот, кто стоял на верхней лестничной площадке, должно быть, прислушивался, как прислушивался Генри. Минуту или больше ни один из них не шевелился, не давая второму повода что-либо услышать.

Посредственное вино оставило неприятный привкус во рту. Теперь к привкусу прибавилась горечь. И губы пересохли. Генри это почувствовал, проведя по ним сухим языком.

Наконец, стоя за дверью, мучитель прошептал хриплым шепотом:

— Генри?

Низкий, грубый, голос этот мог принадлежать кому угодно. Не поддавался идентификации.

— Генри, Генри, Генри, Генри...

Имя мучитель произносил нечетко, из-за дефекта речи или повреждения рта.

Среди знакомых Генри человека, который так говорил, не было. За дверью стоял незнакомец. Полнейший незнакомец.

Поскольку его противник мог быть хорошо вооружен, Генри не ответил, не шевельнулся — любой звук мог выдать его точное местонахождение.

Среди оружия, которое он привез в «Лендровере», был и «Городской снайпер» — помповое ружье, стреляющее такими мощными патронами, что пуля могла остановить атакующего быка. Если и мучитель вооружился «Снайпером», дубовая дверь не могла служить надежным прикрытием.

С другой стороны двери донеслось шарканье: незванный гость поворачивался на верхней лестничной площадке. Потом тяжелые шаги спустились в подвал, растворились, превращаясь в тишину.

Генри тихонько вернулся к столу. Положил на него помповик, но остался на ногах. Хотя вино оставляло желать лучшего, он допил содержимое стакана и наполнил его вновь.

Ожидал услышать снизу какие-то звуки, но в подвале царил тишина.

Если мучитель видел, как Генри заносил в дом два чемодана, если он знал, что могло быть в этих чемоданах, тогда, скорее всего, он их уже нашел.

Генри ждал скрипа петель двери, которая открывалась на другую лестницу, дребезжания сетчатой дверцы, выводившей с лестницы на лужайку. Ничего такого он не слышал.

Через какое-то время сел.

Если мучитель бесшумно отбыл с двумя миллионами долларов, это было бы ударом, но не катастрофой. Генри привез с собой пять миллионов в бриллиантах, еще десять — облигациями на предъявителя. В сейфовых ячейках американских и зарубежных банков у него лежало множество золотых и коллекционных монет, которые стоили намного больше драгоценного металла, пошедшего на их изготовление.

В кругах, где в свое время вращался Генри, хищения имели такую давнюю историю, что рассматривались некоторыми как добрая традиция. Однако суммы, которые заимствовались из системы в прошлом, не шли ни в какое сравнение с целыми состояниями, которые выкачивались в последние годы.

Те, кто крал миллиарды, были китами, стада которых величественно бороздили океаны, и в сравнении с этими мегаворами Генри и иже с ним тянули только на рыбу-пилота. Он предполагал, что тридцать миллионов, которые ему удалось увести, так и останутся незамеченными.

Но теперь засомневался: а вдруг он ошибся, думая, что мелкая рыбешка может ощущать себя в безопасности, плавая среди левиафанов? Может, киты пожирали мелкую рыбешку с такой же готовностью, как криль или планктон.

Тот, кто поднялся и спустился по лестнице, хотел, чтобы Генри обыскал подвал. Последующая тишина имела только одно предназначение: до предела истончить его терпение.

Ему предлагалась наживка. Но он не собирался глотать крючок.

Не собирался он и выходить в ночь, чтобы проверить оставшееся содержимое багажника «Лендровера». До зари придется повременить с этим.

Мысль о заре привела его к новому вопросу: сильно ли ухудшится ситуация, если его враг отключит подачу электричества? Он бы не хотел пробираться по незнакомому дому в абсолютной темноте.

Когда Университет Колорадо использовал этот дом для проживания ученых, которые исследовали экологию хвойных лесов и проверяли теории лесопользования, электросбытовая компания, получив соответствующий подряд, вырыла траншею и проложила силовой кабель. Но кабель выходил из земли вне стен дома, и это, конечно же, было уязвимым местом.

В подвале Генри заметил распределительный щиток. Если его мучитель по-прежнему находился там и решил бы вывернуть пробки, Генри очутился бы в крошечной тьме.

Он представил себе, как пробирается по темному дому и слышит совсем близко низкий,

хриплый шепот: «*Генри, Генри, Генри...*»

С нарастающей тревогой он принялся обыскивать кухонные шкафчики и ящики, пока не нашел фонарик и запасные батарейки. Сразу успокоился: теперь все будет хорошо.

Часы показывали начало одиннадцатого, до зари оставалось еще восемь часов. Прислушиваясь всю ночь к звукам возможной попытки проникновения в дом, к утру он бы совсем вымотался. Усталость уже давала о себе знать. Не выспавшись, он уменьшал свои шансы на победу над неведомым противником.

Ему хотелось оставить включенными все лампы. Но спать он предпочитал в темноте. Если бы он выключил свет везде, за исключением одной комнаты, любой понял бы, где именно он спит.

После короткого раздумья Генри выключил флуоресцентные лампы на кухне. В темноте увидел яркую щель под дверью в подвал. Свет в подвале означал, что его мучитель или по-прежнему там, или хочет, чтобы Генри так думал.

Он оставил свет в коридоре, но выключил в кабинете, где Нора собиралась постелить ему на диване.

В гостиной выключил одну лампу, но оставил гореть другую, ту, что стояла около окна.

Он собирался лечь спать в спальне, но не там, где кто-либо мог его найти. Ситуация требовала принятия мер предосторожности, он чувствовал, что должен прибегнуть к обману.

Генри прислонил помповик к креслу в спальне. Положил фонарик и запасные батарейки на скамейку для ног.

С верхней полки в стенном шкафу с изрезанной дверью Генри достал две подушки и два одеяла. Из них решил соорудить муляж человека, спящего под одеялом.

Когда подошел к кровати, увидел перчатки.

Одеяла и подушки выпали из его рук.

На покрывале лежала пара кожаных рабочих перчаток, в которых Джим рубил дрова. Раньше их тут не было. Они пропитались кровью. Кровь запачкала и покрывало.

ГЛАВА 24

Камми Райверс, сидя на кухне, под мечущейся тенью опьяневшего от света мотылька, одну за другой исключала протозойные заболевания из списка тех, что могли послужить причиной столь странного поведения животных на ферме «Высокий луг».

Нерассмотренной оставалась только одна версия — токсическая субстанция или лекарство, подмешанные чистопородным лошадям и их любимцам. В организм эти продукты могли поступить через случайно или намеренно зараженную пищу.

Но разных животных — лошадей, коз, собак — не кормили одним и тем же. Более того, диета отличалась даже у разных лошадей. Следовательно, заражение было сознательным.

Такое объяснение показалось Камми мелодраматическим и неправдоподобным. Но других вариантов у нее не осталось.

И хотя она придерживалась старомодных методов исследования, предпочитая книги интернетовским источникам, которые зачастую выдавали неверную информацию, пришло время спуститься вниз к компьютеру. Для рассмотрения и отсеивания многочисленных лекарств с их длинными списками побочных эффектов и еще большего количества природных и изготовленных человеком ядов требовались специальные программы.

Настенный телефон зазвонил, когда Камми отодвинула стул и поднялась. Она сняла трубку.

— Камми Райверс слушает.

— Привет, док, — поздоровался Грейди Адамс. — Надеюсь, я тебя не разбудил.

— Еще нет и половины одиннадцатого, Грейди.

— Я знаю, что обычно ты встаешь рано. Слушай, можешь приехать ко мне?

— К... сейчас?

— Именно на это я и надеюсь.
— Скажи мне, что с Мерлином все в порядке.
Тремя годами раньше она отдала Грейди волкодава еще щенком.
— Он в такой отличной форме, что ты можешь оседлать его и отправиться на прогулку верхом. Тут другое.
— Что другое?
— Я бы хотел, чтобы ты взглянула собственными глазами. На них. И привези свой саквояж, все необходимое, потому что тебе, возможно, захочется их осмотреть.
— У «них» есть имя?
— В этом-то... Боюсь, что нет. Я никогда не видел ничего подобного. Сейчас они носятся за Мерлином по комнате, и ему, похоже, это нравится.
— Я должна тебя спросить, мебельщик... ты надышался парами шеллака?
— Возможно. А может, я даже его выпил.

ГЛАВА 25

Найдя пропитанные кровью перчатки, Генри Ров-рой, с помповиком наготове, обыскал дом, никого не нашел, обыскал вновь. С тем же результатом.

Стул по-прежнему подпирал ручку двери, за которой находилась лестница в подвал. Парадная дверь оставалась запертой. Так же, как дверь из кухни на заднее крыльцо.

Объяснение долго искать не пришлось. У врага был ключ. Несомненно, он нашел его на трупе Джима или Норы.

И пока Генри сидел за кухонным столом, прислушиваясь к звукам в подвале, пил отвратительное вино, которое выжали, скорее всего, из пластмассовых виноградных гроздей, а не из настоящих, его мучитель воспользовался ключом, чтобы спокойно войти через парадную дверь. Оставил на кровати кровавые перчатки, перчатки, в которых Генри перетаскивал трупы, и ушел тем же путем, заперев дверь за собой.

Генри видел, как это делалось, но не понимал, *зачем*.

Ранее подобное поведение указало на то, что у мучителя юношеское чувство юмора. Но теперь, учитывая, сколь высоки ставки, учитывая, на какой риск шел мучитель ради своих шуточек, такое поведение выглядело неразумным, даже иррациональным.

Если бы кто-то в Вашингтоне прознал про кражу Генри Ровроя, пусть и действовал он в рамках традиций, если бы этот человек выяснил, сколько украдено и каковы намерения Генри, если бы он проследовал за ним на ферму или поджидал здесь его прибытия, здравый смысл говорил о том, что Генри просто бы убили выстрелом в затылок до того, как он осознал бы, что кому-то стало известно о самой краже и о планах превратить эту ферму в убежище.

Вероятно, мучителю требовалось от Генри нечто большее, чем деньги и ферма. Роврой попытался представить себе, что именно, но воображение его подвело.

Чтобы гарантировать, что его враг не сможет войти на кухню, воспользовавшись ключом, Генри подпер ручку кухонной двери стулом, который отодвинул от стола. Еще одним стулом он точно так же заблокировал парадную дверь.

Генри видел себя монстром безграничной жестокости, действующим исключительно в собственных интересах, чья абсолютная аморальность гарантировала, что он без колебания примет наилучшее для себя решение. Теперь же ему с неохотой приходилось признавать, что он тем не менее мог допускать ошибки.

Во-первых, он обращался в компанию, обеспечивающую техническую помощь на дороге и препятствующую угону автомобиля. Специальное устройство, установленное в «Лендровере», позволяло связываться с оператором в режиме реального времени в случае поломки, аварии и других чрезвычайных обстоятельств. Сделал он это для того, чтобы получать надежную информацию о лучших ресторанах и отелях, где он мог поесть и

провести ночь по пути на Запад.

В вашингтонских кругах, в которых он вращался, были люди, способные взломать банки данных компьютеров спутниковых служб и проследить за ним по сигналу транспондера, установленного в его «Лендровере».

Он купил «Лендровер» по поддельному удостоверению личности и оплатил переводом со счета банка на Бермудах, куда деньги поступили от французской фирмы, разрабатывающей рисунки на материи. Фирма эта была подставной компанией, действующей в интересах несуществующей текстильной фабрики на Филиппинах, которая принадлежала богатому гонконгцу. Этого гонконгца не могли допросить или вызвать в суд, потому что породило его богатое воображение Генри.

Вероятно, ему следовало купить подержанный внедорожник на имя какого-нибудь бездомного, заплатив наличными, и поехать на Запад, вырядившись типичным принадлежащим к среднему классу туристом, перебиваясь булочками с повидлом, биг-маками и пирожками с неизвестно каким мясом, ночуя в дешевых мотелях, где человека подстерегала смерть как от полчищ клопов-мутантов, так и от безвкусного интерьера: негодование, вызванное одним только видом номера, могло привести к разрыву в мозгу какой-нибудь важной артерии.

Даже за тысячу лет никто в вашингтонских кругах не додумался бы до того, чтобы искать его — или любого из принадлежащих к их кругу — в таком автомобиле и в таких заведениях. Они все получили образование высочайшего уровня, в жизни все придерживались одинаковых стандартов и ожидали, что никто и никогда эти стандарты не нарушит.

Принадлежность к элите подразумевала определенный образ мышления. Но теперь Генри понимал: принадлежность эта интеллектуально расслабляла, лишала способности прибегать к каким-то нестандартным ходам. Он думал, что поднялся над прошлым, освободив внутреннего монстра от всех сдерживающих пут, и однако он спланировал свой побег из Вашингтона совсем как поездку в Хэмптоне¹ в те, не столь уж далекие времена, когда мир еще не скатывался в пропасть.

Его мучитель, наоборот, сохранил способность мыслить нестандартно. Этот сукин сын хотел получить от него что-то еще, помимо денег и фермы, и он добивался этого стратегией и тактикой, которая ставила Генри в тупик и выводила из себя.

Генри требовалось перестроить мышление. Ожидать неожиданное. Представлять себе непредставляемое.

Взяв мешок для мусора из коробки, которая стояла в одном из кухонных шкафчиков, Генри вернулся в спальню. Положил пропитанные кровью кожаные перчатки в мешок, мешок — на кресло.

Снял окровавленное покрывало с кровати и отложил в сторону, чтобы потом постирать. Напомнил себе, что выживание требует перестройки мышления. Ожидать неожиданное. Представлять себе непредставляемое. Он попытался подумать о чем-то непредставляемом, чтобы на конкретном примере понять, о чем речь.

Но, окончательно и бесповоротно превращаясь в монстра, он не мог подобрать пример непредставляемого, ни один мотив или действие не шокировали его, не выглядели для него инородными. Он мог переступить через любые границы.

А потом перед его мысленным взором возник образ брата, получившего пулю в лицо. Он увидел, как это происходило. Потом увидел брата, лежащего на полу амбара, с изувеченным лицом.

Все это он мог себе представить.

А потом увидел то, чего не случилось: залитые кровью глаза очистились, ожили, к ним вернулась способность видеть.

Нет. Такое не было непредставляемым. Такое называлось иначе — невозможным. После смерти не возвращались, потому что не существовало места, откуда можно было вернуться

¹ Хэмптоне — курортный городок на Атлантическом побережье, место отдыха вашингтонской элиты.

после смерти.

Поэт Эмерсон, дедушка современных интеллектуалов, говорил: «Доверяй своей воле, доверяй силе воли, и все будет возможно». Он сказал: «Что человек делает, то его». Он говорил, что людям не нужны надежда и страх, подразумевая надежду вне человека, подразумевая страх вечных последствий.

Генри мог бояться не своего убиенного брата, а только неведомого мучителя, который, когда тайное станет явным, окажется человеком, таким же, как он сам, а не его близнецом, вернувшимся к жизни. Человеком, который рассуждал так же, как и он, человеком, чуждым каких-либо суеверий.

Из подушек и одеял он соорудил муляж спящего, накрыл его одеялом.

На кухне убрал стул из-под ручки двери, ведущей за заднее крыльцо. Убрал стул, который подпирал ручку парадной двери. А вот стул у двери в подвал пока оставил на месте.

Пусть мучитель вновь войдет в дом. На этот раз он, Генри, приготовится к встрече.

ГЛАВА 26

В столь поздний час сельские дороги пустовали. Мощные грузовики не везли срубленные стволы деревьев на лесоперерабатывающие заводы и не возвращались за новым грузом.

Фары «Эксплорера» выхватывали из темноты побеленные изгороди лугов или стволы деревьев, подступающих к обочине.

На фоне неба темнели силуэты заросших лесом гор, высоко над головой луна плыла среди моря звезд.

Добравшись до подъездной дорожки к дому Грейди, Камми свернула на нее, объехала дом, припарковалась во дворе.

В тех случаях, когда она приезжала к обеду, ели они за столом на кухне, вот и постучалась она, по привычке, в дверь черного хода, а не в парадную.

Они с Грейди были друзьями. Ни один мужчина — или женщина — не мог стать в ее жизни кем-то еще, но она считала Грейди Адамса особо хорошим другом.

Он знал, какие вопросы можно задать, а от каких лучше воздержаться. Он понимал, что любопытство надобно утолять далеко не во всем.

Возможно, они так хорошо ладили и потому, что она тоже знала, где нужно остановиться. Не рассматривала друга как психотерапевта, который должен ее излечить, и сама не считала себя таким психотерапевтом для Грейди.

У них было много общего, но делились они друг с другом далеко не всем. Собственно, чем больше люди знают о твоём прошлом, тем меньше видят тебя такой, какая ты сейчас, и тем в большей степени воспринимают тебя такой, какой ты была и давно уже быть не хочешь.

Ни слова, ни время не лечат. Лечит только жизнь, если лечение вообще возможно, жизнь, которой ты живешь, насколько можешь жить, со всеми приобретенными привычками и намерениями, не до конца ясными даже тебе, жизнь сквозь время и за временем, где уже больше не нужны ни терапевты, ни хирурги, чтобы унять боль или вырезать ее.

Камми взяла с собой медицинский саквояж. Когда поднималась на крыльцо, Грейди открыл дверь.

Как и всегда, внешне он ей понравился: крупный, чуть грубоватый, с волевым подбородком, решительным ртом и добрыми глазами. Доброта эта была на виду, точно так же, как синева радужек.

Некоторые могут утверждать, что доброта не читается в глазах доброго человека, точно так же, как злость не читается в глазах злого. Но Камми сразу видела и первое, и второе: зло — потому что натерпелась от него, доброту — потому что очень долго жила в ее отсутствие, и когда доброта появлялась, сразу подмечала ее.

Она читала о мужчине по имени Гомер, который в шестилетнем возрасте перенес загадочное неврологическое заболевание и на тридцать последующих лет напрочь лишился обоняния. И однажды, ему шел уже тридцать седьмой год, когда сорвал розу, чтобы полюбоваться ее видом, красотой лепестков, обоняние разом вернулось к нему. Шок был таким сильным, что Гомер рухнул на землю, потеряв сознание. А в последующие годы, различая уже все запахи, он оставался особенно чувствительным к аромату роз. О цветущем кусте узнавал за два квартала и, еще не войдя в цветочный магазин, мог сказать, есть в нем розы или временно отсутствуют.

И доброту в глазах этого мужчины Камми видела так же ясно, как Гомер распознавал розы на расстоянии или за плотно закрытыми дверями.

На этот раз, когда Грейди здоровался с ней, она увидела не только доброту, но и кое-что менее знакомое: детское волнение и изумление.

— Мне следовало лучше тебя подготовить.

— Подготовить меня?

— По телефону. К этому.

— Я принесла медицинский саквояж. — Она прошла на кухню.

— Я не об этом. Подготовить в другом смысле. — Он закрыл дверь. — Хотя я не уверен, что такое возможно. Я хочу сказать, подготовиться. К такому.

— Ты заговариваешься?

— Если послушать, то да. Многого произошло. Я не знаю, как это все понимать. Как с ними быть. Может, ты поймешь. Они в гостиной.

Камми последовала за ним, пересекая кухню. У самого коридора Грейди остановился. Она чуть не ткнулась ему в спину.

Он повернулся к ней:

— Я даже боюсь вести тебя туда.

— Боишься... почему?

— Может, ты не удивишься. Может, у тебя найдется для них слово. И тогда это будет не нечто. А пока это нечто. Я хочу сказать, нечто необыкновенное. Но откуда мне это знать? Я слишком много говорю, да?

— И на тебя это совершенно не похоже.

— Они съели моих кур. И долю Мерлина тоже. Я предполагаю, что это они. Доказательств у меня нет.

— Я здесь не для того, чтобы арестовать их.

— Но кто еще мог их съесть? Может, тот, кто включал свет в мастерской.

Не понимая, в чем дело, Камми тем не менее решила подыграть.

— Может, выключатели в мастерской пахли, как куры? Это послужит каким-то доказательством?

Грейди отвернулся от нее, потом вновь повернулся к ней лицом.

— Мне без разницы, они съели кур или нет. Меня удивляет другое — они сразу вошли. Я хочу сказать, в дом. Дикие животные не так смелы.

Он вновь двинулся к гостиной. Но через три шага остановился, обернулся к ней. Она врезалась в него. Грейди одной рукой поддержал ее.

— Дикие, смелые, но неопасные. Даже наоборот. Почти ручные.словно чьи-то домашние любимцы.

Отпустил Камми и пошел дальше.

Опасаясь, что он вновь внезапно остановится, Камми не сдвинулась с места.

Он оглянулся уже в арке, которая вела в гостиную.

— Чего ты ждешь? Иди, иди.

В гостиной Мерлин сидел на полу. Посмотрел на Камми, его хвост дернулся, но он не поспешил к ней, как бывало обычно. Его внимание целиком и полностью занимали два существа, которые расположились перед ним на диване.

Размерами с шестилетних детей, они сидели, как могли сидеть дети, не на задних лапах,

как собака или кошка, но на зад, опустив ноги вниз.

В передних лапах каждое существо держало собачью игрушку и с интересом ее разглядывало. Желтую плюшевую утку, пурпурного плюшевого кролика.

Они и сами напоминали плюшевые игрушки: с густой блестящей белоснежной шерстью, с лишенными шерсти угольно-черными носами, губами, лапами.

— Ну? — спросил Грейди. — Это нечто? Это нечто или нет?

Камми посмотрела на него. Кивнула. Обрела голос.

— Да. Нечто, будь уверен.

Она поставила на пол медицинский саквояж. Ноги стали ватными. Она села на подставку для ног напротив животных. Присмотрелась.

Череп круглые, а не удлинённые, будто у собак, морды плоские в сравнении с собачьими. Носы и губы скорее кошачьи. Выдр они напоминали больше, чем кошек, но выдрами они не были.

Головы в сравнении с телом у них были побольше, чем обычно у животных, поэтому огромные глаза не казались ни гротескными, ни выпученными. Когда животные моргали, Камми видела, что веки у них такие же черные, как носы и губы.

Эти существа отличались от млекопитающих и многим другим, но прежде всего внимание Камми приковали глаза.

У некоторых животных, ведущих ночной образ жизни, скажем, обитающих в африканском буше, глаза достаточно большие в сравнении с телом. Но она не могла назвать ни одного с такими огромными глазами.

— Большие глаза для ночного видения необязательны, — рассуждала Камми, обращаясь не только к Грейди, но и к себе. — Животные, которые могут бодрствовать как ночью, так и днем, подобно кошкам и собакам, хорошо видят в темноте. Потому что у них большие зрачки и множество фоторецепторов в радужках.

В глазах многих животных белки не такие большие, как у человека. У большинства собак белки становятся видимыми, лишь когда животное смотрит вбок. А у пары, что сидела на диване, белки, похоже, вообще отсутствовали.

— Радужка, окрашенная часть глаза, полностью покрывает глазное яблоко, — отметила Камми.

Только это указывало на структурные отличия от глаз других животных. Роговица, похоже, по сложности строения превосходила и человеческий глаз. Передняя и задняя камеры с внутриглазной жидкостью наверняка имели иную форму и сообщались с радужкой во весь глаз не так, как в глазах у человека.

Будучи ветеринаром, Камми хотелось изучить их с более близкого расстояния, но при этом ее сдерживало изумление, потрясение, подействовавшее и на сердце, и на разум. Засосало под ложечкой, ладони вспотели, руки задрожали.

Животные трясли-нюхали-жевали плюшевые игрушки. То, что держало утку, предложило ее другому и получило в порядке обмена кролика.

Мерлин качал хвостом, словно довольный тем, что им нравились его игрушки.

Изумление, которое сокрушило Камми, не так уж и отличалось от ее ощущений на ферме «Высокий луг», когда она оказалась среди застывших животных. Но слово «изумление», пожалуй, не соответствовало ее чувствам. Требовалось более сильное слово. Но пока оно ускользало от Камми.

Наверное, эти глаза многим отличались от глаз других животных, но наибольшее впечатление, помимо размера, производил их цвет. Золотистый оттенок не был однородным. Цвет менялся от золотой пыли ко льну, к янтарю...

— Радужки вроде бы без радиальных линий, — сказала она.

— Без чего? — переспросил Грейди, устроившийся на подлокотнике кресла.

— Без радиальных линий. Темные и светлые полосы мускульной ткани, которые расходятся от центра радужки. Иногда, когда свет играет в светлых глазах, они кажутся ограниченными, как драгоценные камни, сверкают.

— Понятно. Само собой. Радиальные линии.
— Здесь их нет. И глаза такие необычные. Я бы очень хотела взглянуть на них через офтальмоскоп.
— Думаю, они тебе позволяют.
Камми подняла руку, чтобы показать, как дрожат пальцы.
— Ты же их не боишься? — спросил Грейди.
— Нет. Нет, они кажутся смирными. Просто... просто что они могут означать. Господи.
— Что? Что ты думаешь?
— Я ничего не думаю.
— Нет, что-то ты думаешь.
— Нет. *Не знаю*. Но они точно что-то *означают*.
— Я же сказал тебе, что они нечто. Но думал, ты подскажешь, что именно.
— Не подскажу. Я не знаю, что.
— Я думал, ты предложишь хотя бы версию.
— Я ветеринар. Теория — не по моей части.
Грейди встал.
— Сейчас я погашу свет. Подожди, увидишь их глаза в темноте.
Существо с пурпурным кроликом нашло кнопку, при нажатии на которую игрушка начинала пищать.
— Подожди, — остановила его Камми.
— Чего подождать?
Игрушка запищала, раз, другой.
Мерлин поднялся, словно писк означал начало игры.
— Их передние лапы. Я сразу и не заметила. Так увлеклась глазами, что не посмотрела на лапы.
— А что с ними?
Игрушка все пищала.
Ноги Камми оставались ватными, но прилив нервной энергии заставил ее подняться.
— Это не лапы. Это руки.
— Да, — кивнул Грейди. — Как у обезьян.
Ладони Камми вдруг вспотели. Она вытерла их о джинсы.
— Нет. Нет, нет, нет. Не как у обезьян.

ГЛАВА 27

Генри Роврой, придерживающийся безукоризненных стандартов личной гигиены, мечтал о ванне. По прибытии на ферму он вспотел не единожды.

Он мог смириться с тем, что несколько последующих лет ему придется прожить в фермерском доме, чтобы сойти за Джима, но не собирался превращаться в Великого Немытого, ни интеллектуально, ни физически.

Но с охотящимся на него мучителем он не мог оказаться голым и уязвимым. И шум душа заглушил бы шаги приближающегося врага.

Единственное, что он мог позволить себе, так это вымыть руки. Быстро заполнив раковину водой, Генри закатал рукава.

От мыла исходил дешевый запах, жалкая имитация аромата роз. И пена не шла ни в какое сравнение с той, что давали сорта мыла, к которым он привык. Собственно, эта пена больше напоминала слизь.

Набивая подвал всем необходимым для того, чтобы пережить крушение общества, Генри намеревался запастись подходящими сортами мыла. Не вызвало сомнений, что выбор шампуня, кондиционера, зубной пасты и прочих туалетных принадлежностей Джимом и Норой также определялся их дешевизной, то есть они никуда не годились.

Состояние ногтей угнетало Генри. Чуть ли не под каждый забились грязь.

Как он мог обедать с такой грязью под ногтями? Или сельский образ жизни без их ведома начинает сказываться на тех, кто приезжает в деревню? Сегодня ты не вычищаешь грязь из-под ногтей, а через неделю жуешь табак и покупаешь комбинезон с нагрудником, потому что такая одежда тебе *нравится*.

Генри напомнил себе, что должен следить за подсознательным сползанием в трясину деревенской жизни, не отступать от тех высоких стандартов, которым привык следовать.

На полочке для мыла лежала маленькая прямоугольная щеточка со средней жесткости волосками, определенно предназначенная для того, чтобы вычищать грязь, забившуюся после различных работ на ферме в складки кожи на костяшках пальцев и под ногти. Генри воспользовался ею, чтобы вычистить из-под ногтей все лишнее.

Энергично работая щеточкой, он с ужасом осознал, что более не сможет дважды в месяц пользоваться услугами маникюрши. Теперь следить за состоянием и привлекательностью ногтей и кожицы у их основания ему предстояло самому.

Волосы! Он содрогнулся от ужаса, внезапно поняв, что волосы ему тоже придется стричь самому.

В этой местности, в этом королевстве фермеров и провинциалов, он бы, разумеется, мог найти парикмахера, но подозревал, что здешние парикмахеры больше привыкли стричь овец, и рассчитывать он мог только на стрижку «под горшок». Да и в те дни, когда страна погружается в анархию, идти к парикмахеру такая же глупость, как бродить босиком по змеиной яме.

Вода стала грязной, чуть теплой. Он уже почистил четыре ногтя. Опорожнил раковину и наполнил вновь.

Тер, тер, тер. Опять опорожнил раковину, наполнил водой в третий раз.

Когда руки стали чистыми, Генри почувствовал, что освободился не только от грязи, но и от последних, самых цепких остатков суеверий. Он уверовал, что больше не будет страдать от параноидальных фантазий о воскресших мертвецах. Прощай, Джим.

С помповиком в руке Генри еще раз обошел дом.

На кухне посмотрел на полоску света под дверью в подвал (ручку по-прежнему подпирала спинка стула). Его тревожил свет, идущий снизу, где должна была царить темнота... поднимающаяся из подвала, собирающаяся у двери, заслуживающая доверия.

Генри долго простоял, глядя на дверь и с такой силой сжимая помповик, что в какой-то момент ощутил боль в руках.

Он вернулся в спальню, вновь постоял, глядя на спящего псевдо-Генри из подушек и скатанных одеял. Имитация выглядела убедительно.

Зажег ручной фонарик, выключил верхний свет, щелкнув выключателем у двери. Саму дверь оставил открытой. Коридорного света не хватало, чтобы разогнать глубокий сумрак спальни.

С фонариком в одной руке и помповиком в другой прошел в пустую половину стенного шкафа, откуда ранее вынес вещи Нору. Сел на пол спиной к задней стене, оставив открытой изрешеченную дверь. Выключил фонарик.

Снаружи его мучитель мог видеть, что свет горит только в гостиной, остальные комнаты темные. Скорее всего, он почувствовал бы ловушку и остался бы вне дома, дожидаясь, когда Генри выйдет из него. А вот если бы этот сукин сын решился войти в дом, Генри встретил бы его во всеоружии.

Муляж под покрывалом выглядел как спящий человек.

Если бы мучитель вошел в комнату, включил свет и принялся стрелять в псевдо-Генри, истинный Генри открыл бы ответный огонь из стенного шкафа и отправил бы мучителя к праотцам.

Сидя в темноте, Генри подумал о муляже на кровати. Ясно представил себе, как он выглядит.

Изготовленный из подушек и скатанных одеял, муляж совершенно не отличался от

настоящего спящего человека. Совершенно не отличался.

Генри знал, что спящий — всего лишь подушки и одеяла, ничего больше, потому что сам складывал муляж. Он знал. Только подушки и одеяла.

Генри прислушивался к звуку открываемой двери. Прислушивался к осторожным шагам незваного гостя. Прислушивался к скрипу пружин кровати под телом спящего.

Ничего. Ничего. Ничего. Пока ничего.

ГЛАВА 28

Для Камми Райверс, внезапно осознавшей, какие у существ руки, это открытие стало платяным шкафом, ведущим в Нарнию, смерчем, унесшим Дороти и Тотошку, тем самым моментом, когда выясняется, что мир, который ты хорошо знаешь, к которому ты привык, находится всего лишь в шаге от другой реальности.

Существо с желтой плюшевой уткой тоже нашло скрытую кнопку, которая заставляла игрушку пищать: «Квак, квак».

И тут же второе существо ответило писком пурпурного кролика: «Сквик, сквик, сквик».

В радостном предвкушении игры, Мерлин стоял, готовый метнуться в любую сторону, переводя взгляд с одного своего нового друга на другого.

«Квак. Сквик, сквик. Квак, квак. Сквик».

Большую часть детства Камми с нетерпением ждала магического момента, когда волна перемен смоем то, что было всегда, а все невозможное в мгновение ока станет возможным. Перестала ждать, взрослея, даже до того, как закончилось ее горькое детство, а теперь обнаружила себя на пороге события, потенциально столь знаменательного, что оно могло заставить ее по-новому взглянуть на свое прошлое, затуманить яркость воспоминаний о страданиях, открыть дверь, переступив порог которой она стала бы другим человеком.

«Сквик. Квак. Сквик. Квак, квак, квак».

Слова «нечто удивительное» не могли описать это чувство — эмоциональное и чисто физическое, — которое переполняло ее целую минуту, и правильное слово более не ускользало от нее. Но она боялась произнести его даже про себя, думая, что этим все сглазит и момент, казавшийся знаменательным, превратится в повседневный.

«Сквик, сквик, Квак. Сквик. Сквик. Квак».

Вновь усевшись на скамейку для ног, Камми не могла оторвать взгляд от рук животных, сжимающих игрушки.

— Нет, не как у обезьян. Их более сотни видов, у некоторых руки вместо лап, но на этих руках не всегда есть большие пальцы.

Грейди поднялся с подлокотника кресла, на котором сидел, подошел к Камми, опустился на колени рядом со скамейкой для ног.

— У этих ребят есть большие пальцы.

— Да. Да, точно есть. И у некоторых обезьян большие пальцы помогают им держать различные предметы. Но только капуцины¹ и, возможно, еще один-два вида могут что-то держать большим и указательным пальцами.

«Сквик. Квак. Сквик, сквик. Квак, квак».

Одно из животных тихонько пофыркивало, определенно выражая радость, оба улыбались друг другу.

Превратив пол в литавры, Мерлин выбежал из комнаты.

— Из всех обезьян только у капуцинов и, возможно, у мартышек подвижность большого пальца достаточно велика, чтобы прикоснуться к паре других пальцев.

Грейди, считая: «Один, два, три, четыре», поочередно коснулся большим пальцем правой руки остальных.

¹ Капуцины — род обезьян, объединяющий до тридцати подвидов, группируемых в четыре вида. Ареал рода включает обширные пространства тропических лесов от Гондураса на севере до Южной Бразилии на юге.

— Я не знаю ни одной обезьяны, способной на такую ловкость пальцев, — указала Камми. — Многие обезьяны ничего не могут держать большими пальцами. Просто сжимают предмет между четырьмя остальными пальцами и ладонью.

— В любом случае эти ребята — не обезьяны, — резонно заметил Грейди. — Нет в них ничего от обезьян.

— Определенно не обезьяны, — согласилась Камми. — У некоторых лемуров достаточно подвижные кисти, но эти кисти не похожи на кисти лемуров.

— И у кого такие кисти, как у них?

— У нас.

— Помимо нас.

— Ни у кого.

— Это, должно быть, нечто.

— Да. Это оно.

Выбрав нужную игрушку из ящика на кухне, волкодав вернулся в гостиную, неся в пасти плюшевого енота.

Животные на диване с интересом посмотрели на сокровище с хвостом-колесом.

Надеясь сподвигнуть их на игру, Мерлин прикусил енота, и тот запищал, точь-в-точь как пурпурный кролик.

Словно разочарованные тем, что енот не обладает присущим только ему голосом, животные вновь занялись своими игрушками.

— Обрати внимание, что они с ними делают, — сказала Камми.

— На что именно обращать внимание?

— Как гладят они материал.

— А что в этом особенного?

— Посмотри на этого, Грейди. Посмотри, как ему нравится ощупывать резиновый клюв утки.

— А Мерлину нравится его жевать. И что с того?

— А другой? Видишь? Он водит большим пальцем по носу кролика. Готова спорить, с нами у них есть и еще одно сходство. Помимо формы и предназначения кистей. Изобилие нервных окончаний на подушечках пальцев. Ты знаешь, в сравнении с другими видами у человека очень развито осязание. На Земле это уникальное явление.

— Я этого не знал.

— Теперь знаешь. Уникальное на Земле. Или было уникальным.

Одно из существ зашвырнуло пурпурного кролика через гостиную, словно игрушка ему надоела. Кролик ударился о каминную плиту и упал у очага.

Мерлин бросил енота и побежал за кроликом.

Второе существо зашвырнуло утку в дальний угол комнаты.

Волкодав схватил кролика, бросил, метнулся за уткой.

Одно из животных взялось за диванную подушку, вероятно, хотело посмотреть, что под ней.

Второе заинтересовала Камми. Оно сползло на самый край дивана, наклонилось вперед, уставившись на женщину.

Зрачки по центру прекрасных золотистых глаз были не черные, а темно-медные.

Мерлин вернулся с уткой. Игрушка в его пасти дважды пискнула, но ни одно из существ не захотело поиграть.

— Мы должны дать им имена, — сказала Камми. — Без этого просто нельзя.

— Я не даю имя каждому животному в лесу.

— Они не в лесу. Они здесь.

— Возможно, ненадолго.

— Ты понимаешь, что происходит?

— Пытаюсь.

— Они въехали в дом.

— Дикие животные не могут просто «въехать».
— «Дикие» к ним не подходит. Ты сам говорил, что они почти ручные, словно чьи-то домашние любимцы.

— Да. Говорил. Ты думаешь, они — чьи-то домашние животные?

Камми покачала головой:

— Нет. Они не домашние животные. Но они — нечто.

— Мы не продвигаемся вперед. Вновь вернулись к идее «нечто».

Обнаружив, что ни один из его новых друзей не испытывает желания побегать с ним, Мерлин направился к Камми, по пути покусывая утку и заставляя ее пищать.

Она почесала ему голову, но не более того.

— Не сейчас, красавец ты мой.

Камми не могла оторвать глаз от животных. И чем больше смотрела на них, тем сильнее они интересовали ее.

Их ноздри часто подрагивали, тем самым предполагая, что в носовых каналах много кровеносных сосудов и нервных окончаний, как и в носах собак, и это указывало на острый нюх. Зубы у них были, как и у любого всеядного животного, вполне человеческие по форме, остроте, расположению. Несмотря на маскирующую шерсть, лицевые мускулы обеспечивали широкий диапазон выражений. Пальцы ног длиной превосходили человеческие, один, похоже, выполнял роль большого пальца руки, достаточно функциональный для того, чтобы они могли ловко лазать по деревьям.

С каждым новым открытием Камми все больше оживлялась. Идеи, вопросы, предположения, ведущие к новым вопросам, сплошным потоком струились в голове. Одна идея высекала искру другой, третьей, четвертой.

Камми указала на животное, которое теперь сидело на самом краешке дивана и пристально смотрело на нее.

— Она настолько таинственная, что я собираюсь назвать ее Тайной.

Поскольку половые органы полностью были скрыты шерстью и складками кожи, Грейди спросил:

— Откуда ты знаешь, что это самка?

— Только предполагаю. Но она чуть меньше другого. И хвост у нее не такой пушистый.

— Петух, конечно, выглядит ярче курицы, да?

— Это свойственно многим животным, но не всем. У золотистых ретриверов хвосты кобелей более пушистые, чем у сук.

Тайна соскользнула с дивана, на все четыре лапы (ноги и руки), склонила голову набок, продолжая изучать Камми.

Второе животное тут же переключилось на диванную подушку, на которой только что сидела Тайна, и подняло ее, чтобы посмотреть, что под ней.

— Ты думаешь, что тот, кто сейчас ищет завалившуюся мелочь, самец?

— Я в этом более чем уверена. Но имена иной раз дают одинаковые что самкам, что самцам. Я собираюсь назвать его Загадочным.

— Тайна и Загадочный. Полагаю, лучше, чем Эбб и Фло¹.

— Суд должен запретить тебе давать клички животным.

— Я по-прежнему думаю, что Мерлину очень подошла бы кличка Говард.

— Но ты-то собирался назвать его Сосунком.

— Только для того, чтобы ты не возражала против Говарда.

Камми указала на самку:

— Тайна. Это ты. Но у каждой тайны есть разгадка. Вроде бы для того, чтобы подтвердить вывод, что

животные эти не дикие, что они знакомы с людьми, Тайна подбежала к скамейке для ног, забралась к Камми на колени и свернулась на них клубочком, словно комнатная собачка, а не крупное, весом в пятьдесят фунтов, животное.

¹ Эбб и Фло — герои детского мультипликационного телесериала. Фло — девочка, Эбб — ее песик.

Смеясь, Камми погладила Тайну по шерсти и радостно вскрикнула, удивившись ее плотности и поразительной мягкости.

— Грейди, потрогай.

Он опустил руку на Тайну.

— Такая мягкая, как норка.

— Мягче норки, — не согласилась Камми. — Мягче горностая. Мягче чего бы то ни было.

Под ласковыми руками Камми Тайна замурлыкала от удовольствия.

— Посмотри на себя, — сказал Грейди. — Ты светишься.

— Я не свечусь, — запротестовала Камми.

— Никогда не видел, чтобы ты так светилась.

— Я не лампочка.

— Лицо у тебя — будто у святой на иконе.

— Я не святая.

— Но ты все равно светишься.

ГЛАВА 29

Случилось это после полудня, и остаток дня и вечер Том Биггер думал только об этом, прежде чем решил, что нужно делать.

Когда это произошло, он блевал в контейнер для мусора.

Практически бесшумно, без единого пронзительного крика, стая чаек возникла словно ниоткуда, крылья секли воздух над самой его головой. Он наклонился, повернулся, посмотрел вверх, на солнце, и этого хватило, чтобы вызвать головокружение и тошноту.

Контейнер для мусора стоял в шаге от него. Если бы не это, в таком состоянии он мог бы наблевать на свои ботинки. Такое с ним уже случалось.

Контейнер поставили на маленькой площадке отдыха у прибрежной автострады. Две бетонные скамьи позволяли полюбоваться океаном, залитым солнцем, и плавным изгибом береговой линии.

Иной раз, в дни, когда он выглядел более-менее пристойно, Том поднимался на площадку с берега, чтобы просить милостыню у туристов, которые останавливались на площадке, чтобы пообщаться с природой. Если он пытался просить милостыню, когда выглядел сущим оборванцем, туристы предпочитали не выходить из автомобилей.

Фамилия Биггер¹ больше подходила ему в молодости. В сорок восемь лет он весил футов на пятьдесят меньше, чем в те давние дни, хотя при росте в шесть футов и пять дюймов по-прежнему возвышался над большинством людей. Ширококостный, с запястьями, толстыми, как рукоятка топора, со здоровенными кулачищами, он мог уложить за землю любого, а лицо однозначно говорило о том, что с ним лучше не связываться.

Трижды за последние годы, когда ненависть к себе становилась слишком сильной и сдержать ее не удавалось, он принимался вколачивать массивные кулаки в собственное лицо, пока боль не лишала его чувств. Всякий раз кто-то находил его и вызывал «Скорую помощь».

Он соглашался на лечение, но отказывался от пластической хирургии. Разве что вставлял зубы. Он хотел выглядеть так, как себя чувствовал: сломавшимся, ни

на что не годным человеком. Хотел, чтобы люди видели его сущность и выражали или жалость, или презрение.

Унизительное положение позволяло обращать раздражительность исключительно на себя. Он боялся, что придет день, когда его злоба превратится во враждебность к другим и он набросится на оказавшегося рядом человека. Он страшился насилия, которое мог совершить, боялся превратиться в монстра.

Когда он просил милостыню, то держал в одной руке табличку с надписью,

¹ Биггер — от английского Bigger, в данном контексте — верзила, здоровяк.

указывающей, что он ветеран, чудом выживший после взрыва бомбы в одном из ближневосточных конфликтов, но на самом деле он был ветераном войны внутри себя.

В тот день, побрившись, вымыв голову в море, одетый в мятые брюки цвета хаки и пеструю гавайскую рубашку, Том выглядел достаточно презентабельно, чтобы за три часа заработать тридцать долларов с мелочью.

Он пребывал в одиночестве на площадке отдыха, когда чайки спикировали на него, что привело к головокружению и тошноте, после чего он и блеванул в мусорный контейнер.

Желудок очистился, он достал из кармана бутылку текилы, чтобы изгнать мерзкий привкус изо рта. Все произошло, когда он поднес бутылку к губам.

После того как к Тому вернулась способность двигаться, он пошел на север от площадки отдыха, и там, где обрыв уступил место крутому каменно-песчаному склону, спустился вниз, с трудом удержавшись на ногах. И уже на пляже понял, что не плотнул текилы и лишился бутылки.

Несколько месяцев он жил в пещере глубиной в десять футов у подножия обрыва, аккуратно под площадкой отдыха. Там, вместе со спальным мешком и небогатыми пожитками, он держал запас текилы и жестянку с самокрутками из синсемиллы¹.

В последние годы он больше пил, чем курил. Теперь хотел совместить первое со вторым, чтобы поскорее забыться.

Однако, в первый раз на своей памяти, отказал себе в том, чего хотел. Вместо этого, полностью одетый, вошел в море и сел там, где прибой мягко разбивался о его грудь.

На этом участке побережья, принадлежащего штату, в силу опасностей, грозивших людям, запрещалось плавать, заниматься серфингом, останавливаться на ночь, ловить рыбу. Но у находящейся на грани банкротства Калифорнии сил хватало только на сбор налогов, и Том не тревожился из-за того, что его прогонит отсюда какой-нибудь береговой патруль.

Административная граница ближайшего города находилась в миле к югу, сам город совсем недавно с оптимизмом смотрел в будущее, но теперь превратился еще в одно место, где люди ждали, пока закончится одно и начнется что-то другое, более худшее. Почти каждый день он появлялся в городе, но никто из его жителей не заходил так далеко на север на своих двоих.

За прошедшие годы ему доводилось жить в самых разных местах: в палатках, дренажных тоннелях, брошенных домах и автомобилях, полуразвалившихся сараях. Он надеялся, что эта пещера под обрывом может стать его последним прибежищем.

Шестью месяцами раньше ему дважды приснился сон о том, что он живет в пещере, расположенной чуть выше линии высокого прилива, с гладкими стенами, где врывающийся ветер иногда говорил многими голосами. В этих снах море вздымалось чудовищной волной и приходило к нему, когда он наблюдал, как вода стремится поглотить звезды.

После второго сна он пришел на побережье и отшагал мили по песчаным пляжам и гальке, пока не нашел эту пещеру с гладкими стенами, которая теперь служила ему домом. Он поверил в обещание цунами и знал, что ему делать: ждать, пока волна придет, чтобы забрать его с собой.

Но случившееся на площадке отдыха все изменило. И теперь он не знал, что ему делать.

Он сидел в воде, пока таял день. Если уж море не поднялось волной, чтобы забрать его, оно хотя бы могло объяснить, что он увидел, что сие означает и что ему делать теперь вместо того, чтобы дожидаться волны.

Дважды люди с площадки отдыха кричали ему. Он их словно и не слышал. Чуть позже двое молодых парней спустились с обрыва, то ли посмотреть, смогут ли они помочь, то ли, что более вероятно, взглянуть, а нельзя ли устроить себе развлечение. Когда они приблизились, один спросил: «Эй, чувак, а где твой серфборд?»

Когда он повернулся, одного вида его лица хватило, чтобы они остановились и, похоже, пожалели о том, что спустились вниз. Во всяком случае, они отступили на пару шагов.

¹ Синсемилла — вид качественной марихуаны.

И пока перешептывались, Том поднял из воды руки, чтобы показать им размер своих кулаков.

Молодые люди вернулись на обрыв и больше не возвращались.

Какое-то время спустя Том пересел поближе к обрыву, так чтобы прибой разбивался у его ног.

Ни сумерки, ни ночь не помогли понять, что же он увидел.

В далеком темном море корабельные огни двигались на север, двигались на юг, становились ярче, потом тускнели, растворялись во тьме.

Будто совершив путешествие во времени из доисторического мира, большая голубая цапля появилась к югу от Тома, доисторическое существо ростом в пять футов. Цапля неспешно шагала по мелководью прибоя, попутно кормясь мелкой рыбешкой.

Цапли часто кричат во время охоты. Эта предпочитала тишину.

Птица остановилась около ног Тома, посмотрела на него маленькими круглыми глазками. Вместо того чтобы раскрыть огромные крылья и взлететь или издать агрессивный крик, цапля задержалась лишь на мгновение, а потом двинулась мимо него, на север, острым клювом выхватывая из воды рыбку за рыбкой.

Луна, корабли, охотящаяся цапля вроде бы говорили Тому Биггеру одно и то же: *«Поднимайся, иди, не останавливайся»*.

Внезапно замерзнув, он стянул с себя мокрую одежду, оставил ее на берегу. Переоделся в одну из двух имевшихся у него смен: толстые носки, походные ботинки, джинсы, рубашку из джинсовой ткани.

Положил в рюкзак шесть бутылок текилы, остальные свои пожитки зарыл в песок в глубине пещеры, хотя подозревал, что никогда сюда не вернется.

Спальный мешок, рваный и засалившийся, оставил в пещере, но взял с собой жестянку с самокрутками из синсемиллы и пистолет.

Еще не определившись с маршрутом, он решил последовать за кораблями в море. В этот самый момент в море светились два созвездия корабельных огней. Оба двигались на юг, вот и Том зашагал к городу.

Он не верил, что город — конечная цель его путешествия. Рассчитывал, что по прибытии получит знак и поймет, куда идти дальше.

Иногда он принимал решения, базирующиеся на снах, которые казались вещими, как случилось с поисками пещеры, где он рассчитывал попасть под гигантскую приливную волну. Сны, в которые он верил и которыми руководствовался, всегда вели к смерти, пугающие сны, но при этом и притягательные.

Ранее он не рассчитывал на какие-либо знамения в мире бодрствования. Возможно, не увидел бы их и теперь. Но случившееся на пустынной площадке отдыха перевернуло его представление о действительности. И он не удивлялся, что ему указывает путь повседневное — те же голубые цапли и далекие корабли, потому что самое привычное приобрело теперь большую значимость и требовало толкования.

Влажный плотный песок под ногами. Огромное, укрытое пологом ночи море по правую руку. Над головой жесткое и холодное небо, усыпанное звездами. Слева — суша, автострады и города, люди и их боль, бесконечные возможности, неописуемые ужасы, мир, давно для него потерянный, все, что могло быть его, но так и не стало, а теперь, возможно, будущее, к которому он шел.

ГЛАВА 30

Сидя на скамейке для ног, держа Тайну на коленях, Камми начала с пушистых ушей, форма которых напомнила ей цветки лилий, двинулась по шее к плечам, добираясь пальцами до подшерстка, массируя гладкие мышцы существа. Ее удивило то, что она нашла... точнее, не нашла.

— Я не чувствую ни одного клеща. И у нее, похоже, нет блох.
Грейди поморщился.
— Я не думал о блохах и клещах, когда впускал их в дом.
— Ни блох, ни клещей... значит, она не могла бегать по полям и лесам дольше одного дня, скорее всего, провела там меньше времени.
— Когда мы с Мерлином впервые увидели их на лугу во второй половине этого дня, они носились словно угорелые, будто только что обрели свободу. Может, и обрели.
— Ни одной папилломы¹ или кисты², — доложила Камми.
Она подняла руку к лицу, не обнаружила неприятного запаха, перешедшего с белого меха на ее кожу. Наклонившись, ткнулась носом в меховой живот Тайны.
— Она пахнет свежестью, словно ее только что выкупали и расчесали.
Чувствуя себя забытым, Мерлин бросил игрушечную утку, вскинул большую голову, положил подбородок на грудь Тайны, посмотрел на Камми.
Прежде чем она успела погладить его, Тайна взяла его морду маленькими ручками и начала массировать с обеих сторон, что он считал знаком особого внимания.
— Посмотри, — прошептала Камми, словно громко произнесенное слово могло порушить чары.
— Вижу.
— Не следовало бы ей хоть немного бояться такой большой собаки?
— Не думаю, что она чего-то боится, — ответил Грейди. — Не думаю... ладно, по моему, она вообще не знает, что чего-то следует бояться.
— Какая странная идея.
Он нахмурился.
— Да. Пожалуй. Но в этих двоих есть что-то такое... что-то убеждает меня, что они никогда не знали настоящего страха.
— Если это правда, — Камми по-прежнему наблюдала, как Тайна массирует морду Мерлина, — тогда это будет их главным отличием. Всему живому ведом страх.
Оставив подушки в полном беспорядке, Загадочный спрыгнул с дивана и направился к столу Стикли, который Генри смастерил в первые месяцы после возвращения в горы. Изящному столу из орехового дерева с бронзовой фурнитурой и инкрустированному пьютером³.
Загадочный сел на задние лапы и одним пальцем принялся постукивать по качающейся медной ручке правой дверцы, которая мелодично отзывалась, ударяясь о щиток, к которому крепилась.
Лежа на коленях Камми, Тайна оттолкнула Мерлина и подняла голову, чтобы посмотреть, чем занимается ее спутник.
Загадочный повернулся к ней.
На мгновение их взгляды встретились.
Загадочный переместился к левой дверце, также начал постукивать по качающейся ручке. Вновь повернул голову к Тайне.
Как и прежде, она встретила с ним взглядом, а потом, после короткого колебания, он отвернулся от стола.
То ли выражением лица, то ли каким-то движением, не уловленным Камми, животные определенно обменялись мнением на предмет стола.
Грейди пришел к тому же выводу.
— И как это понимать?
Загадочный прыгнул к пурпурному зайцу, схватил его зубами, выбежал из гостиной в прихожую, помчался по лестнице, на ходу заставляя игрушку пищать.

1 Папиллома — свисающая и похожая на бородавку выпуклость на «ножке».

2 Киста — патологическое образование в тканях органа, фактически она представляет собой плотную капсулу с жидкостным содержимым.

3 Пьютер — сплав на основе бронзы. Его процентный состав: 93% олова, 5% сурьмы, 2% меди. В России этот сплав известен с петровских времен. Знаменитые оловянные кружки делались вовсе не из олова, а из пьютера.

Радуюсь возможности поиграть, Мерлин устремился в погоню.

ГЛАВА 31

Обосновавшись в стенном шкафу спальни, Генри Роврой прислушивался к движению в доме и старался не думать о теле, которое лежало на боку в кровати. Тело-то не настоящее, всего лишь муляж, им же и сделанный из подушек и одеял, придуманная им обманка, не больше и не меньше.

Никто не мог войти в дом, засунуть составляющие муляжа под кровать, скользнуть под одеяло, занять место псевдоспящего. Генри бы услышал и застукал незваного гостя за этим занятием.

Разумеется, «уложив» муляж в постель, он провел полчаса в ванной, вычищая грязь из-под ногтей. Стоял у раковины, спиной к двери, и не мог видеть спальню.

Далее, во время последнего обыска дома он долго стоял перед дверью в подвал, глядя на полоску света под ней, ловя ухом любой звук, доносящийся снизу. С этого места он бы сразу пресек попытки войти в дом через дверь черного хода, но не услышал бы и не увидел незваного гостя, если бы тот вошел через переднюю дверь.

— Нелепо, — прошипел Генри в темноте стенного шкафа, той его половине, где раньше висели вещи Норы.

Его безлиций мучитель был смел, но не безрассуден. Умный человек никогда бы так не подставился, занимая место муляжа.

Только псих мог пойти на такое, псих или тот, кто не боится смерти, потому что...

— Вот этого не надо, — прошептал он сам себе.

Но слова «безлиций мучитель» уже промелькнули в сознании, а потому мысли покатались в этом направлении, как сходящая по склону лавина. Его брат, Джим, стал безлицым, потому что ему выстрелили в лицо, и Джим не боялся смерти, потому что уже умер.

С такой логикой Генри вышибли бы из Гарвардского общества дебатов.

Чтобы отвлечься от этой идиотской версии, Генри попытался представить себе любимую женщину — шеф-повара, распростертую на кровати, с привязанными к четырем стойкам руками-ногами, с особой конструкции зажимами на выступающих частях ее обнаженного тела, с цепью-удавкой на шее.

Он всегда гордился своим богатым воображением. А тут его ждал неприятный сюрприз: он обнаружил, что не может нарисовать в уме желанные сцены садистского секса, не видя перед собой эту женщину.

Конечно же, он не мог нести вахту, поставив рядом включенный телевизор, настроенный на канал «Фут нетуок», рассчитывая, что незваный гость его не заметит.

Если он рассчитывал, что в ближайшие годы его основным развлечением станет женщина из картофельного погреба, имело смысл посадить на цепь не одну женщину, а больше. Чтобы гарантированно избавиться от скуки, ему предстояло соорудить пару дополнительных камер и в каждой держать по женщине.

Продав всех отравляющих жизнь кур или избавившись от этих квохтающих существ каким-то другим способом, он мог бы герметично изолировать курятник и разбить его на несколько камер. И амбар. Стойла для лошадей без труда переоборудовались в камеры, а в большом помещении хватало места для дополнительных камер, если б только у него хватило сил и времени на их строительство.

Генри подумал, как ему будет уютно в доме зимними ночами от осознания того, что в амбаре заточено целое стадо красивых женщин, компанию которым составляет разве что кот. Каждая в спальном мешке, на соломе, со скованными руками и ногами, и ей снится день, когда придет ее очередь встречи с хозяином. Утром он будет приводить (босиком по снегу) выбранную им даму в дом, где она приготовит ему завтрак, а на такое не способна ни одна

корова. Потом он поест, а она будет сидеть у стола голая и рассказывать последние сплетни, которые ходят среди девочек. После завтрака он ее использует, дав волю всем своим садистским наклонностям, и, в зависимости от настроения, убьет или отправит обратно в камеру.

В свои тридцать семь лет он чувствовал себя молодым и не жаловался на потенцию, но понимал, что возможности его не безграничны. Вот и подумал, что неплохо бы запастись не только едой и питьем, но и парой тысяч таблеток виагры. Препарат, скорее всего, сохранит свои полезные свойства, если покупать его в вакуумных упаковках по десять штук в каждой и хранить в морозильнике. С ним ничего не будет, если только не случится полный коллапс цивилизации, сопровождаемый прекращением производства и подачи электроэнергии. К счастью, Джим обзавелся работающим на пропане генератором, и полдюжины баллонов со сжиженным газом уже стояли в амбаре. Если добавить баллонов и использовать генератор только для обеспечения работы морозильника с виагрой в теплое время года, он мог долгое время ни в чем себе не отказывать.

Правда, в этот самый момент мертвый Джим мог выводить из строя генератор.

— Да что это со мной? — спросил Генри темноту и тут пожалел об этом, испугавшись, что ему ответит знакомый голос.

Но, разумеется, мертвецы отвечать не могут, вот и Генри не получил ответа на заданный им вопрос. Но сам факт, что изо всех сил подавляемая суеверность дала о себе знать, очень огорчил его.

Ни один мертвец никогда не возвращался к жизни, ни граф Дракула или Иисус Христос, ни Лазарь или легионы каннибалов в фильмах Джорджа Ромера. Мертвые оставались мертвыми, живым предстояло стать мертвыми в будущем, и само будущее тоже ждал конец, в жаркой смерти Вселенной и превращении времени в ничто. Люди — всего лишь плоть, никакой души после смерти тела не остается, никто не возвращается из мира мертвых, потому что некому возвращаться и неоткуда, и, это главное, человек живет от рождения и до смерти, а потом уходит в никуда, исчезает разом и полностью.

Чтобы не думать о Джиме, Генри, будучи интеллектуалом, решил сосредоточиться на уроках гениев интеллекта, работы которых служили ему путеводной звездой. Он поразмышлял над бессмертным творением Джеймса Джойса «Поминки по Финнегану», в котором блестяще высмеивались евреи и иудейская вера, пародировались псалмы, Бог низводился до Лорда, а Лорд насмешливо переименовывался в Лауда. «Loud, hear us! — процитировал Генри роман Джойса. — Loud, graciously hear us!»¹ — и рассмеялся. Он сосредоточивался на мудрецах: на Джеймсе Джойсе, Зигмунде Фрейде, Карле Марксе, Марселе Дюшампе, Ральфе Уолдо Эмерсоне, этой Мадонне, которая на самом деле Чикконе, на Бертольте Брехте, Жаке Дерриде, Мишеле Фуко, Питере Сингере, Фридрихе Ницше и многих, многих других, всех таких умных, таких пронизательных, таких храбрых. Воспоминания об их произведениях с легкостью отвлекли его от мыслей о Джиме, не просто отвлекли, но привели к тому, что произведения эти, навсегда запечатленные в памяти, слились в монотонный гул, который и усыпил его.

Приснился ему Джим.

ГЛАВА 32

Волнения этого вечера, финальные гонки по двум этажам с Загадочным привели к тому, что Мерлину захотелось справить малую нужду. Он проинформировал об этом людей, пристально посмотрев на Грейди. Взгляд этот Грейди называл «предупреждением о потопе».

Без сомнения, Тайне и Загадочному тоже требовалось посещение туалета, но на кухне, когда Грейди уже собрался открыть дверь всей троице, Камми остановила его.

— Подожди, сначала надо их сфотографировать, на случай, если они не вернуться.

¹ Loud, hear us! Loud, graciously hear us! — Громкий, услышь нас! Громкий, милостиво услышь нас! (англ.)

— Ты вроде бы сказала, что они вселились в дом.

— Вселились. Я в этом совершенно уверена. Но на всякий случай.

Грейди указал на цифровой фотоаппарат, который лежал на кухонном столе.

— До твоего приезда я сделал кучу снимков.

— Ты уверен, что все они четкие?

— Да. Я их просмотрел. Отличные снимки. Но ты еще не видела их глаза в темноте. Я хочу, чтобы ты вышла первой. Встань на лужайке и посмотри на них, когда они будут подходить к тебе.

Получив команду сесть, волкодав подчинился, хотя и остался недовольным.

Как будто понимая, чего от них хотят, а скорее следуя примеру нового друга, Тайна и Загадочный уселись с двух сторон от Мерлина.

Грейди выпустил Камми и закрыл стеклянную дверь, наблюдая, как женщина спускается с крыльца. Она чуть отошла, повернулась лицом к дому, опустила колени на траву.

— Ну что ж, ребята. Последний шанс до утра. Когда Генри открыл дверь и освободил Мерлина от

команды «сидеть», волкодав и его сопровождающие выскочили из дома.

Грейди успел выйти на крыльцо, чтобы увидеть волкодава, оббегающего Камми, и услышать ее восторженный вдох. Другого он и не ждал: меняющие цвет глаза-фонари белоснежных животных являли собой потрясающее зрелище.

Тайна и Загадочный несколько мгновений побегали вокруг Камми, давая возможность полюбоваться ими, а потом помчались следом за Мерлином, туда, где двор встречался с лугом.

— Господи, Грейди! — Камми поднялась с колен. — Господи. *Их глаза!*

Она рассмеялась так весело, голосом юной девушки. Грейди сел на ступеньки крыльца, улыбнулся ей.

Когда животные вернулись, сделав свои дела, Мерлин подошел к хозяину, а Тайна и Загадочный, пребывая в игривом настроении, составили компанию Камми, принялись бегать вокруг нее и гоняться друг за другом. Они, похоже, поняли, что зачаровали ее, а им, в свою очередь, нравилось ее восхищение.

Их глаза сверкали, будто отражая воспоминание о самом роскошном северном сиянии, когда-либо освещавшем небо.

Грейди никогда не слышал такого счастливого смеха Камми. Свою радость она всегда проявляла более чем сдержанно.

Каждый мужчина или женщина — это особняк в некоем состоянии от великолепия до ветхости, но даже в самом роскошном дворце иной раз находится комната, куда зайти может только хозяин или хозяйка. В сердце Камми существовала не одна такая запретная комната, а целое крыло, и дверь в каждую из комнат запиралась на засовы вины или горя, а может, и первого и второго. Грейди чувствовал, что она не находит в себе сил открыть эти комнаты, залить их светом.

Тем не менее она была его лучшим другом. Никогда не лгала ему, не ограничивалась полуправдой. Часть ее жизни оставалась для него тайной, но не потому, что она хотела обмануть его. Просто считала, правильно или неправильно, что архитектура этих комнат настолько не соответствует конструкции всего здания, что они не должны приниматься на рассмотрение.

Грейди ценил ее мнение, восхищался ее привязанностью к животным, уважал ее мастерство ветеринара, его радовала доброта Камми (и он подозревал, что истоки этой доброты следовало искать в жестокости, с которой ей пришлось столкнуться), и он любил ее, потому что в этом мире нытиков и самопровозглашенных мучеников Камми Райверс никогда не жаловалась и не выставляла себя жертвой, хотя Грейди чувствовал, что на мученический статус прав у нее куда больше, чем у многих окружающих.

Камми, ночью, на лужайке, играющая с Тайной и Загадочным, потрясенная их глазами,

завороженная их таинственностью, радостно смеющаяся: за всю жизнь Грейди не испытывал более счастливых минут.

ГЛАВА 33

В отеле в Лас-Вегасе Ламару Вулси снился сон, но не о его умершей жене Эстель.

Ему снилось казино, такое огромное, что он не видел ни одной стены. С потолка, сплошь золотые листья, свисало бесконечное множество люстр, каждая на шнуре из хрустальных бусин. Все люстры, развешанные на одинаковой высоте, на одинаковом расстоянии одна от другой, искрились одинаковым числом хрустальных подвесок.

Под этим упорядоченным великолепием он сидел за столом для блек-джека еще с тремя игроками: одноглазой женщиной, одноруким мужчиной и девятилетним мальчиком, у которого не доставало одного переднего зуба.

Женщина была в платье с глубоким декольте и постоянно доставала черные фишки стоимостью в сто долларов из расщелины между внушительными грудями. Всякий раз, когда она ставила фишку на стол, последняя превращалась в черного жука. Жуки эти расползались по зеленому сукну, раздражая дилера.

Всякий раз, получив карту, однорукий мужчина смотрел на нее и в отвращении бросал дилеру, который отдавал карту мальчику. Мальчик не знал правила игры и постоянно спрашивал: «Кто-нибудь видел мою сестру? Кто-нибудь знает, куда она пошла?»

В шестиколодном башмаке лежали не только обычные карты, но и карты Таро, и карты-картинки какой-то детской игры. Какие бы карты ни получал Ламар, он всегда выигрывал. Шестерка бубен и кролик, держащий в передних лапках зонтик, — выигрыш. Карта палача Таро и восьмерка червей — выигрыш.

Когда перед Ламаром выросла уже приличная горка фишек, одноглазая женщина сказала: «Вот и Пипп».

Ламар посмотрел на девятилетнего мальчика с дырой вместо одного зуба, который сидел у эллипсоидного стола рядом с женщиной и мужчиной.

— Это не Марк. Совсем не он.

— Вон там, — указала женщина. — У рулеточного колеса.

В рулетку играли у них за спиной. Повернувшись на стуле, Ламар увидел Марка Пиппа там, куда и указывала женщина.

Ламар поднялся из-за стола, сложив выигрыш в пакет для фишек, намереваясь отдать все Марку. Но к тому времени, когда он добрался до рулетки, Марк ушел.

Рулеточные столы выстроились в бесконечный ряд.

Оглядев казино, Ламар увидел Марка четырьмя столами дальше и поспешил к нему.

Колеса вращались, шарики прыгали, крупье объявляли результаты, точнее, результат, одинаковый для всех столов: «...двойное зеро... двойное зеро... двойное зеро... двойное зеро...».

Сон не перерос в полноразмерный кошмар, но стал драмой несбывшихся ожиданий и нарастающего раздражения. Стол за столом Ламар преследовал Марка, но не мог догнать или привлечь к себе его внимание. Позже, заметив его среди полчищ одноруких бандитов, попытался перехватить, но безуспешно. Еще позже обнаружил у одного стола для игры в кости, у другого, третьего, но Марк ускользал от него.

Мертвый в реальности, живой во сне, Марк Пипп и тут, и там оставался недостижимым.

ГЛАВА 34

По пути в город у Тома Биггера разыгрался аппетит.

В работающем круглосуточно магазинчике, где продавались расфасованные

кулинарные изделия, он купил сэндвич с мясом, сыром и помидорами, пакет картофельных чипсов и бутылку колы.

Пара поздних посетителей старалась держаться от него подальше. Продавщица, однако, уже обслуживала его. Взяла часть денег, заработанных попрошайничеством, не сказав ему ни единого слова, не взглянув на его лицо.

В ближайшем парке, под старинным железным фонарным столбом, создающим соответствующее настроение и не превращающим ночь в день, Том сел на скамейку, лицом к улице, и принялся за еду, глядя на проезжающие автомобили.

За скамейкой росла громадная финиковая пальма. Когда мимо не проезжали автомобили, Том слышал, как крысы шуршат в своем гнезде, высоко в кроне дерева.

Том не позволял себе никаких излишеств, но денег, добытых попрошайничеством, на жизнь не хватало. И почти каждый месяц, сев в автобус, он ехал в соседний город, где по ночам воровал, чтобы покрыть свои расходы.

Главным образом забирался в дома в пригородах, где не горело ни одного окна, а почта, накопившаяся за несколько дней, предполагала, что шанс столкнуться лицом к лицу с хозяевами невелик.

А если он встречал одинокого пешехода на пустынной улице, то грабил его, угрожая пистолетом. Лицо Тома и вид пистолета превращали в пацифиста любого крепкого и задиристого молодого человека.

Впрочем, пистолет Том не заряжал. Не доверял себе.

Он не боялся, что в приступе ненависти к себе может покончить с собой. Самоубийство требовало мужества, которого ему не доставало, да и отчаяние не сокрушало его до такой степени.

Ненависть он направлял на себя, ярость — на окружающий мир. Будь пистолет заряжен, рано или поздно он бы кого-нибудь убил.

По опыту Том знал, если однажды позволить себе согрешить, потворствование становится привычкой, а потом и навязчивой идеей. Убийство вызывает не меньшее привыкание, чем текила, или травка, или другие наркотики, которые он поглощал без меры, если мог до них добраться.

Он делал много чего, и только плохое. Он боялся добавить слово «убийца» к списку слов, которые характеризовали его.

Том ел сэндвич и вновь думал о случившемся на площадке отдыха над обрывом.

Поначалу он испытал изумление. Изумление переросло в шок, который поставил его в тупик и вызвал эмоциональное оцепенение. По пути от пещеры до города оцепенение исчезло, оставив тревогу.

Наблюдая за проезжающими автомобилями, Том обратил внимание на наклейку на бампере: «Я ОСТАНАВЛИВАЮСЬ ВНЕЗАПНО, ТОЛЬКО РАДИ ТОГО, ЧТОБЫ ОСТАНОВИТЬСЯ».

На другой стороне улицы, в мультикомплексе, показывали фильм о конце света.

Память услужливо подкинула фрагмент разговора, спор, который не мог закончиться.

— *Зачем ты это делаешь, Томми?*

— *оько ради того, чтобы делать.*

— *Ты губишь свою жизнь, свое будущее.*

— *Это не будущее, это конец света.*

— *Это не конец света.*

— *Такие говнюки, как ты, и уничтожают его.*

— *Как ты можешь так говорить со мной?*

— *Как ты можешь быть таким говном?*

Ветерок принес к его ногам рекламный листок.

В тусклом свете уличного фонаря Том увидел, что рекламируемый ресторан называется «Волшебная пицца».

После короткого раздумья Том отнес рекламный листок, обертку сэндвича, пустой

пакет из-под чипсов и ополовиненную бутылку колы к ближайшему мусорному контейнеру и бросил в него.

Возникло желание выкурить самокрутку с синсемиллой. Местные власти терпимо относились к умеренному употреблению наркотиков. Он достал жестянку из рюкзака, выудил самокрутку, убрал жестянку обратно.

Двинулся в глубь парка, нашел скамейку в более укромном месте.

Вытащил из кармана бутановую зажигалку, щелкнул, но не поднес огонек к кончику самокрутки.

Выкурив одну, он бы выкурил и вторую, может, третью. А потом смыл бы текилой привкус марихуаны. Утром проснулся бы в кустах, с грязью в щетине на щеках и подбородке, с пауками в волосах.

Тревога, вызванная случившимся на площадке отдыха, перерастала в убедительное предчувствие дурного.

Том убрал зажигалку. Вместо того чтобы вернуть самокрутку в жестянку, разорвал пальцами и позволил ветру рассеять травку.

Поступок этот так удивил его, что он принялся хватать руками воздух, чтобы сохранить хоть часть того, что сам же и отдал на откуп ветру.

Предчувствие дурного, в которое перешла тревога, углублялось. Тома охватывал дикий страх.

Еще на первой скамейке, добывая сэндвич, он получил знак, которого ждал, и теперь представлял себе, что должен делать. Он подозревал, что сделать это надо быстро, потому что отпущенное ему время иссякало.

Тома пробил холодный пот при мысли о том, что придется три часа ехать в автобусе. Если груз ужаса слишком уж сильно придавит его, в автобусе ему станет плохо. У него разовьется приступ клаустрофобии.

Интуиция подсказала, что путешествие надо начинать пехом. И Том направился к прибрежной автостраде.

ГЛАВА 35

Понаблюдав, как Мерлин пьет воду из большой миски, Тайна и Загадочный с интересом посмотрели на Грейди, который достал из буфета две миски и наполнил их водой из-под крана.

Камми достала карту памяти из фотоаппарата Грейди и сунула в боковой карман медицинского саквояжа, чтобы отвезти домой.

— Никто из нас, похоже, не хочет поразмышлять.

— Поразмышлять о чем?

— А как ты думаешь?

— Ты сама сказала, что ты ветеринар и теория не по твоей части.

— Размышления — это не теория. Размышления не дотягивают даже до версии. Это всего лишь общие разговоры, это всего лишь... если бы да кабы, ничего больше.

— Я не хочу размышлять о них.

— Именно это я только что и сказала. Ни один из нас не хочет размышлять.

— Тогда ладно. Хорошо. В этом мы едины.

— Но, как по-твоему, почему?

— Я не занимаюсь самоанализом, — ответил он. Камми смотрела, как Грейди ставит полные миски

на пол.

Тайна и Загадочный тут же подошли к ним, наклонили головы, понюхали воду и начали пить.

— Я думаю, причина, по которой мы не хотим об этом размышлять, проста:

большинство «что, если», которые придут нам в голову, будут пугающими в том или другом смысле.

— В Тайне и Загадочном нет ничего пугающего.

— Я и не говорила, что есть. Я только сказала, что размышления о том, откуда они взялись, приведут к пугающим «что, если».

— Сейчас я хочу поближе их узнать, — указал Грейди. — Если я буду слишком много думать о том, кем они могут быть, мысли эти, возможно, помешают правильно истолковывать их поведение.

Наблюдая, как животные пьют, Мерлин гордо вскинул голову, словно они показали себя хорошими учениками, которых он обучал пить воду из миски.

— В любом случае, — гнула свое Камми, — ты не можешь знать наверняка, что в них нет ничего пугающего.

— В них нет ничего пугающего, — настаивал Грейди.

— Сейчас нет, они милы, как маппеты, но, возможно, позже, когда ты погасишь свет и заснешь, они покажут свое истинное лицо.

— Ты же в это не веришь.

— Не верю. Это «что, если», причем нелепое «что, если».

— В любом случае они куда более милые, чем маппеты. От некоторых маппетов у меня мурашки по коже бежали. А от этих двух не бегут.

— Маппеты тебя пугали? Фрейд нашел бы это интересным.

— Мурашки бежали не от всех маппетов. Только от нескольких.

— Конечно же, не от Кермита.

— Конечно, не от Кермита. Но Большая птица — выродок.

— Выродок?

— Абсолютный выродок.

Уверенный в себе, заслуживающий доверия, сдержанный, в разговоре Грейди мог частенько сказать что-то эдакое, причем с каменным лицом. Камми это нравилось. Приятно, когда собеседник умен и обладает здоровым чувством юмора.

— Большая птица, — повторила она. — Вот почему у тебя нет телевизора?

— Это одна из причин.

Тайна, а потом и Загадочный допили воду. Сели на задние лапы, как пара гигантских луговых собачек¹, сложили руки на животах, выжидающе глядя на Грейди.

— Может, они голодны? — предположила Камми.

— Они уже съели три куриные грудки. И, насколько мне известно, они съели и кастрюлю.

— Ты не знаешь наверняка, что именно они украли куриные грудки. Это мог сделать кто-то еще... тот, кто побывал в твоей мастерской, гараже, включал свет.

— Слушай, именно поэтому я мастерю мебель.

— А мебель тут при чем?

— Когда я мастерю мебель, мне нет необходимости думать. За меня думают руки.

— Даже если кур *съели* Тайна и Загадочный, — вернулась к главному Камми, — возможно, это все, что им удалось съесть за день. Ты же не хочешь отправить их спать голодными.

— Чтобы они не съели меня живьем в разгар ночи? Дело в том, что куриных грудок у меня больше нет.

— Так дай им сухого корма Мерлина. Может, им понравится.

— Если я насыплю сухого корма им, мне придется насыпать и Мерлину, а он уже съел все, что ему положено на сегодня.

— Мерлин не толстый. Чтобы его перекормить, сухой корм надо сыпать лопатами. Дай ему миску, пусть отпразднует встречу с новыми друзьями.

¹ Луговые собачки — грызуны, похожие на сусликов, размером около 38 см. Они обитают как на поверхности земли, так и в норах — сложных лабиринтах.

— Они действительно вроде бы чего-то ждут. Может, ты права, и они голодны.

В кладовой он держал сорок фунтов «Сайентс дайэт», двадцать в алюминиевом баке с герметически закрывающейся крышкой, и двадцать — в купленном в магазине мешке, про запас. Он насыпал полный черпак в миску Мерлина и чуть меньше — в две миски для овсянки.

Выдрессированный волкодав сел у своей миски, ожидая разрешения приступить к еде. Такой командой служило слово: «О'кей».

Тайна и Загадочный, глядя на Мерлина, скопировали его, сели у своих мисок. Когда пес приступил к еде, они попробовали сухой корм, нашли съедобным и принялись уминать содержимое мисок.

И хотя Камми торопилась домой, чтобы поработать с картой памяти фотоаппарата Грейди, она не могла заставить себя уйти, зачарованная белыми существами.

— Если на то пошло, Мерлин такой же удивительный и загадочный, как эта пара. — Она смотрела, как вся троица с аппетитом поглощает сухой корм.

На лице Грейди отразилось удивление.

— Я думал о том же.

После возвращения в горы, примерно в конце первого года жизни в этом доме, Грейди признался Камми, что вновь открыл для себя красоту обычных вещей, и теперь все вещи представляются ему удивительными. Вскоре после этого Камми отдала ему Мерлина, щенка размером со многих взрослых собак, с грубой шерстью, косматыми бровями и такого же магического, как маг, именем которого его назвали.

— Ты знаешь ферму «Высокий луг»? — спросила Камми.

— Где Вирони разводят чистопородных лошадей?

— Да. Сегодня, перед тем как начало смеркаться, там кое-что случилось.

Она рассказала о странном состоянии лошадей и других животных.

— Диагноз? — спросил он.

— Я работала над этим, когда ты мне позвонил. Теперь не думаю, что возможен какой-либо диагноз, потому что случившееся — определенно не болезнь.

— Но ты сказала, что они впали в некое подобие транса.

— Я не знаю, что это значит, просто чувствую... — Она глубоко вдохнула, потом выдохнула. — Ничего плохого с ними не случилось — только хорошее.

— Я понимаю, почему ты не знаешь, что все это значит.

Она рассказала ему о том, что произошло с собаками, которых привезли из незаконного питомника по разведению щенков.

— Сама фаза транса прошла без меня, но я видела, как после этого изменились собаки — пугливость ушла полностью, они стали совершенно счастливыми и очень общительными. И знаешь, случившееся в нашей лечебнице и на ферме «Высокий луг» должно быть как-то связано с Тайной и Загадочным.

— Я не вижу, каким образом, но думаю, ты права. Так много странного просто должно иметь общую причину.

Волкодав и его новые друзья закончили еду. Мерлин шумно облизал пасть, Загадочный и Тайна тщательно расчесали шерсть у ртов.

Камми подхватила медицинский саквояж.

— Я наведу справки, прежде чем лягу спать. Часам к одиннадцати утра получу ответы, но сомневаюсь, что они прояснят ситуацию. А потом нам придется решать, что делать дальше.

— Приедешь на ленч?

— Да. Хорошо. Если только не возникнет ситуация, с которой не справятся фельдшеры, или я не смогу передать пациента Амосу Ренфрю. В нашем округе он лучший специалист по коровам и хорош с лошадьми, но к маленьким животным сердце у него не лежит. В сложных случаях я бы не рекомендовала отвозить к нему собаку. Он может что-то упустить.

Мерлин улегся на пол, еле живой от усталости. Загадочный и Тайна устроились по обе

стороны от него, свеженькие, как огурчики. Волкодав напоминал выброшенное шерстяное пальто, тогда как шерсть золотистоглазой пары выглядела только что вымытой и расчесанной.

Когда Камми открыла дверь и вышла на заднее крыльцо, Грейди последовал за ней, но животные не сдвинулись с места.

— Я уверен, что они уже спят, — сказал Грейди. — Иногда мне кажется, что это здорово, ходить на всех четырех и иметь маленький мозг.

Она покачала головой:

— Они так легко засыпают не потому, что у них мозг меньших размеров. Все дело в их невинности.

— Тогда мне придется бодрствовать всю ночь, может, и до конца своих дней.

Его замечательная улыбка, подаренная на прощание, радовала ее в любой вечер, и она двинулась вниз со словами: «Позвони мне утром».

Он положил руку ей на плечо, и она, естественно, вновь повернулась к нему.

— Это не теория, не версия, даже не плод размышлений. Это интуиция. Теперь все будет по-другому.

— Не все изменения приводят к лучшему, — заметила Камми.

Он взял ее за плечи, наклонился к ней, и на мгновение она подумала, что он может, пусть и с самыми чистыми намерениями, сделать самое худшее из возможного. Но поцелуй, первый за четыре года, оказался братским — его губы легонько коснулись ее лба, и такое выражение привязанности она могла вынести.

— Спасибо за Мерлина, — поблагодарил он ее. — Кем бы ни оказались Загадочный и Тайна, не думаю, что они проводили бы меня до самого дома, если бы я шел один. Это Мерлин притянул их сюда.

— Он магнит, это точно, — кивнула Камми. — И был таким с рождения. Будь осторожен этой ночью, Грейди. Я знаю, они — не угроза, они такие же невинные, как Мерлин, но у невинности всегда есть враги. Всегда.

Уже в машине, выезжая на шоссе, она думала о том, что Грейди наверняка почувствовал, как напряглась она, когда он целовал ее в лоб. Пусть он ничего не знал о ее молодости, Камми не сомневалась, что интуитивно он прекрасно представлял себе серьезность и глубину нанесенных ей невидимых ран и подсознательно способствовал их затягиванию, за что она могла только искренне его поблагодарить.

Если Загадочный и Тайна представляли собой не просто что-то необычное, не короткоживущую сенсацию в череде точно таких же, заполняющих новостные ленты информационных агентств, не какую-то случайную мутацию, если они были чем-то знаменательным, а Камми в этом не сомневалась, тогда лучшего человека (Грейди и только Грейди), которому они могли довериться (или которому их могли доверить), представить себе она не могла.

Она ехала из предгорий вниз, к лугам, где сочно-зеленая трава выглядела белесой под лунным светом.

Странная ночь вносила тонкие изменения в привычную округу, дорога, по которой она ездила сотни раз, казалось, вела в неведомые земли.

Двадцать лет, с тех пор как ей исполнилось пятнадцать и она обрела свободу, Камми желала только одного: иметь ветеринарную практику и жить среди животных, лечить невинных, которым нет необходимости лгать, потому что они не умеют говорить, которые не завидуют, не алчут, не воруют, которые не предадут и не ищут удовольствия в боли и отчаянии других, которые не порабощают, не калечат, не унижают более слабого.

Но в эту ночь, в свете этих прекрасных, неземных глаз, она разглядела что-то еще, дополняющее то, что у нее уже было. Она боялась этого желать из страха, что ей в этом будет отказано, но тем не менее хотела отчаянно. Ее жизнь наполняла красота, флора и фауна гор, но она жаждала кое-чего еще и только теперь решилась назвать это даже для себя: таинства. Камми хотелось, чтобы в ее жизнь вошло что-то неведомое, за гранью представлений,

доступное только прикосновению разума, но не рук, нечто такое, что заполнит ее наполовину пустое сердце ощущением чуда.

Дорога поднималась и опускалась, преодолевая один за другим пологие холмы, вдоль обочин тянулись побеленные изгороди, и Камми замечала в них символы, которых не видела раньше, о которых не думали строители этих изгородей. Символы, которые теперь открылись ей, являлись лишь следствием принципов правильного конструирования, но при этом с незапамятных времен ассоциировались с надеждой.

Как и на пастбище на ферме «Высокий луг», перед глазами у нее все расплылось. Она свернула с шоссе там, где обочина стала пошире, поставила «Эксплорер» на «парковку», достала бумажную салфетку из коробки на консоли, вытерла глаза.

В тот раз, среди великолепных лошадей и животных-компаньонов, Камми не понимала, с чего взялись слезы. То же чувство вызвало их на этот раз или другое, она сказать не могла, но знала, что сейчас тронуло ее. До пятнадцати лет жизнь ее была неописуемо ужасной, последующие двадцать лет — во многом аскетичной. Она нашла счастье в том, что многого требовала от себя, ничего не ожидала от других, стремилась уравновесить годы рабства годами служения добру, соскабливая с себя пятна, оставленные прошлым. А теперь она оказалась в самом центре таинства, чего-то неведомого. И хотя в молодости ее превратили в жалкую, безвольную тварь, Камми знала — знала без тени сомнения, точно так же, как гуси знают, когда наступает время отлета на юг, — что означает присутствие этих двух существ в ее жизни: все раны затянулись, она обрела цельность.

ГЛАВА 36

В спальне, улегшись на свою большую постель, Мерлин повернулся раза три, прежде чем со вздохом заснуть: голова между передними лапами, хвост между задними.

Грейди принес еще одну собачью постель из кабинета на первом этаже, положил рядом с постелью Мерлина. Он полагал, что его гости, глядя на Мерлина, поймут, где им предлагается лечь спать.

Загадочный и Тайна, однако, не желали отходить ко сну. Кружили по комнате, обнюхивали то и это, заглядывали под комод, попробовали воду во всех трех мисках, когда Грейди затягивал окна шторами.

Пока он аккуратно складывал покрывало и вешал на спинку в изножье кровати, откидывал одеяло и верхнюю простыню и взбивал подушки, парочка сидела, наблюдая за ним, склонив головы вправо, словно замороженная неким ритуалом.

— Надеюсь, вы заметили, что перед тем, как я разобрал постель, на покрывале не было ни единой складки, — обратился к ним Грейди. Тайна наклонила голову влево. — Тот, кто побывал в армии, навсегда усваивает ее порядки.

Загадочный наклонил голову влево, тогда как Тайна — вновь вправо.

Когда Грейди снял туфли и поставил у прикроватного столика, Загадочный поспешил к ним, чтобы понюхать и осторожно подергать за шнурки.

Когда Грейди снимал рубашку, джинсы и носки в стенном шкафу, который служил и гардеробной, к нему заглянула Тайна... и обнаружила зеркало на обратной стороне двери. Заинтригованная своим отражением, Тайна издала пронзительный звук — и-и-и, и-и-и — и потянулась к своему двойнику. Удивленная тем, что и двойник тянется к ней, Тайна замерла, оценивая ситуацию, потом прикоснулась пальчиками к отражению своей руки.

За прожитые в этом доме годы Мерлин много раз видел себя в зеркале, но не выказывал ни малейшего интереса к собственному отражению.

Уши Тайны дернулись, она выскочила из стенного шкафа.

Вернувшись в спальню, Грейди увидел, что оба его гостя стоят у постели сына Ирландии и с интересом его разглядывают. Вероятно, их привлек храп волкодава, довольно-таки громкий.

В ванной, после того как Грейди выжал зубную пасту на щетку и включил холодную воду, Тайна забралась на опущенное сидение унитаза и с интересом наблюдала за ним, приняв позу луговой собачки. Полминуты спустя Загадочный в той же позе замер на боковине ванны, заинтригованный, как и Тайна, процессом чистки зубов, который демонстрировал хозяин дома.

После того как Грейди почистил зубы щеткой, они столь же внимательно наблюдали за манипуляциями с нитью для чистки зазоров между зубами. Потом смотрели, как он умывается и вытирает полотенцем капли на столике вокруг раковины.

Когда пришло время справить естественные потребности, Грейди шуганул их из ванной и закрыл дверь.

Не успел усесться на трон, как с другой стороны двери донеслись мягкие, неравномерные, быстрые постукивания.

— Уходите, — ответил Грейди.

Постукивания продолжились: *тук-тук-тук, тук-тук, тук, тук-тук-тук-тук-тук*.

— Я не выходил во двор и не смотрел на вас, когда вы писали, — напомнил им Грейди.

Тук-тук, тук-тук, тук-тук-тук-тук-тук-тук.

— И не надейтесь.

Постукивание прекратилось.

Когда он услышал, что они обнюхивают щель между дверью и порогом, то подумал: а не переименовать ли их в Любопытку и Нюхача?

На смену обнюхиванию пришла тишина, и Грейди это порадовало, но потом он заподозрил, что дело нечисто.

Хотя ключ давным-давно утеряли, скважина для него в двери осталась. Грейди чуть наклонился и, конечно же, увидел золотистый глаз, прильнувший к замочной скважине с другой стороны.

— И кто из вас любопытная Варвара? Стыдитесь!

Золотистый глаз моргнул.

К тому времени, когда Грейди помыл руки и вернулся в спальню, Загадочный и Тайна уже сидели на его кровати и поднимали подушки, чтобы посмотреть, не лежит ли что под ними.

— Кыш, кыш, — бросил он им.

Они положили подушки, но по-прежнему сидели на кровати, сложив руки на животе, и наблюдали за ним.

Проснувшись после очень короткого сна, Мерлин широко зевнул.

Грейди подошел к пустой собачьей постели, взбил ее, потом повернулся к Загадочному и Тайне:

— Вот. Это ваша постель.

Они смотрели на него внимательно, но не спрыгнули с его кровати.

В стенном шкафу, где Грейди держал несколько собачьих игрушек, он выбрал синюю обезьянку. Вернулся в спальню, опустился на колени рядом с пустой собачьей постелью, попищал обезьянкой, чтобы подманить Загадочного и Тайну.

Мерлин забурчал, недовольный шумом, который мешал ему вновь заснуть.

Еще одна игрушка, возможно, убедила бы парочку занять положенное место. Вместо этого Грейди решил показать им, чего он хочет, как показал бы щенку.

Он подошел к кровати и поднял Тайну. Она не только позволила ему поднять ее и нести, но и устроилась поудобнее, выставив живот, согнув руки в локтях и кистях, всем своим видом показывая, что ей все это очень нравится.

Опустив Тайну на густой ворс собачьей постели, которую, по его замыслу, ей предстояло делить с Загадочным, Грейди приказал: «Место!» — как будто собачьи команды воспринимались всеми обитателями животного королевства. И дал ей синюю обезьянку, чтобы ей было чем заняться.

Вновь вернувшись к своей кровати, он склонился над Загадочным, который, как и

Тайна, нисколько не возражал, чтобы его взяли на руки. Грейди отнес его к собачьей постели... но обнаружил там только синюю плюшевую обезьянку.

С Загадочным на руках он оглянулся и увидел, что Тайна вновь на его кровати.

Он положил Загадочного рядом с обезьянкой и отправился к кровати за Тайной.

Она буквально прыгнула ему на руки, чуть не сбив с ног. Но когда Грейди повернулся, чтобы отнести ее к собачьей постели, услышал, что обезьянка пищит у него за спиной.

Мерлин уже не бурчал. Подняв голову, наострив уши, он с интересом наблюдал за происходящим.

Вместо того чтобы положить Тайну на пустую собачью постель, Грейди опустил ее рядом с волкодавом. Поднял одну мощную переднюю лапу Мерлина и положил на золотистоглазое животное.

— Место, — приказал он Мерлину.

Уже более суровым тоном, прищурившись на манер Клинта Иствуда, отдал ту же команду Тайне. Вытянул руку, обвиняюще нацелил на нее палец.

Она склонила голову направо.

Грейди отвернулся от нее. И уже пересекал комнату, чтобы забрать Загадочного и эту чертову обезьянку, когда Мерлин и Тайна пробежали мимо него и запрыгнули на кровать.

Загадочный сунул обезьянку под подушки Грейди. С выражением блаженной удовлетворенности собака и два белоснежных существа каким-то образом свернулись друг вокруг друга.

Волкодав и его команда наблюдали, как Грейди выключает лампу на прикроватном столике. Наблюдали, как он выключает верхний свет.

Оставив включенной лампу у большого кресла с откидной спинкой в стиле Стикли, Грейди прошел в стенной шкаф, чтобы взять подушку и одеяло.

Уютно устроившиеся на его кровати, животные подняли головы, когда он вышел из стенного шкафа, и провожали его глазами, пока он шел к креслу. Их совершенно не смутил брошенный на них его мрачный взгляд.

Грейди сел в просторное кресло, которое смастерил в прошлом году. Вытянул ноги, положив их на скамеечку.

Троица внимательно наблюдала за каждым его движением.

Смотрели, как он устраивается в кресле, поправляет подушку, накрывается одеялом. Постель из кресла получилась достаточно удобная, а ему надоело носить взад-вперед эти живые плюшевые игрушки.

— Для вашей информации... — вся троица не отрывала от него глаз, хотя он не стал бы клясться, что им не терпится услышать продолжение, -...я полагаю все это мятежом. Настоящим мятежом. И утром будут приняты дисциплинарные меры.

Он выключил лампу у кресла.

Цветные глаза, казалось, плавали в темноте.

— Вижу, вы наблюдаете за мной.

Глаза не моргали.

— Я рассчитываю на тебя, Мерлин. Не дай им съесть меня во сне.

ГЛАВА 37

Сев за компьютер в кабинете на первом этаже, где располагалась лечебница, Камми написала электронные письма доктору Элеоноре Фортни из Школы ветеринарии Университета Тафта в Норт-Графтоне, штат Массачусетс, и доктору Сидни Шинсеки из Колледжа ветеринарии Сельскохозяйственного и механизаторского университета Техаса. К письмам она «прицепила» фотографии Загадочного и Тайны.

Элеонора Фортни, известный зоолог, специалист по внутренним болезням и хирург, месяц читала лекции в Колледже ветеринарии и биомедицинских наук Университета

Колорадо в Форт-Коллинзе, когда Камми училась на последнем курсе.

Она входила в число студентов, которые получали высокие оценки в каждом из семестров, а потому имела право на гарантированное место на всех лекциях профессора Фортни, плюс приглашение на три собеседования тет-а-тет, которые многому ее научили.

Когда месяц в Форт-Коллинзе подошел к концу, Элеонора Фортни предложила Камми трехгодичный контракт на участие в проекте по исследованию раковых заболеваний у собак, который она возглавляла. Проект этот финансировался выпускниками Университета Тафта, поэтому с деньгами проблем быть не могло.

Возможность заняться исследованиями, которые в будущем могли спасти жизнь бесчисленному числу собак, влекла Камми, но в итоге она все-таки отказалась: слишком долго мечтала о том, чтобы служить животным не в научно-исследовательской лаборатории, а непосредственно, избавляя их от повседневных страданий. Ей хотелось лечить животных, чьи клички она знала, которым могла посмотреть в глаза.

С Элеонорой она тем не менее оставалась на связи, они стали подругами, которые рассматривали свою работу не только как профессию, но и видели в ней призвание. Будь Загадочный и Тайна уникальными мутантами, Элеонора, с ее глубокими знаниями зоологии, смогла бы определить основные характеристики, идентифицирующие вид, к которому они принадлежали.

У Сидни Шинсеки Камми проработала год после защиты диплома, оттачивая мастерство хирурга. Этот милый старый ворчун был блестящим диагностом, знания, опыт и интуиция которого позволяли точно определить болезнь по нескольким, далеко не очевидным симптомам.

Отправив электронные письма, Камми покопалась в нескольких зоологических архивах, доступ в которые не требовал особых усилий, сосредоточившись на существах с необычайно большими глазами, ведущих ночной образ жизни.

У ай-айев¹, обитающих в тропических лесах Мадагаскара, глаза не выглядели ббльшими, чем в реальности. На фотографиях они получались ярко-оранжевыми, и этот цвет их оптически увеличивал. В любом случае, с большими ушами и вытянутой мордой, эти обезьянки не заняли бы высокое место в рейтинге «самое красивое млекопитающее» на канале «Планета животных».

Глаза галаго² выглядели куда ббльшими, чем у ай-айев, учитывая их значительно меньшие головы, но, разумеется, не шли ни в какое сравнение с глазами новых друзей Мерлина.

Лори³, обитатели Южной и Юго-Восточной Азии, также могли похвастать большими глазами, если принимать во внимание размер головы, но, конечно, не могли сравниться с Загадочным и Тайной. Жили они на деревьях, питались ящерицами и насекомыми, и самый большой лори весил каких-то четыре фунта.

Камми думала, что не сможет уснуть после этого вечера, принесшего столько впечатлений, но вскоре начала очень уж часто нажимать не на те клавиши и кликать мышкой не туда, а потому выключила компьютер. Когда без сил упала в кровать без десяти два, комната начала медленно вращаться, словно карусель... карусель, и все прекрасные лошади смотрели в одну сторону, в сторону гор и темнеющего неба, и иногда что-то пролетало сквозь

1 Ай — ай (или мадагаскарская руконожка) — единственный вид из семейства руконожковых млекопитающих из отряда полуобезьян, длиной до 1 м, с пушистой черно-бурой шерстью, длинным хвостом и удлинненными тонкими пальцами. Самый крупный представитель ночных приматов.

2 Галаго — семейство лориобразных приматов. Являются близкими родственниками лори и рассматривались ранее как одно из их подсемейств. Живут в Африке южнее Сахары, но не встречаются на Мадагаскаре. Острыми ушами и мордочкой галаго напоминают кошку, однако их конечности приспособлены не столько к быстрому бегу, сколько к лазанию и хватанию. Шерсть мягкая и густая, а ее расцветка варьируется в зависимости от вида от серебрино-коричневой до оранжево-коричневой. Для галаго, как для всяких активных по ночам зверей, характерны очень крупные глаза.

3 Лори (ночные лемуры) — семейство приматов. У лори густая и мягкая шерсть, окрашенная в большинстве случаев в серый или коричневый цвет, более темная на спине. Большие глаза, типичные для активных по ночам зверей, направлены вперед.

день, что-то такое гигантское, что Камми чувствовала его присутствие, однако оно оставалось невидимым, а если не было невидимым, то увидеть его можно было лишь периферийным зрением, только краем глаза...

ГЛАВА 38

Прохладная и сухая калифорнийская ночь — идеальное время для пеших походов с рюкзаком на спине.

К западу от шоссе темная земля спускалась к океану, который Том Биггер мог видеть только потому, что луна проложила по нему атласную дорожку, а прибой белой полосой окаймлял галечный берег.

На востоке лежали холмы, силуэты которых просматривались на фоне звездного неба. На склонах серебрилась выжженная за лето трава. На лугах, подступавших к обочине, кое-где высились раскидистые дубы.

И куда бы ни посмотрел Том, нигде он не видел признаков человеческого жилья.

Он знал, куда должен пойти и что там сделать. Но дорога ему предстояла долгая, а дело — трудное.

В это время, далеко за полночь, автомобили по шоссе проезжали редко. Эти часы принадлежали дальнобойщикам, а они предпочитали автостраду, проложенную дальше от океана.

Даже в темноте Тому попадались указующие знаки. Фары едущего на юг автомобиля высветили лежащую на асфальте мертвую гремучую змею. Ее глаза сверкали, словно блески, и он знал, что зрелище это предназначалось только для его глаз.

Он миновал знак «ОСТОРОЖНО, ОЛЕНИ», который вандалы изрешетили пулями. Чуть дальше ему под ноги попались какие-то маленькие предметы, которые, отлетая от его ботинок, звонко стукались друг о друга. Включив фонарик, Том насчитал штук двадцать гильз, поблескивающих на земле среди гравия.

Змеи и пули. Зло и насилие.

Выступающая из земли низкая скала напоминала скамью, созданную природой для усталого путника. Том остановился, снял рюкзак.

Расстегнул «молнию» клапана нижнего кармана, достал матерчатый чехол, в котором лежал незаряженный пистолет. Вернул пустой чехол в нижний карман, застегнул «молнию» клапана.

Вновь надев рюкзак, продолжил путь на север, держа пистолет в левой руке так, чтобы водители проезжающих автомобилей не могли его увидеть.

Едва покинув город, Том почувствовал, что он не один. По мере того как за спиной оставались все новые мили, ощущение это только усиливалось.

Время от времени он останавливался и медленно поворачивался на триста шестьдесят градусов, всматриваясь в ночь. Ничего не видел, кроме шевеления травы и дрожания листьев под легким ветерком с моря. Ни тебе призрачных силуэтов, ни отблеска лунного света в глазах.

Пройдя еще с полмили, он услышал шум двигателя. Автомобиль ехал на север. Судя по звуку, пикап или внедорожник. Оглядываться Том не стал.

Водители, которые иной раз подвозили голосовавших на обочине, к нему относились настороженно, в силу его габаритов и изуродованного лица. Он редко пытался голосовать. Вот и шел навстречу движению, что было и безопаснее.

Шум двигателя нарастал, фары осветили мостовую, и «Шеви-Субурбан» проехал мимо по дальней стороне шоссе.

В сотне ярдов впереди автомобиль развернулся и покатил на юг, чтобы остановиться на обочине, не доехав до Тома пятьдесят футов. Дверцы открылись.

Фары наполовину ослепили его, но он увидел силуэты двоих мужчин, стоявших перед

капотом «Субурбана». Третий стоял у открытой водительской дверцы.

Том не попытался убежать с шоссе в темноту, потому что даже на пологом склоне он мог споткнуться, подвернуть, а то и сломать ногу.

А кроме того, он ни от кого никогда не убегал, ни от садистов-наркоманов, жаждущих поразвлечься, ни от цунами. Если бы кто-то или что-то убило его, он бы с радостью принял смерть, раз уж ему не хватало духа самому покончить с собой.

Он шагал к ним, высоко подняв голову.

Когда в ярком свете фар они разглядели его лицо, один из мужчин воскликнул: «Господи Иисусе, Джекки, ты только посмотри на него!»

Второй мужчина, которого звали Джекки, спросил Тома:

— Куда идешь, Франкенштейн?

— Оставьте меня в покое, — ответил Том, не сбавляя шага. Поднял пистолет, переложил из левой руки в правую.

— Эй, эй, эй! — крикнул водитель. — Застынь столбом, Карлофф. Ты у меня на мушке.

Чтобы доказать, что это не просто слова, он пустил пулю над головой Тома. Судя по звуку, стрелял из винтовки.

Все эти долгие годы, при каждом ограблении, которое он совершал, угрожая жертве незаряженным пистолетом, Том ожидал, что жертва эта окажется вооруженной и облагодетельствует его, убив на месте.

Наконец-то он встретился с людьми, которые могли освободить его от этой жизни, и удивился тому, что не продолжил путь к ним.

— Брось пистолет, — приказал стрелявший.

— Вышиби ему мозги, Джордж, — предложил дружок Джекки. — Не тяни.

— Я так и сделаю, — предупредил Джордж Тома. — Брось пистолет, а не то я так и сделаю.

Вместо того чтобы бросить пистолет, Том засунул его за пояс.

Менее двадцати футов отделяло его от двоих мужчин, которые стояли перед «Субурбаном». Они осторожно двинулись к нему, следя за тем, чтобы не перекрыть линию огня их вооруженному спутнику.

— Я не один, — сказал Том.

Джекки рассмеялся, а идущий рядом с ним мужчина ответил: «Беда в том, что твой дружок — воображаемый. Что у тебя в рюкзаке? Сними и дай нам взглянуть».

Из ночи слева от Тома, со склона, который уходил к морю, вышел зверь, его глаза блеснули в свете фар. Койот с оскаленными зубами.

На Тома Биггера койот даже не посмотрел. Со смелостью, столь нехарактерной для этих хищников, угрожающе двинулся на двоих мужчин.

— Это собака? — спросил Джекки.

— Черт, нет, — ответил второй.

Словно вызванный заклинаниями и пентаграммами, еще один койот выступил из темноты, следом за первым. Тут же появился третий.

Джекки попятился.

— Шугани их, Джордж.

Джордж выстрелил в воздух, но звери не испугались.

Из темноты и высокой травы материализовывались все новые койоты — четвертый, пятый, шестой, седьмой.

Стрелок, он же водитель, скользнул за руль, захлопнул дверцу. Звук этот послужил сигналом к отступлению для остальных. Они тоже укрывшись в салоне внедорожника.

Теперь, когда другой добычи на шоссе не осталось, Том Биггер ожидал, что койоты набросятся на него, но зверей по-прежнему интересовал только автомобиль.

Пару минут водитель ждал, справедливо рассчитывая, что койоты уйдут в ночь. Но все семеро застыли, как истуканы, не сводя глаз с внедорожника.

Через ветровое стекло Том видел, как двое мужчин на переднем сиденье повернулись к

третьему, на заднем. Они, похоже, о чем-то спорили.

Наконец водитель снял внедорожник с тормоза, включил передачу, и «Субурбан» выехал на шоссе. Покатил на юг, откуда и приехал.

Том наблюдал, пока задние огни не скрылись из виду.

Достал незаряженный пистолет из-за пояса, переложил в левую руку и вновь зашагал на север.

Койоты сопровождали его сквозь лунный свет, трое впереди, двое по бокам, двое сзади.

Высоко в небе, так высоко, что звук двигателей не долетал до поверхности земли, с запада на восток летел реактивный самолет, и для Тома сигнальные огни самолета означали, что и его путешествие продолжится, должно продолжиться.

Еще через четверть мили койоты покинули его, ушли колонной по одному, наискось пересекая шоссе.

Он постоял, наблюдая за их уходом.

Один за другим, все семеро спрыгивали с дренажной трубы, которая торчала из земли за дальней обочиной, направляясь на восток, как и беззвучный реактивный самолет, исчезали на залитом лунным светом лугу.

Том не знал, что о них и думать. После их ухода отшагал на север еще с милую, пока не вышел к небольшому каменному мосту через пересохшую речку. Снял рюкзак, положил на широкий каменный парапет.

Убрал пистолет. Из верхнего отделения рюкзака достал одну из шести бутылок текилы, каждая лежала в отдельном чехле.

Два автомобиля появились на юге, но не с бандитами, возвращающимися с подкреплением. Седан и пикап проехали мимо, не сбавляя скорости. Том оторвал акцизную марку, скрутил пробку, открыл бутылку. Поднес к носу, вдохнул.

От запаха рот наполнился слюной, а желудок сладостно затрепетал. Тома затрясло, он сжал бутылку обеими руками.

Постояв какое-то время, может, минут пять, накрутил пробку на горлышко. Собственная выдержка его не порадовала. Он знал, что силы воли надолго ему не хватит.

Кляня себя за неожиданную сдержанность в употреблении спиртных напитков, он бросил бутылку с моста. Услышал, что она разлетелась вдребезги, ударившись о камни на дне пересохшей реки.

Том застегнул «молнию» клапана, вновь забросил рюкзак за плечи, застегнул ремень.

Почти двенадцать часов прошло с того знаменательного события, которое произошло с ним на площадке отдыха, расположенной над его домом-пещерой. Он не спал уже двадцать часов, за последние четыре прошел долгий путь. Вроде бы должен был засыпать на ходу, но нет, чувствовал себя бодрым, целеустремленным.

Он знал, куда должен идти. Впереди лежал долгий, долгий путь.

Он знал, что должен сделать. Работа предстояла нелегкая. Ему могло не хватить мужества, чтобы довести ее до конца.

Шагая на север в последние остающиеся от ночи часы, Том Биггер вновь чувствовал, что он не один, что его сопровождают шаг в шаг, и не только койоты. И он боялся.

ГЛАВА 39

На прогулку в лес, примыкающий к пригороду Сизтла, Лиддон Уоллес отправился в туфлях «Бриони», защищенных от влаги резиновыми галошами, серых, из шерстяной материи, слаксах «Эрменджильдо Зенья», ремне «Марк Кросс», рубашке «Джеффри Бин», свитере «Армани», черном кожаном пиджаке «Эндрю Марк» и часах «Патек Филипп»¹.

Следовать по плотно утоптанной тропе не составляло труда, несмотря на утренний сумрак и туман. Рассвело еще часом раньше, но туман плотно закрывал солнце, пропуская

¹ Все перечисленные марки относятся к верхнему ценовому диапазону соответствующих изделий.

только слабый, рассеянный свет.

Хвойные деревья стояли черные, папоротники казались скорее синими, чем зелеными. Даже кизилловые деревья с их ало-золотыми листьями не сияли так ярко в этой влажной полутьме, а огромные белые цветы, которые обычно напоминали клематис, теперь выглядели как дохлые птички, зацепившиеся за ветки.

Еще через триста ярдов тропа вывела Лиддона Уоллеса из леса на зеленую лужайку — к восемнадцатой лунке поля для гольфа.

На травке стояла тележка с электродвигателем, какими пользуются садовники. Даже после того, как Лиддон Уоллес вышел из леса, Руди Нимс, руководивший бригадой ухода за ландшафтом, не обращая на него ни малейшего внимания, взял с тележки флаг восемнадцатой лунки и поставил в гнездо.

Зеленую лужайку полукругом обрамляли песчаные ловушки. За ней фервей¹ спускался вниз к водяной ловушке. Другая часть фервея, за водяной ловушкой, пряталась в тумане, а ти² находилась в далеком далеке. Узкая вырубка окаймляла фервей с обеих сторон, а за вырубками поднимался лес.

Руди Нимс стоял у тележки, наблюдая, как Лиддон подходит к нему. Тридцати восьми лет от роду, с пшеничными усами, густыми вьющимися светлыми волосами. Ирония судьбы, мальчиком он часто играл ангела в рождественских «живых картинах».

— Погода отвратительная, — пожаловался Лиддон.

Нимс говорил так тихо, что даже в утренней тишине голос его таял в непосредственной близости от него.

— Полезная для кожи.

И действительно, цвет кожи бригадира вызывал зависть.

— Так ты посмотрел материалы.

— Да.

— Вопросы есть?

— Нет.

— Ты представляешь себе, как это можно сделать?

— Да.

— Когда ты это сделаешь?

— Деньги?

Лиддон протянул ему коричневый конверт из плотной бумаги, в котором лежали сорок тысяч долларов сотенными.

— Еще сорок тысяч, когда все будет сделано.

Нимс считать деньги не стал. Бросил конверт в тележку, вернул Лиддону другой конверт, с многочисленными фотографиями дома в Калифорнии, планами этажей, подробной информацией об охранной системе.

— Плюс расходы, — напомнил ему Нимс.

— Да, разумеется. Еще сорок тысяч плюс расходы. Когда ты вылетаешь?

— Сегодня.

— Как я тебе и говорил, я пробуду в Сиэтле до полудня среды. Когда ты все сделаешь?

— Завтра вечером.

— Во вторник вечером.

— Да.

— Хорошо. Отлично. Я встречаюсь с клиентом в шесть вечера. Сначала коктейли, потом обед. Закончим в одиннадцать, а то и позже.

— У вас симпатичная жена.

— Да, красавица, но не следовало мне жениться. Я не семейный человек.

— Я ее хочу.

1 Фервей — участок с травой средней высоты на поле для гольфа, занимающий большую часть игрового пространства.

2 Ти — точка, с которой делается первый удар на каждой лунке.

— Ты ее хочешь? Идея не из лучших, Руди. Тебя оправдали, но образец твоей ДНК хранится в архиве, анализ крови тебе делали по решению суда, вся информация занесена в базу данных, так что тебе нельзя оставлять свою сперму.

— Я не оставляю.

Четырьмя годами раньше Руди судили по обвинению в убийстве четырнадцатилетней девушки. Лиддон его защищал.

— Это слишком рискованно, — убеждал его Лиддон, — потому что я вытащил тебя на том процессе. Найдя твою ДНК, они поймут, что тебя нанял я.

Он не просто добился вердикта «Не виновен» для Нимса. Двух абсолютно честных детективов ему удалось выставить такими продажными, что после процесса их уволили со службы.

Один из кабельных каналов сделал потом двухчасовую передачу по этому процессу, которая принесла Лиддону миллионы благодаря наплыву новых клиентов. Камера его обожала. На экране он выглядел так естественно. Время от времени он смотрел ди-ви-ди с той программой, чтобы напомнить себе, как классно он выглядел.

— На Джуди ее не нашли.

Под Джуди подразумевалась четырнадцатилетняя Джуди Харди, которую похитили и изнасиловали.

— Не нашли — что? — спросил Лиддон.

— Мою ДНК.

— Тело практически растворили в кислоте в яме на берегу. Лучшая команда экспертов не смогла добыть хоть какую-то информацию.

— Так я сожгу и Кирстен, — Нимс говорил про жену Лиддона. — Наполню ванну бензином, — уточнил Нимс.

Лиддон оглядывал подернутый туманом фервей. Пустой. Поле для гольфа открывалось только через час. Тем не менее разговор затягивался. Для того чтобы свести к минимуму шанс, что их увидят вместе, следовало встречаться в таких вот укромных местах и *на короткое время*.

— Ванна бензина? — переспросил Лиддон, испуганный экстравагантностью идеи.

— Утоплю ее и сожгу.

— У меня дорогие произведения искусства, антиквариат.

— И противопожарная система.

— Тем не менее. Ванна бензина.

— Я все продумал.

Лиддон посмотрел на конверт с фотографиями и подробным описанием дома, который ему вернул Нимс.

— Вы останетесь без ванной.

— Очевидно.

— Которая примыкает в главной спальне. Сгорит и часть чердака.

— А повреждения от воды?

— Распылители включаются только в тех комнатах, где поднимается температура.

— Понятно. Значит, вода зальет не все. Дым?

— Я закрою двери ванной и спальни, перед тем как покинуть дом.

Нимс говорил мягким голосом, но заслуживал доверия. Действительно все тщательно продумывал, не упускал деталей.

— Как я понимаю, пожарники приедут быстро.

— Менее чем через четыре минуты. Пожарная часть неподалеку.

Плотный туман, окружающий их со всех сторон, и не думал подниматься или рассеиваться.

— Ты действительно так хочешь Кирстен? — спросил Лиддон.

Нимс кивнул.

— Она должна стать моей.

— И как долго ты будешь с ней... заниматься?

— Два часа. Три.

— Ты совершенно уверен?

— Абсолютно.

— Очень рискованно.

— С одной стороны — да, с другой — наемные убийцы так себя не ведут.

— Веский довод. Что ж... согласен.

Нимс обворожительно улыбнулся. С такой улыбкой он и теперь мог участвовать в рождественских «живых картинах».

— Два момента. Первое... вы уверены насчет Бенни?

Он говорил о Бенджамине Уоллесе, трехлетнем сыне Лиддона.

— Отец из меня тоже никакой.

— Есть няньки.

— Не нужна мне старая карга, которая будет портить настроение, или какая-нибудь молодуха, которая подаст на меня в суд, ложно обвинив в сексуальных домогательствах. Бенни для тебя проблема?

— Какой он может быть проблемой? Ему же три года.

— Я не про физические проблемы.

— С этим у меня полный порядок.

— Отлично. С этим решено.

— Я просто хотел убедиться, что вы не передумали.

— Не передумал. Второй момент?

— Всего лишь мое любопытство.

— Мне пора идти.

— Вы пришли ко мне с этим... вы знали, что я убил Джуди Харди?

— Очевидно.

— Когда вы это выяснили?

— До того, как взялся за твое дело.

— Вы защищали меня бесплатно.

— У тебя не было денег.

— Я думал, вы защищали меня, потому что верили.

— В твою невиновность? Нет. Никогда.

— Так вы взялись защищать меня бесплатно, потому что?...

— А как думаешь ты, Руди?

— На случай, что вам может понадобиться такой, как я.

— Логично.

— Вы женились до того, как взялись за мое дело?

— Несколькоми месяцами раньше.

— Вы тогда знали, что, возможно...

— Нет, нет. Тогда я ее любил.

— Это грустно.

Лиддон пожал плечами:

— Это жизнь.

— Вы многих защищаете бесплатно.

— Стараюсь.

— Так у вас еще есть такие, как я?

— Двое или трое. Если они мне понадобятся.

— Что ж, я хочу, чтобы вы знали, я вам благодарен.

— Спасибо, Руди.

— Не только за то дело, но и за эту возможность.

— Я знаю, что ты не упускаешь мелочей. Но теперь мне пора. — Он сделал два шага к лесу, потом повернулся, вновь взглянул на Нимса: — Я тоже любопытен, знаешь ли.

— Насчет чего?
— После Джуди Харди ты...
— Да.
— Часто? — спросил Лиддон.
— Я заставляю себя выжидать.
— Это трудно... выжидать?
— Да. Но зато слаще, когда я это делаю.
— И сколько ты выжидаешь?
— Шесть месяцев. Восемь.
— И подозрение больше никогда не падало на тебя?
— Нет. И никогда не упадет.
— Ты — умный и осторожный человек. Потому я и взялся за твое дело.
— А кроме того, я нравлюсь людям, — добавил Нимс.
— Да. Нравишься. И это всегда плюс.

Лиддон продолжил путь по лужайке к проложенной в лесу тропе. Его отделяли двести футов от самой жуткой в его жизни встречи.

ГЛАВА 40

«Генри».

Сон напоминал монтаж крупных планов: длинные голые конечности били по воздуху, светлые волосы метались, кисти с красными ногтями прижимали со страстью и отбивались в испуге, алый рот приоткрывался от желания, а потом раскрывался во всю ширь в беззвучном крике дикого ужаса.

Проснувшись, Генри Роврой подумал, что слышит, как кто-то шепчет его имя:

«Генри».

Во сне он соскользнул на один бок. Теперь сел прямо. Спина к дальней стене стенного шкафа.

Скорее всего, голос ему приснился. Он прислушался, но ничего не услышал.

За открытой дверью света в спальне прибавилось в сравнении с тем временем, когда он устроился в стенном шкафу, но зажженная лампа светила бы ярче.

Пришел день. Лучи утреннего солнца просачивались вокруг задернутых штор.

Поморщившись, согнув левую ногу, чтобы избежать судороги, Генри поднялся и осторожно двинулся к изрешеченной двери.

Вновь прислушался. Через какое-то время услышал очень тихий свист. Его сердце на мгновение сжалось, пока он не осознал, что пустил «голубка».

Он совершил ошибку, пообедав колбасой, сыром, плебейским хлебом, и его потрясенное тело отреагировало таким непотребным образом.

Он провел на ферме менее суток, а его стандарты уже начали вырождаться. Да, нельзя недооценивать тлетворного влияния сельского образа жизни даже на тех, кто является неординарной личностью, обладает высочайшим интеллектом и получил блестящее образование в лучших частных школах и в Гарварде. Без тонизирующего влияния мегаполиса, без ежедневного общения с другими высокообразованными и искушенными людьми он мог превратиться в грубую, неотесанную деревенщину. В этом царстве одиноких домишек наверняка не знали, что такое подписка на «Таймс», а полуграмотный недоумок-продавец в газетном киоске никогда не видел «Вэнити фэйр»¹, поступающий в продажу в конверте из коричневой бумаги.

И дожидаясь, пока его зад перестанет посвистывать, Генри осознал, что, заселяя картофельный погреб и переделанные конские стойла женщинами, он должен попытаться найти по крайней мере одну, которая посещала достойные школы, но по каким-то причинам

¹ «Вэнити фэйр» — издающийся в Нью-Йорке журнал о культуре, моде, политике.

вернулась в эту интеллектуальную пустыню. Если он не сможет найти остроумную и сексуальную женщину, тогда придется остановить свой выбор на пусть и не такой образованной, но умеющей поддержать разговор и с хорошими манерами, только для того, чтобы не дать заржаветь интеллекту и не забыть правила приличия.

Серенада, исполненная прямой кишкой, не позволила Генри остаться в стенном шкафу. С тем чтобы глотнуть свежего воздуха, он убедил себя, что свое имя он услышал во сне, и ступил в спальню.

Включив верхний свет, тут же посмотрел на кровать. Одеяло, похоже, лежало точно так, как он его и положил, накрывая муляж, да и форма самого муляжа не изменилась.

Если бы кто-то занял место муляжа, Генри убили бы, пока он спал. Его страх был иррациональным.

Тем не менее Генри подошел к изножью кровати. Держа помповик обеими руками, с пальцем на спусковом крючке, стволом подцепил одеяло и отбросил в сторону.

Став заложником абсурдных ожиданий, он затаил дыхание, а теперь облегченно выдохнул.

Раздвинул шторы на окнах и позволил утреннему свету влиться в комнату. Больше он не собирался прятаться в стенных шкафах. Новый день означал и новую стратегию. Вместо того чтобы реагировать, он собирался перейти к активным действиям, загнать мучителя в глухую оборону.

В коридоре горел оставленный им свет, как и одна лампа в гостиной, но на кухне не царил темнота, хотя там зажженных ламп он не оставлял.

На кухонном столе лежали кожаные рабочие перчатки. Прошлым вечером, найдя эти перчатки на застеленной покрывалом кровати, он положил их в мешок для мусора, а мешок — на кресло в спальне, намереваясь избавиться от перчаток этим утром.

Утром, однако, обнаружил их здесь. Кровью они, похоже, пропитались еще сильнее, большая часть ее засохла, превратившись в корочку, но что-то влажно блестело.

Рядом с перчатками Генри увидел карандаш и блокнот, которые раньше лежали у телефонного аппарата. На желтой краске карандаша запеклась кровь.

Несколько ее капель упали и на верхнюю страницу блокнота, но не запачкали надпись: три написанные от руки строчки, одна над другой, по центру страницы.

Страх вернулся, так неожиданно и с такой силой, что поначалу Генри не смог уяснить смысла слов, будто написали их на утерянном языке древней цивилизации. Страх на какие-то мгновения превратил его в безграмотного.

Сумев прочитать текст, Генри понял, что перед ним три поэтических строки. Рифмы он не нашел, потому что стихотворение это относилось к жанру японской поэзии, именуемому хайку¹.

Разумеется, Генри знал о хайку. И потому, что закончил Гарвард, и потому, что его брат Джим написал пятьдесят два хайку, опубликованные в тонком томике.

Падающий лунь —
Каллиграфия в небе,
Когти и клюв.

Генри вспомнил пару луней, которые выписывали в небе пересекающиеся круги, когда он и его брат шли к амбару.

Каллиграфия. Прекрасные японские надписи, сделанные кисточкой.

Генри не писал стихи, да и не очень-то их читал, но предположил, что эти — приемлемая метафора: легкие мазки кисточки, подразумевающие собой падение хищника на жертву.

Последняя строчка встревожила его больше остальных. Благодаря трем последним словам получилось хайку о смерти, стихотворение, в котором главная роль отводилась не

¹ Хайку, или хокку — стихотворение в три строки из семнадцати слогов.

луню, а неупомянутой мышью, схваченной когтями и разорванной клювом.

Если Генри был лунем, тогда его брат-близнец — мышью, и стихотворение описывало убийство Джима в амбаре.

С другой стороны, если Джим был лунем, тогда роль мыши отводилась его брату, и в стихотворении речь шла о неминуемом убийстве Генри.

Он вспомнил слова Джима, произнесенные перед тем, как оба вошли в амбар: *«Хищники и дичь. Необходимость смерти, если жизнь должна иметь смысл и значение. Смерть — как часть жизни. Я работаю над сборником стихотворений на эту тему»*.

В большей степени разозленный насмешкой, а не угрозой, в ярости от того, что его выставили на посмешище, Генри Роврой хотел вырвать верхнюю страницу блокнота, разорвать на мелкие кусочки, спустить в унитаз, но не мог прикоснуться к блокноту: его мутило от одной только мысли об этом.

«...когти и клюв».

Эти леденящие слова обещали жестокую смерть, колотые, рубящие раны, нанесенные ножом.

«...когти и клюв».

Джима ножом не кололи и не рубили. Его застрелили. В хайку говорилось не о смерти Джима.

Генри вспомнил пять ножей, которые лежали на столе, когда он вошел на кухню с Джимом и Норой.

Пять ножей с лезвиями длиной в четыре-пять дюймов, с покрытием, которое не отражало свет. С приспособлением для быстрого открытия лезвия.

Прежде чем они втроем сели пить кофе со сдобными булочками, Джим переложил ножи на столик у раковины.

Генри отвернулся от хайку и пошел к столику.

Там лежали три ножа. Два исчезли.

ГЛАВА 41

Аромат хвои, величественность елей, красота кизилковых деревьев успокоили Лиддона Уоллеса, пока он шел по лесной тропе после того, как договорился об убийстве жены и ребенка.

Закон Лиддон уважал. Адвокатская карьера принесла ему богатство, славу, влиятельных друзей, молодую и ослепительно красивую жену, средства для решения проблем, которые поставили бы в тупик или уничтожили других людей, возможность кардинальным образом изменять собственную жизнь, чтобы она становилась еще более радостной и приносила ему все, на что он имел полное право.

Его родители и большинство учителей, от начальной школы и до юридической, твердили ему, что нет ничего более важного, чем самооценка, что самооценка — билет в счастливое путешествие по жизни. В случае Лиддона они зря сотрясали воздух: с юных лет он знал о многих своих достоинствах, среди которых не последнее место занимала решительность.

Если что-то, по его разумению, требовалось сделать, он это делал. Или нанимал такого, как Руди Нимс. Лиддон никогда не колебался, а что-то сделав, не испытывал угрызений совести.

Иногда, получив нужную информацию, он ничего не делал и никого не нанимал. Множество людей жили с секретами, которые могли их погубить, и если ты знал их секреты, то мог манипулировать ими, низводя до роли марионеток. А поскольку высокопоставленные друзья Лиддона располагали неограниченными средствами и возможностями, чтобы перетрясти прошлое любого человека, у него не возникало проблем с вызыванием секретов, если, разумеется, таковые имелись.

При всей его любви к закону, деньгам и к себе, больше всего ему нравилось дергать людей за ниточки. Он родился с тем, чтобы править вселенной. Власть приносила ему большее удовлетворение, чем секс. Власть он ставил выше богатства. Власть он ставил выше всего.

Все эти мысли и множество других роились в не знающей покоя голове Лиддона Уоллеса, когда он шел через лес к служебной дороге, на которой припарковал арендованный автомобиль. Занятый проблемами управления вселенной и грядущими переменами в собственной жизни, он уже не обращал внимания на красоту леса.

Природа не повергала его в восторг, какой вызывала у многих людей. Ему нравилась выкошенная лужайка, аккуратно подстриженные деревья, со вкусом подобранные цветы на клумбах, вода в прудах и фонтанах. Но он не одобрял буйства естественного леса, где все росло вместе, хаотично, переплетаясь одно с другим.

Возможно, потому, что он не ценил природу, Природа решила нанести ему ответный удар. Только что он спешил сквозь туман в тумане собственных мыслей, а в следующее мгновение — *ба-бах!* .

Все произошло так резко, так внезапно, что он отступил с криком ужаса, да только отступать было некуда, потому что случившееся навалилось на него со всех сторон, и он мог или сдаться, или сопротивляться и терпеть. Лиддон Уоллес за всю свою жизнь никогда и ничему не сдавался и теперь отказывался капитулировать. Если уж и предстояло тянуть за какие-то ниточки, то он всегда выступал в роли кукольника, а не марионетки и никому не позволял дергать себя за ниточки, и не собирался позволять, никогда.

Энергия случившегося, абсолютная сила того, что навалилось на него, вышибла из Лиддона дух. Он в прямом смысле не мог дышать. Воздух стал густым, как вода, его сжала невероятная сила непостижимого могущества. Лиддону показалось, что сжался и солнечный свет, яркости не прибавил, но тоже загустел, превратился в золотую массу, в субстанцию, которую он мог ощущать и обонять, в мерцающий сгусток, который раздувался, гнулся, корбился.

Лиддон чувствовал, что-то произошло и со временем. Его потоком, законами, предназначением. Прошрое, настоящее и будущее слились, скрутились, как спагетти на вилке, потом начали скручиваться все сильнее, пока все бесчисленные тысячелетия не превратились в единый миг. Перед ним предстало каждое мгновение прошлого и все будущее, он видел себя зародышем, младенцем, ребенком, юношей, взрослым, слабым стариком — одновременно.

Каким бы странным и ужасающим ни было это событие, пусть оно сокрушило все его органы чувств и подавило умственные процессы, Лиддон мгновенно понял, что, как и почему все это происходит. Он также знал, что эта всесокрушающая сила, давящая со всех сторон, не позволяющая ни шевельнуться, ни вздохнуть, мгновенно уйдет, если он перестанет сопротивляться, но Лиддон сопротивлялся.

И потому случившееся, казалось, растянулось на часы. Но когда он открыл рот в беззвучном крике самоутверждения и отказа сдаться, когда так крепко сжал пальцы в кулаки, что ногти вонзились в ладони, а костяшки едва не прорвали кожу, Лиддон знал, что на самом деле прошло лишь несколько секунд, максимум шестая часть минуты.

Все закончилось так же резко, как началось. И если в начальный момент Лиддон попытался податься назад, то в конечный — рванулся вперед, и на этот раз ничто его не задерживало. Ни поднимающийся туман, ни окружающие тени не предлагали надежного убежища, ни деревья, ни папоротники, и тропа вела только в одну сторону — не назад, к Руди Нимсу, а вперед. Пошатываясь, Лиддон преодолел последние сто ярдов тропы, вышел на дорогу, которую использовали по большей части только сотрудники лесоохранной службы и главным образом в случаях пожаров.

В арендованном автомобиле он запер все дверцы, бросил конверт из плотной коричневой бумаги на пассажирское кресло, посидел, хватая ртом воздух, дрожа всем телом.

Он опустил щиток, чтобы взглянуть в зеркало на обратной стороне. Ожидал увидеть

сожженное или иным способом изуродованное лицо, но произошедшее никоим образом на нем не отразилось. А взглядевшись в отражение глаз, Лиддон тут же отвел взгляд.

И только когда его сердце чуть замедлило бег, а страх частично ушел, Лиддон понял, что лишился одной туфли и, соответственно, галоши. Но никакая дорогая итальянская обувь не стоила так дорого, чтобы заставить его вернуться в лес.

Его серые слаксы «Эрменджильдо Зенья» превратились в какую-то бесформенную мятую тряпку, нить, прошивавшая ремень «Марк Кросс», порвалась, язычок пряжки погнулся.

Рубашка «Джеффри Бин», промокая от пота, тоже вся смялась, порвалась под мышками, вылезла из-под ремня.

Из свитера «Армани» в десятках мест торчали нитки, черный кожаный пиджак «Эндрю Марк» вонял так, словно кожа начала гнить.

Сверившись с часами «Патек Филипп», Лиддон увидел, что часовая и минутная стрелки показывают точное время, а секундная плавно обегает циферблат. Но часы утверждали, что день этот — четверг, а не понедельник, и не в сентябре, а в декабре.

По прошествии какого-то времени Лиддон завел двигатель и включил обогреватель, потому что холод пробрал его до костей.

Но тронуть автомобиль с места еще не мог.

Он не смотрел на лес. Там его ничего не интересовало. Ничего не могло заинтересовать. Он не собирался возвращаться в эти леса. Он вообще дал зарок никогда больше не входить в лес, где бы то ни было.

Он не мог заставить себя посмотреть на что-либо за окнами автомобиля. Не мог заставить себя посмотреть даже на окна.

Это произошло. Лиддон никогда бы не забыл, что это произошло, но никому не собирался рассказывать о происшедшем. Что бы он от этого выгадал?

Он открыл конверт, который вернул ему Руди Нимс, достал фотографии. Дом и участок его не интересовали. Он нашел фотографии Кирстен и трехлетнего Бенни. Жены и сына. Женщины и мальчика. Одной и второго. Неведомых и непостижимых.

Убрал фотографии в конверт.

Позже, когда ушла дрожь, Лиддон развернулся на узкой дороге и направился к выезду из леса.

ГЛАВА 42

В 6:35 по горному времени¹ доктор Элеонора Фортни позвонила из Массачусетса, разбудив Камми Райверс. Она села, сняла трубку.

Элеонора обожала поговорить о пустяках, но на этот раз сразу перешла к делу.

— Зная тебя, зная, какая ты ответственная, я понимаю, что это не шутка. Не монтаж.

— Нет. Они настоящие, Элеонора. Они...

— Ты их заперла? — прервала ее зоолог.

— Заперла?

— Животных. В клетку, в собачью конуру. На замок. С такими руками они смогут открыть задвижку.

— Нет, они не в клетке. Они с Грейди. В его доме.

— Пожалуйста, немедленно позвони ему. Скажи, пусть запрет их в чулане или комнате без окон. На окнах есть шпингалеты.

— Не думаю, что он это сделает.

— Почему? Почему он это не сделает?

— Они такие обаятельные. Их влечет к людям, как и собак, они очень ласковые.

¹ Горное время — время, соответствующее часовому поясу горных штатов США. На семь часов позже Гринвичского, на два часа позже Восточного (на Восточном побережье) поясного времени.

— Это не может быть объективным мнением. Ты наблюдала их слишком мало времени. Это всего лишь первое впечатление.

— Да, конечно, — согласилась Камми, — первое впечатление. Но оно, судя по всему, правильное. Элеонора, ты бы это поняла, если бы была здесь и увидела их сама.

— Может, я их и увижу, но нельзя позволить им убежать.

— Они не хотят убежать. Им нужен дом. У Грейди им нравится.

— Ты приписываешь им человеческие мотивации. Ты не можешь знать, чего они хотят. Камми, необходимо понять, что они из себя представляют.

Камми не могла объяснить словами необыкновенные особенности Тайны и Загадочного, указывающие на то, что простыми объяснениями здесь не обойтись, а потому ответила:

— Мы избегали теорий.

— Они сконструированы, — заявила Элеонора. — Из различных ДНК.

— Эта мысль приходила мне в голову, — Камми откинула одеяло, перекинула ноги через край кровати. — Но такие сложные существа? Никто так далеко не продвинулся.

— В наши дни биоинженерия занимается не только превращением бактерий в фабрики инсулина и интерферона. И не только модификацией *Thiobacillus ferrooxidans*¹, с тем чтобы она добывала уран. Мы уже прошли дальше.

— Разумеется, я знаю. Один китайский ученый ввел какой-то ген в ДНК свиньи, чтобы ночью они светились зеленым. Чего только не случается в нашем мире. Но если Загадочного и Тайну спроектировали, наука шагнула далеко вперед от светящихся зеленым свиней.

— Позволь ввести тебя в курс дела. Давай еще задержимся на свиньях. Ты знаешь, что свиней подвергают радикальной перестройке на генном уровне, чтобы получать органы, которые можно пересаживать людям?

— Что-то я об этом слышала.

— Свиные органы, которые структурно, химически и генетически будут настолько человеческими, что тело реципиента не станет их отторгать. И исследования эти продвигаются очень быстро.

— Но все-таки... — Камми встала.

Вновь Элеонора прервала ее:

— И еще о свиньях. Университеты, здешние и за рубежом, участвуют в гонке — кто первый создаст свинью с человеческим мозгом.

Беспроводной телефон позволил Камми подойти к окну.

— Господи, зачем?

— Гордыня. Отвергается сама идея существования души. Практической пользы никакой. Существо будет страдать одиночеством, неестественностью отношений системы «тело-мозг». Все закончится безумием. Тем же самым занимался и Франкенштейн.

Холодный, ровный утренний свет. Светло-светло-синее небо.

— Ты говоришь о монстрах, — ответила Камми. — Эти животные совсем другие. Они... прекрасны.

— Они могут быть милыми, как Микки-Маус, если они спроектированы, но никто не знает, какой урон они могут нанести окружающей среде. Если... они будут приносить большое потомство или активно использовать эти невероятные руки, то смогут избавиться от одного или нескольких коренных видов.

Оконное стекло холодило. Температура воздуха к утру упала градусов на пятнадцать.

— Если они родились в лаборатории, каким образом они попали сюда? — спросила Камми. — В этом округе университета нет, нет и ни одной биоинженерной компании.

— Возможно, они покинули лабораторию не по своей воле. Может, это сделали какие-нибудь защитники животных. Эти ребята задают жару. Громят дома ученых, по ночам нападают на лаборатории. Некоторые из них... достаточно фанатичны и невежественны, чтобы выпустить в дикую природу экспериментальные экземпляры. Они могли привезти их

¹ *Thiobacillus ferrooxidans* — бактерии, используемые в процессе биовыщелачивания.

откуда угодно.

— Экспериментальные экземпляры, — в голосе Камми слышалось сомнение. — Это всего лишь интуиция, Элеонора, но они — не такие.

— А какие они, доктор Райверс? Их нет в энциклопедии известных животных. Только глаза говорят об их исключительной уникальности.

— Не знаю. Я не знаю, кто они.

— Время от времени нам сообщают об открытии новых видов насекомых, водяных животных, даже мышей. Но мы не могли проглядеть больших млекопитающих, ни в таком досконально изученном регионе, как наши Колорадские Скалистые горы, ни где-то еще. Как только я положу трубку, позвони этому Грейди и скажи, чтобы он запер этих животных. Заставь его это сделать. А потом жди у телефона.

— Ждать чего?

— Тебе позвонят. Я не могла не сообщить об этом.

От предчувствия дурного в голос Камми прорвались резкие нотки:

— Сообщить? Кому?

— Человеку, которого я знаю в Национальном научном фонде¹. Он дал мне номер какого-то сотрудника Агентства по охране окружающей среды², а потом все покатилося, как снежный ком.

— Но я связалась с тобой как с другом. И рассчитывала на конфиденциальность.

— Камми, при всей моей любви к тебе, я не могу участвовать с тобой в заговоре по такому серьезному вопросу. Возложенные на меня профессиональные и юридические обязательства требуют сообщить об этом в соответствующие инстанции.

— Да. Хорошо. Наверное, я понимаю. Просто не думала...

— Сидни Шинсеки этим утром позвонил мне из Техаса, как только прочитал твое письмо. Мы вместе сообщили кому следует. И любой в нашем положении поступил бы точно так же.

— Да, конечно. Разумеется.

— А теперь позвони Грейди и проследи, чтобы этих животных посадили под замок. Потом жди у телефона. Я думаю, тебе позвонит Пол Джардин. Если не ошибаюсь, он из Денвера.

— И что они собираются сделать? — спросила Камми.

— Власти? Возьмут животных под свою опеку.

— А потом?

— А потом тебя не касается. Ты не крала животных. Ты оказываешь содействие, все делаешь правильно.

— Нет, я про другое. Что будет с Загадочным и Тайной?

— У животных, с которыми проводятся исследования, под кожу на шею вживлены микрочипы. Или сделана татуировка на ухе. Выяснить, откуда они, не составит труда.

— То есть... их отправят в то место, откуда и увезли, в лабораторию.

Похоже, Элеонора уловила нотки уныния в голосе Камми.

— Ты понимаешь, они должны быть там, а не на воле.

— Жаль, что ты не хочешь на них взглянуть.

— Я хочу, чтобы ты поняла меня правильно. Если ты отпустишь этих животных, тебя смогут привлечь к суду.

— Ладно. Я поняла.

— Ты поняла?

— Поняла полностью и целиком.

— Хорошо.

¹ Национальный научный фонд — независимое федеральное ведомство, основанное в 1950 г. с целью содействия развитию фундаментальных и прикладных научных и научно-технических исследований в государственных интересах.

² Агентство по охране окружающей среды — независимое федеральное ведомство, основанное в 1970 г. Обеспечивает и контролирует выполнение законов, касающихся охраны окружающей среды.

— Даже не знаю, о чем я думала. Меня это захватило... они меня просто очаровали. Мне следовало понимать, что к чему.

— Убеди Грейди посадить животных под замок. И жди у телефона.

— Хорошо.

— Камми, если я говорила излишне резко, извини.

— Я вела себя глупо. Так что твоя резкость только прочистила мне мозги.

— Поговорим позже. — И Элеонора положила трубку.

И Камми нажала кнопку с красной трубкой на своем беспроводном телефоне.

Сразу она звонить Грейди не стала.

Вновь прикоснулась к оконному стеклу. Воздух быстро прогрелся, хотя в воскресенье явно было теплее. Приближалась перемена погоды.

Решив не принимать душ, Камми облачилась в джинсы, свитер, высокие ботинки.

По мобильнику позвонила Кори Херну, старшему ветеринару лечебницы, и назначила его на сегодня старшим. В тех случаях, когда он и Бен ничем не могли бы помочь, они бы отправили больного к другому ветеринару. Как поступали всегда, когда она и Донна Корбет уезжали в отпуск.

Телефон зазвонил, когда она вернулась в спальню. Пол Джардин.

— Некоторые наши сотрудники уже едут, я вылетаю через полчаса, — интонациями и мелодичностью он не уступал ведущему какой-нибудь телевикторины. — Как я понимаю, эти два индивидуума у мистера Грейди Адамса.

— Совершенно верно, — Джардин назвал адрес, и Камми ответила: — Да, последний дом на дороге. Если вы хотите знать, как проехать...

— Нет, нет, не волнуйтесь, у нас спутниковая навигация. Доктор, нам придется задать вам довольно много вопросов, вы понимаете.

— Я уже полностью освободила этот день.

— Отлично. Премного вам благодарен. Но я попрошу вас освободить и завтрашний день. На всякий случай.

— На случай чего?

— Сейчас и не скажешь. Доктор, не хочу вас пугать, но это дело подпадает под закон об охране секретов государственной важности, и нарушение этого закона приводит к различным наказаниям, вплоть до пожизненного заключения. Вы понимаете?

— Да, наверное, но...

— Вы ни с кем не должны говорить об этих двух индивидуумах с ваших фотографий. Мне нужны имена и фамилии всех, кому вы рассказывали о них, помимо Элеоноры Фортни и Сидни Шинсеки.

Камми обнаружила, что шагает взад-вперед у изножья кровати, одновременно уверяя его: «Больше никому».

— Хорошо. Прекрасно. Упрощает ситуацию. Позже вам придется повторить ваши слова под присягой.

Несмотря на веселый тон и приятный голос, каждая новая фраза, произнесенная Джардином, усиливала тревогу Камми.

— Мистер Джардин, мне пора обращаться к адвокату?

— Хороший вопрос. Я так не думаю. Мы с этим определимся уже на месте. Надеюсь, вы сможете подъехать сейчас к дому мистера Адамса и подождать с ним нашего прибытия.

— Да, конечно.

— Если вы захватите с собой карту памяти из фотоаппарата мистера Адамса и все копии, которые вы сделали с фотографий, я буду вам очень признателен.

— Разумеется. Нет проблем.

— И, пожалуйста, возьмите необходимые вещи и туалетные принадлежности для двухсуточного пребывания на объекте.

— Объекте?

— В доме мистера Грейди Адамса.

— А с чего может возникнуть такая необходимость?

— Заранее все предусмотреть невозможно. Всякое случается. Возникают вопросы. Я понимаю, это неудобно, но всегда лучше, если в ходе предварительного расследования все участники собраны в одном месте.

— Мы все можем собраться в гостиной, чтобы восстановить ход событий, но дворецкого не будет, вызывающего подозрения или нет.

— Это забавно, — голос звучал весело, но смеха Камми не услышала. — И замечание тонкое. С нетерпением жду встречи с вами, доктор. Пожалуйста, подъезжайте на объект как можно раньше.

— Уже еду. И еще, мистер Джардин. Вы работаете в Национальном научном фонде или в Агентстве по охране окружающей среды?

— Не там и не там, доктор. Это расследование проводит Министерство национальной безопасности¹.

ГЛАВА 43

Грейди проснулся в кресле около половины восьмого утра, включил лампу, которая стояла неподалеку, и не обнаружил троих приятелей и заговорщиков на кровати, где видел их в последний раз. Не обнаружил их и в спальне, а когда позвал Мерлина, волкодав не появился ни из примыкающей ванной, ни из коридора.

Он увидел, что дверь в коридор приоткрыта, хотя точно помнил, что закрывал ее перед тем, как лечь спать.

Зевнув, почесывая голову, он поднялся с кресла и босиком пошлепал в коридор. Увидел, что двери во все другие комнаты второго этажа закрыты.

Внизу, в гостиной, утренний свет, вливавшийся в окна, привлек его внимание к предметам, которые лежали на полу перед столом из орехового дерева с бронзовой фурнитурой и инкрустированного пьютером.

Содержимое каждого ящика и полочки выложили на ковер аккуратными рядами: степлер, инструмент для удаления скрепок, линейка, карандаши. Ручки, коробка с резиновыми колечками, коробка со скрепками для бумаг, контейнер с увлажнителем для пальцев, пачка белых конвертов без марок...

Выставка эта предполагала, что кто-то проводил методичную ревизию всех его канцелярских принадлежностей. Может, Мерлин намеревался заглянуть в магазин «Костко»² в соседнем округе и составлял список будущих покупок.

В коридоре дверь на кухню в дальнем конце закрыли, так же как дверь в его кабинет по правую руку. Зато в библиотеку оставили открытой, и там горел свет.

На полу тремя стопками лежали примерно двадцать книг. Грейди их там не оставлял.

Из любопытства он опустился на колени, чтобы посмотреть, что это за книги. Как выяснилось, беллетристика и документальная литература. Самых разных жанров и авторов. Поначалу ничего общего он не обнаружил, потом обратил внимание на яркие цвета корешков всех выбранных книг: красный, желтый, ярко-розовый, оранжевый...

Поскольку в его библиотеке книги стояли в алфавитном порядке, Грейди видел, что

¹ Министерство национальной безопасности — один из исполнительных департаментов правительства США. Решение о создании подобного ведомства было принято после террористического акта 11 сентября 2001 года. В структуру вошли 14 различных ведомств, в том числе ЦРУ, ФБР, АНБ и Иммиграционная служба. Род деятельности — борьба с терроризмом на высшем уровне. Сам термин перевода неточен: во-первых, слово «министерство» не подходит США, стране, у которой нет центральной полицейской структуры, например, Министерства внутренних дел, и, во-вторых, компетенция этой организации сводится только к координации действий разных силовых служб США, но не к их подчинению. То есть это не Министерство национальной безопасности США, а Департамент собственной, или внутренней, безопасности США, или Департамент безопасности Отчизны.

² «Костко» — одна из крупнейших торговых сетей клубного типа (покупки могут совершать только члены клуба).

взяты они как с нижних, так и с верхних полок из разных мест. Логика подсказывала, что он должен вычеркнуть из рассмотрения вариант, предполагающий умение Мерлина лазать по полкам.

Грейди подумал, что поступил правильно, спустившись вниз босиком, а потому бесшумно. Вернувшись в коридор, прислушался. Какие-то звуки доносились из-за двери в дальнем конце.

Войдя на кухню, он увидел волкодава, который сидел у открытой двери в кладовку. Поначалу не заметил никаких признаков Загадочного и Тайны, но потом из кладовой появилась белая меховая рука с черной кистью, предлагающая Мерлину крекер «Риц», намазанный арахисовым маслом.

Для столь крупной собаки Мерлин обычно на удивление осторожно брал такой царский подарок, только мягкими губами и языком, не пуская в ход зубы, забирал крекер из пальцев, а не выдергивал. Не изменил он своим хорошим манерам и сейчас.

Сжевав крекер и облизнувшись, Мерлин повернул голову к Грейди. Выражение морды волкодава предполагало, что отныне хозяин мог каждое утро спать допоздна, так как завтраком его обеспечивали новые лучшие друзья.

Заглянув в кладовую, Грейди увидел сидящих на полу Загадочного и Тайну. Сидели они, как на диване прошлым вечером: не как собаки и даже не как луговые собачки, а как человеческие дети, вытянув ноги перед собой.

Между бедрами Тайна зажала большую банку с арахисовым маслом «Скиппи». Загадочный достал крекер из коробки «Риц» и протянул ей.

Запустив правую руку в банку, Тайна зачерпнула арахисового масла. Намазала на крекер, который держала в левой руке.

Вернула крекер Загадочному. Тот отправил его в рот левой рукой, одновременно правой доставая из коробки новый крекер.

Мех вокруг черных губ они арахисовым маслом не выпачкали, но на теле хватало золотистых крошек крекера.

— Я удивлен, что вы не добавили к этому виноградного конфитюра.

Два существа посмотрели на него снизу вверх, удовлетворенно облизывая губы.

— Уж извините, если предпочитаете комковатое арахисовое масло. У меня только однородное.

В унисон парочка наклонила головы набок, словно он являл собой самое необычное создание природы, которое им когда-либо доводилось видеть.

Грейди вошел в кладовую. Наклонился, чтобы взять коробку с крекерами у Загадочного и банку «Скиппи» у Тайны.

Хотя они не попытались удержать свои сокровища, Грейди услышал недовольное поскуливание-мяуканье, а Загадочный положил руку на плечо Тайны, словно успокаивая ее.

— Если вы действительно въехали в мой дом, как предположила Камми, мне придется принимать особые меры предосторожности.

Он взял крышку от банки «Скиппи» и с добычей в руках вышел на кухню. Навернул крышку, закрыл коробку с крекерами, открыл дверцу нижнего ящика, бросил банку и коробку в маленький контейнер для мусора.

Когда повернулся, эта парочка сидела на полу посреди кухни, пристально наблюдая за ним. Загадочный продолжал облизывать губы, а Тайна запустила в рот три пальца, слизывая остатки «Скиппи». Крошки с себя они уже стряхнули.

В кладовой Мерлин, словно гончая, обнюхивал пол, слизывая те самые крошки.

— Коробка с крекерами почти полная, — продолжил Грейди, — то есть я могу предположить, что съели вы лишь несколько штук. Поэтому сухой корм вы получите, но мне придется снабдить кладовую сейфовой стальной дверью и замком с лазерным сканером, который будет реагировать только на мою ладонь.

Он сполоснул три миски для питья, наполнил их свежей холодной водой. Потом поставил на пол три миски с сухим кормом.

Как и прежде, Загадочный и Тайна последовали примеру Мерлина, который сел перед своей миской, ожидая команды «О'кей», в данном случае означающей: «*Завтрак подан*».

И пока троица ела с таким аппетитом, будто и в глаза не видела крекеров с арахисовым маслом, Грейди поставил фильтр в кофеварку и насыпал кофе «Ямайка» в количестве, достаточном для десяти чашек.

Услышав шум у двери во двор, оглянулся. Увидел, что Мерлин и Тайна наблюдают, как Загадочный, встав на ноги, обеими руками крутит ручку.

Вероятно, врезной замок, повернув барашек, он уже открыл, а теперь справился с собачкой, и дверь подалась.

Загадочный упал на все четыре «лапы» и толкнул дверь. Выскочил на крыльцо, Тайна и Мерлин тут же последовали за ним.

Глядя в окно, Грейди наблюдал, как шустрая парочка и чуть отстающий Мерлин бежали к высокой траве. Только прошлым вечером Мерлин показал им, что естественную нужду следует справлять там, а не на выкошенной лужайке.

Грейди подошел к открытой двери, несколько раз повернул барашек замка по и против часовой стрелки, выдвигая засов и задвигая обратно. Управляться с таким замком труда не составляло. Диплом инженера для этого не требовался.

Он не мог этого вспомнить, но, вероятно, они видели, как он поворачивал барашек врезного замка.

Вернувшись к кофеварке, он налил в резервуар десять чашек воды, поставил его на нагревательную пластину, включил кофеварку.

Вернувшись к окну, увидел, что троица носится по двору, сталкиваются, падают. Катаются по траве, снова бегут.

— Если вы будете внимательно следить за тем, что я делаю во время обеда, то завтра утром, возможно, сварите мне кофе, — пробормотал Грейди.

ГЛАВА 44

Ламар Вулси вылетел из Лас-Вегаса ранним утром, так что в Денвер поспел к позднему завтраку, но не съел его и даже не заказал, потому что двое мужчин поджидали его, когда он вышел из телескопического трапа. Поджидали в той зоне, куда после сентября 2001 года допускались только сотрудники аэропорта и пассажиры с билетами.

Едва заметив их, Ламар понял, что нужен им именно он. С такими ему уже приходилось встречаться. Полностью отмобилизированные, выглядели они расслабленными и изображали полнейшее безразличие ко всему, что их окружало, хотя на самом деле не упускали ни одной мелочи. У одного мужчины на правом ухе висел мобильный телефон «без рук», формой напоминающий окарину и размером не превышающий косточку персика.

Из вежливости, чтобы они подумали, что их штатский наряд — эффективная маскировка, Ламар отвел от мужчин взгляд и двинулся дальше, вроде бы и не обращая на них никакого внимания. И не обращал, пока один из мужчин, без мобильника, не окликнул его по имени. Тогда остановился. Повернулся, подождал, пока они подойдут, а потом спросил:

— Вы, наверное, из оргкомитета конференции?

— Нет, сэр, — ответил мужчина с мобильником и жестом предложил Ламару чуть отойти, чтобы они не мешали другим пассажирам.

Ни один из них не назвал ведомства, в котором работает, но, когда они достали бумажники и предъявили удостоверения, Ламар не удивился, увидев, что они из Министерства внутренней безопасности: Дерек Букер, Винсент Паламбо.

— Как я понимаю, выступить на конференции мне не удастся.

— Нет, сэр, — ответил Паламбо. Они уходили все дальше от пассажиров. — Организаторам уже сказали, что ваш доклад необходимо вычеркнуть из программы в связи с вашей внезапной болезнью.

— И что это за болезнь? — полюбопытствовал Ламар.

— Мы не уточняли. На ваше усмотрение.

— Что ж, привлеку на помощь воображение. Оно у меня богатое. Возможно, это будет какой-нибудь тропический паразит, вызывающий жуткое поражение организма. — Ламар нес в руке только сумку с ноутбуком. — Я сдавал в багаж чемодан.

— На это времени у нас нет, сэр, — ответил Букер. — Фельдстайн привезет его на объект примерно через час после нашего прибытия.

Ламар не стал спрашивать, где находится объект. В публичном месте они бы ему не сказали, опасаясь прослушки.

Агенты подвели его к запертой двери. По другую сторону кто-то ждал, потому что дверь открылась по условному стуку Паламбо.

Коридор, лестница вниз, коридор, коридор, дверь наружу. На бетонном поле их поджидал седан. Букер опустился на переднее сиденье, Ламар и Паламбо — на заднее. Водитель глянул на Ламара.

— Фельдстайн, сэр.

— У меня ужасный тропический паразит, мистер Фельдстайн, но не тревожьтесь. Вы его не подцепите, находясь со мной в одном автомобиле.

— Рад это слышать, — Фельдстайн снял автомобиль с тормоза и нажал на педаль газа.

— Объект в городе? — спросил Ламар Паламбо.

— Нет, сэр. Мы туда полетим.

— Куда?

— Не имею права говорить.

Недоумение, читавшееся на лице Паламбо, означало, что агент сам этого не знает. С таким Ламару сталкиваться не доводилось.

— Что у нас на этот раз? Взрывчатка? Химическое оружие, биологическое, атомное?...

— Извините, сэр. Но я действительно не имею права говорить.

Экстраординарно! Сопровождающие агенты всегда знали природу угрозы. Более того, обычно по пути проводился инструктаж.

Два самолета ожидали на рулежной дорожке, чтобы воспользоваться взлетной полосой, которую очистили для Фельдстайна.

Следуя белой линии по центру, молодой агент гнал седан с такой скоростью, будто собирался взлететь.

В дальнем конце взлетной полосы стоял вертолет представительского класса. Как только Ламар Вулси, Паламбо и Букер вышли из седана, лопасти вертолета начали вращаться, по бетону побежали их тени.

Трое мужчин, пригнувшись, направились к вертолету. Ламар и двое сопровождающих его агентов поднялись на борт, Фельдстайн уехал.

Паламбо и Букер заняли кресла у люка, Ламар прошел дальше в восьмиместный салон.

Там уже сидел один мужчина, в последнем ряду.

Ламар сел по другую сторону узкого прохода от доктора Саймона Норткотта.

— Я подцепил ужасного тропического паразита. А что случилось с тобой, Норткотт?

— Пищевое отравление.

— Тебе не хватает воображения, друг мой. — Ламар пристегнулся. — Как я уже и говорил. Откуда тебя привезли?

— Со стоянки у моего отеля. Я с таким нетерпением ждал этой конференции.

— Знаешь, может, все не так уж и плохо. Вдруг на этот раз речь пойдет не об отравлении миллионов? Вдруг на этот раз дело в грядущем конце света? Ты же не хочешь такое пропустить?

Улыбка Норткотта не отличалась от гримасы. У этого приятного во многих отношениях и невероятно умного человека чувство юмора атрофировалось еще в палеозойскую эру.

Вой двигателя нарастал, в иллюминатор Ламар видел, как быстро удаляется бетонное поле, на котором стоял вертолет.

— Как государство-банкрот платит за все эти автомобили, вертолеты, реактивные самолеты, полевые лаборатории и полчища агентов с лицами могильщиков, которые несут вахту двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, от побережья до побережья?

— Я слышал, что министр финансов проработал сделку по продаже китайцам пяти штатов Среднего Запада, где люди и так не умеют себя вести.

Норткотт не улыбнулся, смотрел на Ламара так, будто тот говорил на полном серьезе. Высокий, с хищным лицом, худой, как щепка, он наклонялся вперед, словно сидящий на ветви стервятник. Он действительно не был плохим человеком и действительно обладал невероятным умом, но располагал он к себе не больше, чем приступ подагры.

— Что им требуется от тебя на этот раз? — спросил Норткотт. — Физика или математика?

— Ты — генетик и физиолог, поэтому едва ли оказался бы здесь, если бы случилось что-то связанное со взрывчаткой или химией. А если я понадобился им по части биологического оружия, то не как физик или математик, а, полагаю, как специалист по теории хаоса.

Если улыбка Норткотта выглядела как гримаса, то гримасой он напоминал человека, который увидел живого таракана, плавающего в его тарелке супа в тот самый момент, когда сломал зуб о шарик подшипника, выловленный ложкой и отправленный в рот из этой самой тарелки.

— Эффект бабочки, фракталы¹, странные аттракторы², нелинейные уравнения — по мне, это чистое вуду.

— Что ж, — пожал плечами Ламар, — полвека тому назад ничего этого не было вовсе. Если же пройдет еще сто пятьдесят лет и мы не сможем представить кучу неопровержимых доказательств базовых положений, я соглашусь с тобой, что нам следует прекратить называть наукой то, чем мы занимаемся, и назвать это религией. И, разумеется, у нас есть уже достаточно доказательств, на которые мы можем опираться.

Норткотт знал, на что указывали вышеупомянутые сто пятьдесят лет, и уже собрался пронзить Ламара веским доводом, но тут к ним направился агент Паламбо, перехватывая руками спинки кресел по обеим сторонам прохода. Он остановился перед ними, оперся коленом на одно из кресел.

— Расчетное время прибытия — через пятьдесят минут. Пилот передал мне запечатанный конверт с директивой. Объект — сельская местность в предгорьях, частный дом, принадлежащий некоему Грейди Адамсу. С ним будет ветеринар, доктор Камилла Райверс. Оба — на данный момент свидетели, не подозреваемые. Проблема биологическая, но, согласно принятому решению, меры по обеззараживанию и изоляции приниматься не будут. Подъедет только полевая лаборатория, располагающая стерильной операционной. Не понадобятся также и воздухонепроницаемые, с повышенным внутренним давлением противомикробные скафандры.

— Так что же это за биологическая угроза, черт побери? — спросил Саймон Норткотт.

— Сэр, в директиве говорится про биологическую проблему, — поправил его агент Паламбо.

У Норткотта перекосило лицо, скулы и кончик носа побелели, словно костяшки пальцев, все остальное покраснело.

— Меня выдернули с конференции и везут черт знает куда, чтобы рассматривать биологическую проблему?

— Сэр, исходя из собственного опыта, я могу сказать только одно: часовой механизм не запущен и конца света не предвидится, но проблема действительно серьезная. Произошло что-то необычное и очень важное. Произошло быстро и неожиданно, и событию присвоена категория Инцидента первой степени. Раньше эта категория означала исключительно угрозу

1 Фрактал (от лат. fractus — дробленный, сломанный, разбитый) — термин, означающий геометрическую фигуру, обладающую свойством самоподобия, то есть составленную из нескольких частей, каждая из которых подобна всей фигуре целиком.

2 Странный аттрактор — это аттрактор (множество состояний, точнее, точек фазового пространства, динамической системы, к которому она стремится с течением времени), не являющийся регулярным.

атомного взрыва. Пол Джардин тоже летит туда.

За последние шесть лет Ламар несколько раз встречался с Джардином. После последней реорганизации Пола назначили заместителем главы Министерства национальной безопасности. Он курировал западную половину страны, от Миссисипи до Тихого океана.

Норткотт больше ничего не сказал, слова Паламбо его не впечатлили и не успокоили.

— Агент Паламбо, — обратился к мужчине Ламар, — вы уж извините, но я не расслышал имя и фамилию владельца дома, объекта. Шум мотора, лопасти, вы понимаете. Так какая у него фамилия?

— Адамс, сэр. Грейди Адамс. Ветеринар — Камилла Райверс.

— В каждом хаосе ждет своего обнаружения тайный порядок.

— Простите, сэр?

— Говорю сам с собой, сынок.

— Сэр, до конца полета вводится режим временного прекращения связи. Я должен забрать ваш мобильник и ноутбук.

Сумка с ноутбуком стояла у ног Ламара, мобильник он протянул агенту.

— Сэр, мне также нужны устройства для передачи текстовых сообщений, которые при вас.

— Сынок, жить мне осталось слишком мало, чтобы тратить хоть минуту на текстовые сообщения.

Норткотт, с другой стороны, оказался ходячим магазином телекоммуникационных средств. Бурча, он отдал два мобильника и кучу устройств, которые заполнили все карманы пиджака Винсента Паламбо.

Когда агент ушел, неся в руках сумки с ноутбуками, Норткотт повернулся к Ламару:

— В Министерстве национальной безопасности сплошь идиоты. Теперь я убедился в этом окончательно. Я попрошу вычеркнуть свою фамилию из списка экспертов-добровольцев.

Наиболее информированные чиновники федерального правительства понимали, что в подведомственных им учреждениях работают не самые блестящие научные умы... за исключением разве что НАСА и считанных научно-исследовательских институтов, которые полностью субсидировались Министерством обороны. Следовательно, лучших специалистов в самых разных областях призывали добровольно сотрудничать с Министерством национальной безопасности в случае того или иного кризиса.

К Ламару, одному из многих в этом списке, за семь лет обращались только шесть раз, хотя, по его разумению, число таких кризисов перевалило за сотню. Он сомневался, чтобы Саймона Норткотта вызывали чаще, потому что лишь малая часть террористических угроз включала биологическое оружие, тогда как специалист по вероятностному анализу и теории хаоса мог принести пользу при любом виде угрозы.

— Инцидент первой степени, — саркастически повторил Норткотт. — И, однако, это не угроза, а только проблема. Проблема первой степени.

Ламар прижимался лбом к иллюминатору, глядя на тень вертолета, плывущую по земле.

Грейди Адамс из Колорадо. У Марка не было более близкого друга, чем Грейди Адамс, и Грейди находился с ним, когда Марк погиб.

Карл Юнг, психоаналитик и философ, верил, что совпадения — и прежде всего экстремальный вид совпадений, называемый синхронизмом¹ — являются организующим принципом Вселенной, таким же реальным, как законы термодинамики и закон всемирного тяготения. В таких вопросах, как культурная и человеческая исключительность, у Ламара Вулси едва ли нашлось бы что-то общее с Юнгом, но последнему определенно отыскивалось бы место в теории хаоса, согласно которой скрытый порядок может быть найден в самых хаотичных и неопределенных системах, скажем, в движениях волн во время шторма или в ярости торнадо.

¹ Согласно Карлу Юнгу (1875-1961), синхронизм — это совпадение, которое настолько необычно и значительно, что его нельзя отнести исключительно к случайностям.

Грейди Адамс. Вытянуть эту карту в это время... Ламар предположил, что с той же вероятностью ему могли сдать самую главную карту из башмака на тысячу колод.

ГЛАВА 45

По пути к дому Грейди Адамса Камми то и дело переводила взгляд с дороги на свои руки, сжимающие руль.

Много лет мирясь с положением жертвы и прожив с этими шрамами чуть ли не всю свою жизнь, она практически не думала о них, как не думала о том, что на каждой ее руке по пять пальцев и четырнадцать костяшек. Шрамы смущали ее не больше, чем ногти. Выжившего не смущают доказательства вынесенных им страданий.

Но теперь она все время смотрела на шрамы. Потому что впервые после своего пятнадцатого дня рождения почувствовала себя в ловушке, впервые за более чем двадцать лет.

* * *

В ловушку, из которой она вырвалась в тот давний день рождения, Камми попала в пятилетнем возрасте.

Началось все с того, что ее мать и бойфренд матери, Джейк Хорнер, вывезли Камми из Техаса, чтобы избежать выполнения судебного решения по опеке над ребенком.

Суд постановил, что родители имеют равные права по опеке. Зена, мать Камми, не любила, чтобы кто-либо говорил ей, что она должна делать.

Джейк Хорнер унаследовал какие-то деньги. Часть из них он потратил на покупку пятидесятишестифутовой яхты, которую назвал «Терапия».

Джейк, Зена и Камми постоянно плавали в море, от Ванкувера до Пуэрто-Вальярты в Мексике и обратно. В одном порту они никогда не проводили больше двух недель.

Майк Райверс, отец Камми, выследил их в одном небольшом порту в Северной Калифорнии. Из-за разницы в законах Калифорнии и Техаса обращаться в полицию не имело смысла, поэтому он решил действовать самостоятельно.

Когда Майк Райверс появился на причале, Зена и Джейк уговорили его подняться на борт «Терапии». Зена вроде бы раскаивалась в содеянном и панически боялась властей, Джейк заявил, что понятия не имел ни о желании Майка получить опеку над ребенком, ни о соответствующем решении суда. Джейк всячески показывал, что сердит на Зену, и заверил Майка, что они смогут разрешить вопрос быстро и по справедливости.

Просторная главная каюта яхты включала в себе камбуз со шкафчиками и полом из тика, обеденную зону и салон. Вот там Джейк и Зена зарезали Майка Райверса.

В кормовой каюте, за закрытой дверью, пятилетняя Камми слышала, как все это происходило. Убийства она не видела — только рисовала в воображении.

Ее отец умер не сразу. Он не молил о пощаде. Камми никогда не забывала, что он отказался молить о пощаде.

Джейк и Зена завернули тело в парусину, обмотали цепями. В тот же день, добавив запасной якорь, сбросили в море в двух милях от берега.

Камми была на палубе, когда они избавлялись от упакованного тела. Зелено-лиловое море разверзлось, как громадная черная пасть, в одно мгновение проглотило ее отца и лизнуло борт яхты, требуя добавки.

По возвращении в порт Джейк нашел автомобиль Майка, отогнал его подальше и бросил. В тот вечер он пребывал в превосходном настроении.

Утром они поплыли на юг, к Мексике. И словно ничего не изменилось. Совершенно ничего. На синем небе ярко сияло солнце, перед ними расстилался огромный океан, воздух

пах свежестью, белые чайки парили с легкостью, которой лишались на суше.

Джейк Хорнер любил книги. Читал беллетристику и документальную прозу, но больше всего уважал тома по психотерапии. Называл себя «странником», словно не жил, странствовал в поисках призвания и веры. Он утверждал, что жизнь служит для одного и только для одного: перехода в следующую жизнь.

Камми никогда не ходила в школу, и читать ее научил Джейк. А уж потом, будучи целеустремленной самоучкой, она научилась всему, что хотела знать.

Зена высоко ценила мощь изменяющих настроение наркотиков, особенно таблеток «экстази», а Джейк любил пытать детей. Особенно огнем. Такая жизнь полностью их устраивала, а для Камми означала ад на земле.

Ее терпеливый учитель, который радовался, когда ей удавалось поймать рыбу, который на каждый день рождения самолично выпекал ей торт, был также и ее мучителем.

Десять лет они плавали по морю, и Джейк сам являл собой море противоречий. Стоило Камми порезаться или оцарапаться, Джейк обрабатывал ранку и следил за ее заживлением. Но в менее сострадательном настроении прижигал Камми расплавленным свечным воском или сигаретами, ложками и медальонами, которые предварительно нагревал бутановой зажигалкой.

Ее мать, чья совесть таяла в химическом блаженстве «экстази», говорила ей, что они должны благодарить Джейка за щедрость, с которой он тратил на них свои деньги... и за его сдержанность. В конце концов, он причинял Камми боль только дважды в месяц, в первое и третье воскресенья, так что ей не приходилось, указывала Зена, каждый день просыпаться в страхе. Кроме того, он не касался ее лица и тела, ограничиваясь только кистями и стопами. И хотя угроза сексуальных домогательств присутствовала, до этого дело никогда не доходило. Ее покорность, ее согласие на пытку приносили ему ощущение могущества, в котором он нуждался. Ее боль приводила его в экстаз.

«У бедняги была тяжелая жизнь, — объясняла Зена юной Камми. — Отец — психиатр, мать — его пациентка. Она страдала приступами депрессии и несколькими психосоматическими заболеваниями. Вылечить ее так и не удалось. По ходу лечения они зачали Джейка, но в их семье он оказался третьим лишним. По ночам он иногда плачет в моих объятиях, он такой милый».

Камми так и не узнала значения первого и третьего воскресений, осталась невыясненной и причина, по которой ему нравилось пытать ее огнем. Всякий раз он смазывал ожог мазью, а когда рана заживала, целовал шрам и плакал.

В одиннадцать с половиной лет она узнала, что у Джейка есть пистолет. Он хранил его заряженным в металлическом запертом ящике, который стоял в запертом шкафчике. На камбузе. Через день после двенадцатого дня рождения она выяснила, где хранятся ключи от шкафчика и ящика.

Камми еще три года ничего не предпринимала. Потом стыдилась того, что не освободилась, располагая всем необходимым, и не могла найти доводов, которые объясняли или оправдывали ее бездействие.

После семи лет рабства, после того, как с ней так долго жестоко обращались, терроризировали, унижали, она просто не знала, что есть какая-то иная жизнь. Все воспоминания об отце стерли время и волны хаоса, по которым курсировала «Терапия».

Отчаяние — слишком сильное чувство, чтобы выдерживать его долгое время. Иной раз Камми позволяла отчаянию переходить в уныние, но не в безрассудство. Безрассудство было действенным отчаянием, которое рано или поздно вылилось бы в какой-то поступок, независимо от последствий. Уныние лишало последней надежды, а безнадежность порождала апатию.

Торт, который он испек к ее пятнадцатому дню рождения, переполнил чашу терпения. Камми не могла объяснить, каким образом уныние внезапно стало безрассудством, но взяла ключи, открыла шкафчик, открыла металлический ящик, пошла на палубу и застрелила Джейка Хорнера, когда тот стоял на корме и наблюдал, как дельфины играют в кильватерной

струе «Терапии».

Управлять яхтой и ориентироваться на местности она научилась, многие годы наблюдая за Джейком. Ей потребовалось три часа, чтобы добраться до порта.

Эти три часа Зена пролежала на палубе, баюкая тело Хорнера, то пела ему, то смеялась. Плакать не могла — так закинулась «экстази», что ни горя, ни страха не ощущала.

За десять лет, проведенных на море, Камми во многом потеряла связь с реальной жизнью и ожидала, что ее арестуют и посадят в тюрьму за убийство. Вместо этого три последующих года она прожила с сестрой отца, Джейнис, которая держала трех собак, двух кошек и лошадь, а потом девушка поступила в университет.

Зена отправилась в тюрьму. Многолетнее злоупотребление «экстази» привело к тому, что ее организм практически утратил способность вырабатывать эндорфины¹, которые стимулировали счастье и поднимали болевой порог при травме и болезни. В итоге, после десяти лет постоянного химического блаженства, она не могла естественным образом почувствовать себя счастливой. И она остро реагировала на малейшую травму: крохотная царапина становилась сабельным ударом, любая головная боль — жуткой мигренью. Она отсидела четыре года, прежде чем повесилась в своей камере.

* * *

Руки на руле уверенно управляли автомобилем, шрамы нисколько этому не мешали, а ранее они помогли невинной и раскаявшейся Камми примириться с прошлым и более не корить себя за то, что долгое время она покорно подчинялась своему мучителю.

Но, приближаясь к дому Грейди, Камми вновь чувствовала, что попала в ловушку, чего за последние двадцать лет с ней не случалось. Она боялась, что может лишиться права выбора и сделать нечто еще более ужасное в сравнении с тем, что делала (или что ей позволяли делать), находясь на борту «Терапии» Джейка Хорнера.

Сотрудничая с Полом Джардином и сдавая ему Загадочного и Тайну, она лишала их свободы и обрекала на жизнь в заключении, которая обязательно приведет к страданиям, а может, и пыткам, пусть этого она бы никогда не узнала. Она могла предать невинных, которым поклялась служить.

С другой стороны, законы, которые вынуждали ее сотрудничать с властями в таком вопросе, не противоречили здравому смыслу. Их принимали, чтобы защитить здоровье граждан и обеспечить общественный порядок. Срывая планы тех, кто проводил в жизнь эти законы, она могла попасть в тюрьму, лишиться лицензии на ветеринарную практику.

Да, конечно, но проблема заключалась в том, что Загадочный и Тайна не были лабораторными животными. Их создали не с помощью биоинженерии. Она не могла этого доказать, но разумом и сердцем осознавала свою правоту.

Несмотря на свиней, которые светились зеленым в темноте, свиней с органами, пригодными для трансплантации человеку, свиней с человеческим мозгом, способность ученых манипулировать генами и создавать новые формы жизни еще не достигла столь высокого уровня, чтобы из пробирок и чашек Петри появились на свет эти удивительные существа.

Пол Джардин и Министерство национальной безопасности хотели заполучить их, но не по заявленным причинам. Они что-то знали, но скрывали эту информацию. Какой-то дополнительный фактор вызвал их стремительную реакцию. При всей своей удивительности, Загадочный и Тайна были частью чего-то большего.

Когда она остановила внедорожник на подъездной дорожке, Мерлин и его новые друзья гонялись друг за другом по двору с радостью, которую при других обстоятельствах Камми посчитала бы заразной.

¹ Эндорфины — группа химических соединений, которые естественным путем вырабатываются в нейронах головного мозга.

Она вышла из «Эксплорера», и вся троица бросилась к ней. Камми упала на колени, и они окружили ее, виляя хвостами, радостно пыхтя.

Поглаживая всех, почесывая, говоря им, какие они красивые, Камми Райверс знала: цельность натуры, которую она обрела, служа животным, ее честь будут потеряны навсегда, если в это утро она сделает неверный шаг. Не могло быть добродетели без чувства долга, и ее с таким трудом завоеванное уважение к себе сейчас висело на тонком, как паутинка, волоске.

ГЛАВА 46

Генри Роврой подпер дверь черного хода кухонным столом, оставил спинку стула под ручкой двери в подвал и бросил окровавленные перчатки в мусорное ведро под раковиной. Преодолев отвращение, коснулся блокнота и, воспользовавшись магнитом в виде морковки, прикрепил страничку с хайку к дверце холодильника для последующего изучения.

Спинку другого стула он подставил под ручку парадной двери, чтобы осложнить жизнь мучителю, пусть у того и был ключ от замка.

В спальне Генри подошел к окну, которое выходило на боковую лужайку. Скошенная трава заканчивалась у самого леса, но деревья росли не так плотно, как везде, и тот, кто хотел держать дом под наблюдением, вполне мог найти там укромное место. С другой стороны, Генри полагал, что враг, скорее всего, устроит наблюдательный пункт в амбаре.

Он отодвинул шпингалет, поднял нижнюю раму и вылез из дома с помповиком в руках. Опуская раму, засунул крошечный клочок бумаги между рамой и подоконником. Если бы клочок этот исчез к моменту его возвращения или переместился, Генри бы знал, что кто-то открывал окно и, возможно, поджидает его в доме.

Направившись вокруг дома к своему автомобилю, он сбавлял шаг, приближаясь к углам или минуя кусты и постройки, за которыми мог затаиться человек, вооруженный двумя ножами, чтобы добраться до него, прежде чем он успел бы воспользоваться помповиком. Противник, находящийся в здравом уме, застрелил бы его издалека, едва он появился на открытой местности, но, судя по накопленным фактам, его мучитель за свою жизнь не раз и не два побывал в психиатрической больнице. Хайку и два пропавших ножа однозначно указывали: враг хотел убить его в ближнем бою, несмотря на риск.

«Лендровер» стоял на подъездной дорожке рядом с пнем, который Джим использовал как колоду для рубки дров, когда Генри приехал сюда днем раньше. Он обнаружил, что дверцы заперты, а содержимое багажного отделения на месте. Сев за руль, Генри задним ходом подогнал «Лендровер» к парадному крыльцу.

Когда выходил из внедорожника, посмотрел на амбар и заметил, что половинка дверцы сеновала приоткрыта на несколько дюймов. Он не помнил — во всяком случае, не мог сказать наверняка, — что она была приоткрыта и днем раньше. Интуиция подсказывала, что мучитель наблюдает за ним из темноты сеновала.

Поднявшись на крыльцо, Генри положил помповик на пол, на равном расстоянии между задним бортом «Лендровера» и входной дверью. Не мог он разгружать внедорожник, держа помповик в руке. Генри открыл задний борт и принялся складывать на крыльцо, у парадной двери, оружие, боеприпасы и все прочее. Время от времени исподтишка поглядывал на приоткрытую дверцу сеновала и в один момент точно заметил какое-то движение на сеновале: бледную тень на темном фоне.

К тому времени, когда Генри закончил тяжелую работу и запер «Лендровер», он вспотел и от физических усилий, и от ощущения собственной уязвимости. Даже взявшись за помповик, не почувствовал себя в большей безопасности.

Вернувшись к окну спальни, он обнаружил клочок бумажки в том месте, где и оставлял его. Залез в дом через окно, закрыл его и запер на шпингалет.

В гостиной убрал стул из-под ручки, открыл входную дверь, перетащил содержимое багажника «Лендровера» в дом. Заперев дверь и вновь подставив спинку стула под ручку,

Генри открыл прямоугольный металлический ящик. Внутри, в углублениях, выдавленных на вкладышах из поропласта, лежали ручные гранаты.

ГЛАВА 47

Когда Камми направилась к дому, Мерлин и его друзья побежали впереди, через двор, ворвались в дом, словно для того, чтобы объявить о ее прибытии.

Босиком, в футболке и пижамных штанах, Грейди сидел за кухонным столом, пил кофе.

— Тебе налить?

— Лучше переоденься, — ответила Камми. — Скоро приедут гости. — Наливая кофе в кружку и садясь за стол, она коротко описала случившееся. — Мне очень жаль, Грейди. Я и подумать не могла, что Элеонора и Сидни поведут себя таким образом, даже не переговорив со мной.

Кофе отличался отменным вкусом, но от ее новостей пить ему явно расхотелось. Он отодвинул кружку.

— Теперь-то понятно, что их реакция совершенно предсказуемая. Но ты, конечно, не могла этого знать.

— Мы можем вновь отпустить их в лес. — Еще произнося эти слова, Камми знала, что решение не из лучших.

— Они возвратятся, — ответил он, и шум заставил его повернуться к кладовой.

— Ух ты, — выдохнула Камми, увидев Загадочного, который стоял на задних лапах и руками поворачивал ручку.

— Смотри, что будет дальше, — откликнулся Грейди.

Мерлин и Тайна застыли позади Загадочного, ожидая, пока он завершит начатое.

Когда дверь открылась, Загадочный опустился на все четыре «лапы», вошел в кладовую, вновь поднялся на ноги и включил свет.

Камми осторожно отодвинула стул от стола, тихонько поднялась и пересекла кухню, чтобы посмотреть, как будут развиваться события в кладовой.

Мерлин остался наблюдать, тогда как Тайна прошла в кладовую вместе с Загадочным. На пару они забрались по полкам, закрепленным на двух разных стенах, оглядывая коробки, консервные и стеклянные банки.

— Этим утром я видел только последствия их набега на кладовую, — прошептал Грейди, присоединившись к Камми. — Теперь хочу посмотреть, каким образом они это делают.

Тайна спустилась на пол с коробкой крекеров «Чиз-ит». Села. Повертела коробку так и эдак, вероятно, заинтригованная яркими цветами и изображением маленьких аппетитных крекеров.

Загадочный вернулся с небольшой банкой, содержимое которой Грейди сразу определить не смог. Существо какие-то мгновение изучало крышку, а потом свернуло ее.

— Грейди, нельзя ему это есть! — воскликнула Камми.

Уже двинулась в кладовую, но не успела пройти и двух шагов, как Загадочный наклонил банку и отправил в рот халапенью¹. В следующее мгновение, изумленно пискнув, выплюнул перчик.

Вероятно, оставшийся во рту сок продолжал жечь, потому что Загадочный плюнул на пол, плюнул на Тайну, плюнул на себя, издавая возмущенные звуки: «Эк, эк, эк, эк».

— Я принесу тебе кусок хлеба, — Грейди поспешил к батону, который лежал на століке у духовки. — Он охладит язык.

Возможно, потому, что во рту по-прежнему жгло, Загадочный еще больше встревожился. Выскочил из кладовой на кухню, метнулся мимо Мерлина, дважды обежал Камми и рванул в коридор.

¹ Халапенью — очень острый, с красной толстой морщинистой кожурой перчик.

Грейди пошел за ним с ломтем хлеба, но Загадочный вернулся на полной скорости, лег рядом с миской для питья, опустил лицо в воду.

— Хлеб лучше, помогает быстрее... — Грейди изумленно повернулся к Камми. — Что я только что видел?

В тот момент она ответить не могла. А видели они Загадочного, который вбежал на кухню на ногах, как человек, и ни одно животное, передвигающееся на четырех лапах, так быстро бегать на задних не могло. Когда он хотел бегать на ногах, что-то происходило с его тазобедренными и коленными суставами, сухожилиями и коленными чашечками, словно все они могли мгновенно менять одну конфигурацию на другую, в зависимости от того, какая требовалась.

Загадочный поднял голову, с лица капала вода, уселся на зад и принялся чихать.

ГЛАВА 48

Как и ночью, Том Биггер чувствовал, что его по-прежнему сопровождают. Он не замечал слежки ни на золотистых полях к востоку от дороги, ни на полях к западу. Не ощущал запаха койотов, не видел больших голубых цапель. И, однако, точно знал, что он не один.

С восходом солнца машин прибавилось, и некоторые едущие на юг автомобили притормаживали, стоило водителям оценить его габариты, разглядеть изуродованное лицо. Он выглядел как Человек-слон¹ или участник «Шоу уродов», как монстр, который, не надеясь на природу, самолично позаботился о том, чтобы его жуткая сущность читалась на лице. Водители старались получше рассмотреть его, чтобы потом рассказать об увиденном за обедом.

Отшагав всю ночь, Том не мог идти весь день. В десять часов он поравнялся с мотелем, рядом с которым ясным днем светилось табло с надписью «ЕСТЬ СВОБОДНЫЕ НОМЕРА», хотя о том же и так говорила пустующая автостоянка. Мотель не принадлежал к какой-то сети, представлял собой семейное предприятие, не поражал архитектурными излишествами, но содержался в образцовом порядке.

В не столь уж далеком прошлом Тому бы дали от ворот поворот, не слишком церемонясь с выбором слов, и не только из-за его пугающей внешности, щетины на щеках и налитых кровью глаз любителя текилы. Просто у него не было ни кредитной карточки, ни удостоверения личности, и расплатиться он мог только наличными. А если бы он устроил пьяный дебош в номере и разгромил его... как бы его нашли, чтобы заставить заплатить за причиненный урон? Ему указывали на дверь в куда менее пристойных заведениях.

Но ныне времена выпали нелегкие, каких люди уже довольно давно не знали. Наличные снова вошли в моду, особенно в глубинке, где мало кто мог позволить себе тратить деньги, расплачиваясь «зелеными» или кредитной карточкой. Том полагал, что здесь его деньги возьмут, потому что слишком привередливым в эти дни оставалось только одно: спалить свое заведение и получить страховку.

У двери в офис мотеля Том, однако, замялся. Отвернулся, отошел на несколько шагов, но остановился и вновь повернулся лицом к двери.

Насколько Том себя помнил, он не любил заходить в помещения, где не бывал раньше. Что в этом мотеле, что в любом другом месте, он нервничал, когда приходилось первый раз переступать порог.

Собственно, в любое время он предпочитал находиться на открытом воздухе, потому что при таком раскладе, не поладив с кем-либо, мог просто уйти в любом направлении. Без стен и с небом вместо крыши над головой у человека всегда был выбор. А помещения, с ограниченным числом выходов, только добавляли тревоги.

¹ Человек-слон — прозвище жившего в викторианской Англии Джозефа Меррика (1862-1890), полученное из-за чудовищно деформированного лица и тела.

И проблема заключалась не в том, что кто-то мог посмеяться над ним или сказать грубое слово о его внешности или состоянии. Больше всего он боялся встречи с человеком, который каким-то образом сумеет повлиять на него.

Том не хотел, чтобы на него влияли. Влияние могло привести к изменениям, а Том не хотел меняться.

Он всегда был таким и не знал, каково это, быть каким-то еще. В свои сорок восемь он полагал, что для него любые перемены будут лишними.

В офисе мотеля за регистрационной стойкой сидел седоволосый мужчина лет семидесяти с небольшим, читал книгу. В сером кардигане поверх белой рубашки, красном галстуке-бабочке, с очками, съехавшими вниз, выглядел он так, будто уже родился стариком.

— Доброе утро, сэр. — Мужчина отложил книгу и встал. — Что я могу сделать для вас в это великолепное утро?

— Нужен номер, — ответил Том.

— Раньше этот час был самым хлопотным, люди выписывались, торопясь вновь отправиться в путь. А сегодня, как вы видите сами, потеть мне не пришлось.

— Шел всю ночь, — объяснил Том.

— Правильное решение. Прохладно, и автомобилей мало, не приходится постоянно дышать выхлопными газами.

Старик положил на стойку ручку и регистрационный бланк.

— Нет кредитной карточки, нет удостоверения личности, — признался Том. — Наличные вперед — это все, что я могу.

— Избавите нас от части хлопот. Я уже сорок лет слышу, что скоро наличные деньги выйдут из употребления. Конечно, нынче их не так уж и много, но они по-прежнему в ходу. Сверху напишите ваше имя и фамилию печатными буквами, снизу распишитесь.

Том так и сделал. Потом отсчитал наличные.

Старик протянул ему ключ.

— Номер двадцать четыре. Выходите отсюда, поворачиваете налево и идете до конца. Двадцать четвертый — последний номер в северном крыле, так что ваш сон не потревожат во второй половине дня, когда все эти кинозвезды будут вселяться в мотель вместе со своим эскортом.

— У вас есть автоматы с газировкой и льдом? — спросил Том.

— В конце южного крыла. Приятного вам отдыха, мистер Биггер.

В своем номере Том снял рюкзак, положил на кровать.

Посмотрел в окно, выходящее на пустую автостоянку.

Понаблюдав за проносящимися по шоссе автомобилями.

Задернул шторы.

Посмотрел на телевизор, но включать не стал.

На кровати лежал последний номер «Ю-эс-эй тудей».

Том к нему не прикоснулся.

Посмотрел на свои большие, ширококостные руки.

Прошел в ванную.

Посмотрел на отражение своего лица в зеркале.

Старик в кардигане читал книгу, то есть слепым быть не мог.

ГЛАВА 49

На предварительное собеседование с потенциальным клиентом Лиддон Уоллес надел темно-синий костюм «Ральф Лорен», рубашку и галстук «Костюм нэшнл», туфли «Гуччи» и чуть надушился одеколоном для мужчин «Блэк» от Кеннетт Коул.

Хотя юридическая фирма Лиддона находилась в Сан-Франциско и жил он в округе Марин, по другую сторону моста «Золотые ворота», он также состоял в адвокатских

коллегиях еще трех штатов, в том числе и штата Вашингтон. Богатство Сиэтла и прилегающих регионов вкупе с тенденцией нуворишей от высоких технологий полагать, что, они, будучи королями Интернета, стоят выше законов, время от времени приводило к возникновению проблем, разрешение которых позволяло не чуждому моде адвокату неограниченно расширять размеры своей гардеробной.

Потенциальный клиент проживал в особняке площадью в двадцать восемь тысяч квадратных футов, расположенном на участке в шесть акров, огороженном высокой стеной.

Охранник у ворот пропустил Лиддона на территорию. Швейцар вышел из парадной двери, ожидая, пока Лиддон припаркует автомобиль на двухполосной подъездной дорожке. Как только Лиддон переступил порог, швейцар принял у него плащ «Ральф Лорен» и передал дворецкому, который и отвел Лиддона в гостиную, где его уже ждал потенциальный подзащитный.

Если Лиддон возьмется за это дело, его услуги будет оплачивать отец клиента, Боб Марлоу. Двадцатидвухлетний сын Боба, Суитин, все еще неспешно учился в колледже, добравшись уже до предпоследнего курса, и, разумеется, не работал. Молодой человек ждал его в гостиной один, потому что Лиддон всегда проводил начальное собеседование тет-а-тет.

Суитин одевался в «Костюм нэшнл» с головы до ног, что говорило о недостатке воображения в части эклектики вкуса или о чрезмерной самоуверенности. Парень он был симпатичный, пусть на лице и читалась легкая обида на жизнь, а его густым, выющим от природы волосам могли бы позавидовать многие манекенщики.

Уже в самом начале разговора стало ясно, что Суитин понимает важность манер для создания первого впечатления. Также стало понятно, что стремление подать себя в выигрышном свете основано не на моральных принципах, а исключительно на своекорыстии, и, если на то пошло, общепринятые нормы он презирует.

Лиддон достаточно быстро перешел к делу.

— То есть вы обвиняетесь в нападении с покушением на убийство. Расскажите мне об этом мальчике, Брэндене Джонсе.

— Он не мальчик. Мы дружили с шести лет. Он такой же мужчина, как я.

— Да, разумеется. Почему кто-то думает, что вы сделали такое по отношению к нему?

— Вы хотите знать, сделал ли это я?

— Как я понимаю, вы сказали полиции, что не делали.

— Но, будучи моим адвокатом, сэр, разве вы не хотите этого знать?

— Для меня несущественно, виновны вы или нет.

— Правда?

— Исходя из принципов моей работы, такая информация только осложняет дело.

Суитин сразу расслабился, откинулся на спинку кресла.

— Сколько времени занимает такое собеседование?

— Обычно час-два.

— Тогда не будем терять времени. Мы говорим о двух парнях. Все дело в телке.

— Простите?

— Телке, манде.

— Уточните.

— Манде, телке, сучке, этой девке — Рейн Фишман.

— Ее имя — Рейн?

— Да. Именно так.

— Именно так?

— Рейн. Она моя, и все это знают.

— Вы с ней обручены?

— Да кто теперь женится?

— А что связывает этого Брэндена с Рейн?

— Он известный ходок.

— То есть подкатывается к женщинам других парней?

— Не то слово.

— И вы думаете, что он подкатился к Рейн?

— А что, по-вашему, я думаю? — спросил Суитин.

— Если он подкатывался ко многим женщинам, его, должно быть, ненавидят многие мужчины.

— Это точно.

— То есть на него мог напасть кто угодно. Почему полиция пришла к вам?

— Брэнден сказал им, что это сделал я.

— Пострадавший утверждает, что видел ваше лицо?

— Вы сможете опровергнуть его версию в суде.

— И как я это сделаю?

— У него поврежден мозг.

— Повреждение мозга — результат нападения?

— Это забавно, до какой степени монтировка может спутать ход мыслей.

— Орудием была монтировка?

Суитин медленно моргнул.

— А может, каминная кочерга.

— И что полиция говорит про это орудие?

— Они не говорят. Его у них нет.

— Они сделают фотографии и замерят травмы, нанесенные жертве тупым предметом.

— Полиция здесь высокопрофессиональная, — согласился Суитин.

— Они найдут монтировку, сравнят ее с травмами.

— И на ней еще будет кровь.

— На монтировке пористых поверхностей нет. Нападавший наверняка вымыл ее.

— А если она не принадлежала нападавшему?

— Мы играем во «что, если»? — спросил Лиддон.

— Как в полицейском телесериале, — кивнул Суитин. — Что, если предполагаемый нападавший воспользовался монтировкой какого-то бедного невинного козла?

— Вы хотите сказать, что, если он взял ее из багажника Бедного Козла и положил обратно, не вытерев кровь?...

— Может, и так. И Бедный Козел может быть одним из тех, к женщинам которых подкатывался Брэнден и кто публично угрожал Брэндену.

— С этими «что, если» ситуация только запутывается, — указал Лиддон.

— Да, но что, если настоящему нападавшему навести полицию на след Бедного Козла?

— Особенно если он сам уже подозреваемый.

— Точно. Они обязательно подумают, что он подставляет Бедного Козла.

— Наводка на Бедного Козла должна поступить копам от человека, которому заплатят за это кругленькую сумму, но он никоим образом не должен быть связан с настоящим нападавшим.

— Действительно, с этими «что, если» все так сложно, — кивнул Суитин. — Если настоящий нападавший попытается заплатить кому-то за то, чтобы тот навел полицию на Бедного Козла, он тем самым напросится на шантаж.

— Есть безопасные способы, позволяющие это сделать, — заверил его Лиддон. — Несколько способов.

Какое-то время оба молчали.

— Можно быть уверенным, — нарушил паузу Лиддон, — что в суде вы никогда не произнесете таких слов, как телка, манда, сучка?

— Да, конечно. Это когда разговаривают два парня. Суд — дело серьезное.

Лиддон кивнул.

— Вы наняли себе адвоката. Вы во многом мой идеальный клиент.

Суитин выпрямился в кресле, улыбнулся.

— Мне не терпится увидеть торжество правосудия.

— Даже такого несовершенного, каким является наше правосудие.
Никто из них не сделал попытки пожать другому руку.
— Мой отец ждет встречи с вами. Я отведу вас к нему.
Они пересекли гостиную, но, прежде чем Суитин открыл дверь, Лиддон его остановил.
— Подождите. Я тоже хочу пофантазировать на тему «что, если».
— Валяйте.
— Представьте себе, вы испытали нечто настолько удивительное, что ваши представления о жизни встали с ног на голову, ваша идея о том, как функционирует этот мир, разлетелась вдребезги.
— Удивительное... как что?
— Не важно. Будем считать, что-то произошло, это «что-то» невозможно просто выкинуть из головы, об этом необходимо крепко подумать.
— У вас произошел контакт третьего рода или как?
— Нет. Что-то еще более удивительное. И как только с вами это произошло, вы должны крепко об этом подумать. Но, предположим, вы поняли — если будете долго об этом думать, вам придется изменить все, касающееся вас.
— Что значит — все?
Взмахом руки Лиддон обвел элегантную гостиную с бесценным антиквариатом, но жест его подразумевал и дом, и всю жизнь.
В голосе Суитина слышалось пренебрежение к самой идее, что он может удивиться до такой степени.
— А если я не стану думать о том, что произошло? Если я просто скажу: *«На хрен, мне без разницы, что это означает»* — и продолжу жить, как прежде?
— Тогда ничего для вас не изменится. Вы проживете жизнь, как и всегда хотели ее прожить.
— Так зачем все эти «что, если»? Я не такой большой дурак, да и вы, судя по всему, тоже.
Лиддон не ответил.
Суитин нахмурился, словно засомневался, а нужен ли ему такой адвокат.
— Какое отношение имеет все это ко мне, к вам, к моим шансам остаться на свободе?
— Никакого, — ответил Лиддон. — Если б я уже не решил сказать: *«На хрен»*, — то не приехал бы сюда. Мы оба знаем, чего хотим, и нет причин для того, чтобы мы не получили желаемое.
Поставленный в тупик таким неожиданным поворотом разговора, Суитин спросил:
— Вам нездоровится?
— Нет, я в полном порядке, — заверил его Лиддон. — Я в прекрасной форме. И в зале суда мне нет равных. Если я захочу, мне даже удастся убедить присяжных, что именно этот Брэнден Джонс должен идти под суд по обвинению в нападении с намерением убить себя.

ГЛАВА 50

Придя в норму после близкого знакомства с халапенью, Загадочный, похоже, решил, что в кладовой он может столкнуться и с другими опасностями, поэтому поиски закуски — дело рискованное. Он выключил свет, закрыл дверь, сел спиной к ней.

Лежа на полу рядом со своим ветеринаром, Тайна думала, что ей делают самый расслабляющий массаж, потому что мурлыкала и вздыхала, когда Камми разминала суставы ее задних лап, чтобы понять, как Загадочному удалось сделать то, что он сделал.

Прошлым вечером, впервые увидев этих существ, она восприняла их как млекопитающих с некоторыми признаками приматов. Уезжая домой, видела в них скорее приматов. Любопытство и аккуратность, проявленные ими при осмотре ящиков стола, целенаправленность, с которой они обследовали кладовую, бег Загадочного на ногах, его

реакция на острый перец говорили о том, что они гоминиды¹. Но единственными гоминидами на Земле были люди и давно вымершие человекообезьяны, из которых, возможно, люди эволюционировали.

За исключением кистей с четко просматриваемыми суставами пальцев, Загадочный и Тайна не выглядели гоминидами. Но, честно говоря, Камми не так хорошо знала эволюционную биологию или антропологию, чтобы классифицировать новые виды живых существ и должным образом сравнивать их с людьми.

И пока она сидела на полу кухни с Тайной, из коридора появился Мерлин.

Следом за ним вошел Грейди, наскоро принявший душ и переодевшийся для встречи с властями.

— Пока я отсутствовал, не выяснилось, что они еще и летают?

— Никаких крыльев я пока не видела. Но, пальпируя суставы, я не нахожу в них ничего необычного. Хотелось бы, конечно, взглянуть на рентгеновские снимки. Да только что они покажут? Того, что мы видели, просто не могло быть — задняя лапа, очень похожая на собачью, вдруг выпрямилась, практически превратившись в человеческую ногу, а потом стала прежней. И дело не только в двух различных структурах для лодыжки, колена и бедра. Мускулы и сухожилия, обслуживающие один вид сустава, никак не могут измениться до такой степени, чтобы обслуживать другой сустав.

— Разве ты не видела эти идиотские фильмы, в которых автомобили и грузовики превращаются в роботов? — спросил Грейди.

— Трансформеры. Техника и механика этих штукovin нелепы, это чистая фантазия, в реальном мире ничего такого не получится. То, что продемонстрировал Загадочный, не могло произойти в реальном мире, но мы оба видели, что это произошло.

— Может, мы не в реальном мире.

— И с каждым часом он становится все более нереальным, — согласилась Камми.

Грейди указал на карту памяти от его фотоаппарата, которую Камми положила на стол.

— Подумав об этом, я решил, что ты поступила правильно.

Перед тем как покинуть ветеринарную лечебницу, Камми загрузила все фотографии с карты памяти в компьютер и скопировала их на три лазерных диска. Два надежно спрятала в лечебнице, а третий засунула под коврик в багажном отделении «Эксплорера».

Если бы Министерство национальной безопасности пожелало забрать Загадочного и Тайну и увезти их с собой, фотографии появились бы в Интернете с показаниями Грейди и Камми. Они смогли бы инициировать мощную кампанию протеста и освободить этих существ, пусть их самих привлекли бы к суду по обвинению в нарушении закона об охране секретов государственной важности.

Загадочный и Тайна не были спроектированными животными. Ни один ученый на планете не располагал знаниями или техническими средствами для их создания. Их окутывал ореол неведомого, и, если бы их происхождение когда-либо стало известно, едва ли все свелось к таким расхожим штампам, как комбинированная ДНК или визит инопланетян. Нет, открылось бы нечто совершенно неожиданное. И ни один здравомыслящий человек не смог бы утверждать, что они представляют собой угрозу хотя бы одному человеческому существу, не говоря уже о целой стране.

Если бы Элеонора Фортни и Сидни Шинсеки не доложили о фотографиях Камми федеральным властям, если бы Министерство национальной безопасности не действовало столь быстро, она бы могла попытаться вывезти Загадочного и Тайну из этого региона и спрятать их где-нибудь. С другой стороны, это смахивало на безумие — прятать существа, которые представляли собой нечто среднее между меховыми херувимами и героями «Безумных мультфильмов»². Но власти уже вступили в игру, они знали марку, модель и

¹ Гоминиды (лат. hominidae, от homo — родительный падеж; hominis — человек), семейство отряда приматов. Включает современных и ископаемых (архантропы, палеоантропы) людей.

² «Безумные мультфильмы» — мультфильмы о зверушках. Первоначально они являлись пародией на мультфильмы Диснея. Появились в 1930 году. Первые герои мультсериала: Поросянок Порки и Утенок Даффи.

номерные знаки ее автомобиля и располагали необходимыми ресурсами для того, чтобы заблокировать целый штат. На успешный побег она могла рассчитывать, если бы увезла Загадочного и Тайну прошлым вечером.

Грейди словно прочитал ее мысли.

— Может, еще есть время отправить их в лес?

— Они тут же вернутся, — ответила Камми, поглаживая Загадочного. — Я знаю, что вернутся. Они подготовлены к жизни в обществе. Они близки к людям. Мы теперь — стая. А если они не вернутся... я не уверена, смогут ли они выжить в дикой природе.

— Но я их нашел именно там.

— Они провели на природе короткое время. Помнишь — ни блох, ни клещей, такой чистый мех.

Мерлин глухо зарычал.

Камми поднялась.

— Только этого нам и не хватало.

Мерлин зарычал вновь, глядя в потолок. Тело напряглось, уши дернулись.

Загадочный и Тайна стояли на четырех лапах, изготовившись к рывку, наклонив головы, прислушиваясь.

Через какое-то время и Камми разобрала какие-то знакомые звуки, которые, однако, еще не могла идентифицировать. Потом поняла: стрекот лопастей приближающихся вертолетов.

— С востока, из лучей солнца, низко и быстро, — пробормотал Грейди и поспешил на парадное крыльцо.

Мерлин, Загадочный и Тайна последовали за ним, но игривости в их движениях не чувствовалось.

Когда Камми добралась до гостиной, Грейди уже открыл парадную дверь и выходил на крыльцо.

Камми подошла к нему. Загадочный и Тайна сидели в позе луговых собачек, Мерлин стоял на лужайке.

На востоке, там, где Крекер-драйв выходила на шоссе, приземлялся большой вертолет.

На высоте менее ста футов другой вертолет продолжал полет, следуя Крекер-драйв. По мере его приближения Камми поняла, что он гораздо больше, чем ей показалось с первого взгляда, самый большой вертолет, который она когда-либо видела вблизи.

Двигатели ревели, лопасти вращались, поднимаемый ими ветер гнул деревья и придавливал траву к земле, и с приближением вертолета сердце Камми билось все сильнее, убаюкивая бег.

Внезапно она решила, что Загадочному и Тайне не следует оставаться на виду, на открытом крыльце, откуда их могли сразу и увести. В доме, за закрытыми дверями, они были бы в большей безопасности, потому что просто так зайти в дом федеральные агенты не могли.

Для этого им требовался ордер, так? Хотя, скорее всего, ордер они уже получили. Возможно, получили ордер и на подрыв дома, если им нравились пиротехнические эффекты.

Тем не менее закрытая дверь могла послужить барьером, средством для того, чтобы хоть немного, но оттянуть передачу животных. Камми подошла к Загадочному и Тайне, попыталась увести их в дом, но они как замороженные смотрели на вертолет.

Перекрывая рев огромных лопастей, Камми крикнула:

— Мерлин!

Волкодав услышал ее, оглянулся, понял, чего она от него хочет, направился к крыльцу.

— Иди! — крикнула она. — Домой!

Исполняя полученную команду, Мерлин поднялся на крыльцо. Хотя Загадочный и Тайна не послушались ее, когда она попыталась увести их в дом, за волкодавом они последовали без малейшей заминки, как и надеялась Камми. Все трое скрылись в доме.

Камми захлопнула парадную дверь и вновь встала рядом с Грейди.

К востоку от дома вертолет опустился в высокую траву, на самой границе выкошенной

лужайки.

Ветер от лопастей тряс березу, растущую у северо-восточного угла дома. Золотистые листья летели на крыльцо, на траву.

В задней части огромного вертолета откинулся люк, превратившись в трап. По нему сбегали вооруженные, одетые в униформу люди. Много людей.

Часть вторая СМЕРТЬ В ЖИЗНИ

ГЛАВА 51

Стоя на крыльце рядом с Камми, наблюдая, как прибывает отряд быстрого реагирования, Грейди понимал: что-то здесь не так. Реакция явно превосходила масштаб угрозы, если угроза действительно существовала.

Вертолет выглядел как новейшая модификация знакомого Генри «Хьюли»¹. На темно-зеленом корпусе отсутствовали номера или эмблемы, указывающие на принадлежность вертолета Министерству обороны или одному из федеральных правоохранительных ведомств. Грейди заметил только американский флаг, размером два на три фута, нарисованный между окнами кабины пилотов и сдвижной боковой дверью.

Вооруженные люди, сбегавшие по трапу, одетые в черное, выглядели как полицейский спецназ. У каждого на ремне висел пистолет, каждый держал в руках автоматическую винтовку с удлиненным магазином. Некоторые из них в свое время определенно служили в армии. Теперь — нет. Грейди видел перед собой бойцов военизированного подразделения Министерства национальной безопасности или одного из ведомств, которые находились под его контролем.

Он насчитал одиннадцать человек. Десять цепочкой рассыпались по границе с лугом, одиннадцатый направился к тому месту, где Крекер-драйв переходила в подъездную дорожку дома Грейди.

Грейди предположил, что бойцы, доставленные первым вертолетом, блокировали съезд на Крекер-драйв с шоссе и теперь обходят остальные девять домов, объясняя их обитателям, что происходит, и/или предупреждая, что те должны оставаться дома.

После первых одиннадцати появились еще четверо, тоже в черном, но без карабинов. Работая парами, они скатили по трапу на траву два больших ящика высотой в шесть и основанием четыре на четыре фута.

Скорость вращения лопастей заметно замедлилась, а теперь пилот выключил двигатели. И когда лопасти перестали вращаться, дом словно накрыло одеялом тишины.

— Мне дурно, — сказала Камми.

И Грейди знал, что она говорит не про тошноту. У нее ныло сердце.

Если раньше они еще лелеяли надежду, что Загадочный и Тайна останутся с ними, после того как все это закончится, то теперь, когда они увидели, какие силы задействованы в операции, надежда эта умерла.

— Дело не просто в этих животных, — Грейди хмурился. — Есть что-то еще, чего мы не знаем.

— Эта же мысль пришла мне в голову, когда я ехала сюда. Загадочный и Тайна — часть чего-то большого.

С Крекер-драйв донесся гул мощных двигателей, и очень скоро они увидели огромный автобус, контуром напоминающий «Грейхаунд», с некрашеными, полированными стальными

¹ «Хьюли» — американский многоцелевой вертолет фирмы «Белл хеликоптер текстрон», одна из самых известных и массовых машин в истории вертолетостроения. Всего построено более 10 тысяч. Нынешний вариант вертолета, используемый в корпусе морской пехоты США — UH-1Y.

крышей и бортами, поблескивающими на солнце. От дома на колесах автобус отличался отсутствием окон на бортах и куда более мощным двигателем. Ветровое стекло затонировали до черноты, так что водителя они не видели.

Когда агент, стоявший в конце Крекер-драйв, направил автобус на подъездную дорожку к дому Грейди, следом появился второй автобус. Первый автобус, свернув на дорожку, проехал мимо дома к гаражу и мастерской, а в затылок второму уже пристроился третий.

Как выяснилось, конвой состоял из четырех идентичных стальных бегемотов. Припаркованные один за другим, с зазором в несколько футов, они заняли практически всю подъездную дорожку.

— Они пытаются нагнать страха? — спросила Камми, пока водители глушили двигатели.

— Скорее всего, нет, но, наверное, по-другому они просто не умеют, — ответил Грейди.

— А чего они сюда приехали?

— Будь я проклят, если знаю.

Четверо мужчин, которые выкатили из вертолета ящики, раскатывали рулоны гибкой пластиковой решетки. В развернутом положении и должным образом закрепленная, решетка, похоже, могла служить жестким основанием для каких-то сборных конструкций.

С востока, быстро и на низкой высоте, к ним приближался четырехместный вертолет. Вместо того чтобы сразу приземлиться, сделал круг над участком. Сквозь плексигласовый фонарь Грейди увидел, что в кабине, кроме пилота, только один человек. Похоже, он проверял, как продвигается операция.

После второго круга вертолет приземлился на Крекер-драйв. Из кабины вышел единственный пассажир. Ветер, поднимаемый вращающимися лопастями, рвал пиджак и брючины. Пассажир поспешил к дому, а пилот тут же поднял вертолет в воздух и улетел на восток, откуда и прибыл.

Мужчина, с растрепанными ветром волосами песочного цвета, напрямик направился к переднему крыльцу. Симпатичным, подвижным лицом он напоминал приятеля-острослова, главного героя множества фильмов. Это лицо располагало к себе каждой веснушкой, слишком большими ушами, широко посаженными синими глазами, ясными, чистыми, сверкающими, как люстра бального зала.

— Ах, доктор Райверс, — обратился он к Камми, — как это прекрасно — быть ветеринаром. Когда я был ребенком, у нас в семье жил коккер-спаниель, которого звали Пит. Я любил его больше всех, он заболел, чуть не умер, наверное, умер бы, если бы не наш ветеринар, умнейший, беззаветно любящий животных доктор Лаури. Потом я смотрел на него, как на Бога.

Прежде чем Камми успела ответить, мужчина уже повернулся к Грейди:

— Мистер Грейди, я видел вашу мебель. Она прекрасна. Конечно, я видел только фотографии на вашем сайте, но фотография всегда хуже оригинала, поэтому я могу себе представить, как выглядят они в натуре. Надеюсь, вы устроите мне экскурсию в вашу мастерскую до того, как мы все закончим и перестанем вам докучать.

Грейди этот мужчина не понравился с первого взгляда.

— Кто вы?

— Должно быть, это мистер Джардин, — вставила Камми.

— Ох, извините, — заместитель министра развел руками. — Я видел ваши фотографии, а вы, разумеется, мою видеть не могли. Пол Джардин из Министерства национальной безопасности. Рад с вами познакомиться. И я сожалею, что сложившиеся обстоятельства не позволяют нам лучше узнать друг друга. Я благодарен вам за ваше сотрудничество, за ваш патриотизм.

Джардин начал подниматься по ступенькам, ожидая, что его пустят на крыльцо, но по взаимному молчаливому согласию Камми и Грейди не сдвинулись с места, продолжая смотреть на него сверху вниз.

— А что это за стальные автобусы? — спросил Грейди.

— Три из них — мобильные лаборатории. В четвертом — два суперкомпьютера «Грей», которые могут работать как по отдельности, так и в тандеме. С фантастической быстротой операций. Электроэнергию мы берем непосредственно у компании, которая ее сюда поставляет, с уличной стороны вашего счетчика, поэтому не волнуйтесь о том, что вам предъявят наш счет за электричество. Нам, правда, придется воспользоваться вашей водяной скважиной, но на ней, насколько я понимаю, счетчика нет.

— Я не знал, что у Министерства национальной безопасности есть военизированные подразделения, — Грейди сменил тему.

— Так у нас их и нет, мистер Адамс. Организация академии по подготовке таких специалистов — длительное и затратное дело. Мы приглашаем их на контрактной основе через компанию, в которой блестяще поставлен отбор кадров, и нет ни малейшего сомнения в том, что к нам приходят только агенты, душой и сердцем преданные Америке и радеющие за безопасность американского народа.

— Может, нам следует подбирать через ту же компанию и политиков, — предложил Грейди.

— Дельная мысль, — кивнул Джардин. — Я запомню ваши слова и повторю их где следует.

Вооруженный агент, который направлял мобильные лаборатории на подъездную дорожку, присоединился к Джардину, и тот спросил:

— Доктор Райверс, где эти животные? Мне не терпится их увидеть. На ваших фотографиях они выглядят просто невероятными, хочется собственными глазами убедиться, что они — реальные.

— Они в доме, — ответила Камми. — У вас есть ордер?

— Да, спасибо, что напомнили.

Из внутреннего кармана пиджака Джардин достал два сложенных документа.

— Это факсимиле ордера, подписанного федеральным судьей, который курирует данный регион. Оригинал в самом скором времени доставит курьер. Согласно решению суда, вы должны предоставить нам полный и немедленный допуск в каждое здание на принадлежащем вам участке и на сам участок.

Он протянул Грейди и второй документ.

— Первый ордер также предоставляет нам право изымать любую вещь, которая, по нашему мнению, может быть связана с преступлением или представлять угрозу безопасности американского народа. Второй документ, который я только что отдал вам, содержит уточняющее требование суда. В нем указывается, что вы должны передать нам двух животных по нашему требованию, и сейчас я этого требую. Мистер Адамс, доктор Райверс, пожалуйста, проводите меня к этим удивительным животным.

ГЛАВА 52

В душе Камми надеялась, что Загадочный и Тайна ускользнут через дверь черного хода и убегут в горы, какими бы ни были их шансы выжить среди дикой природы.

Но они остались на кухне. На этот раз не ели, а лазили по ящикам в поисках тех устройств и предметов, которые вызвали бы у них интерес. Тайна стояла на стуле, получив возможность смотреть в выдвинутый ящик сверху вниз, и все, что находила, передавала Загадочному. Из этого ящика она уже достала таймер для варки яиц, штопор, пачку ярко-желтых салфеток, керамические солонку и перечницу, сделанные в виде пингвинов. Загадочный добавил их к коллекции, уже выложенной на пол перед посудомоечной машиной.

Возможно, предполагая возникновение осложнений, аналогичных эпизоду с халапенью, Мерлин ретировался под кухонный стол. Лежал там, с тревогой поглядывая на своих новых друзей, рыщущих по ящикам.

— Мистер Адамс, пожалуйста, возьмите собаку на поводок! — воскликнул Джардин,

едва увидел волкодава.

— Он никому не причинит вреда, — заверил Грейди заместителя министра.

— Поправьте меня, если я не прав, но двести лет назад такие, как он, практически истребили в Ирландии волков. Господи, волков! А если такая большая собака бросится на меня? Я не могу подвергать себя такому риску. Приказываю вам взять собаку на поводок.

— Хорошая идея, — поддержал начальника вооруженный агент. — Я с вами согласен.

Камми видела, что слово «приказываю» Грейди определенно не понравилось. И такая реакция пришлась ей по душе. Но еще большее удовольствие она получила от угрожающего взгляда, который Грейди бросил на Джардина.

— Во всей стране вам не найти более мирного и дружелюбного пса, но я возьму его на поводок, чтобы избавить вас от необходимости переменить испачканное нижнее белье.

«Хорошо сказано», — одобрительно подумала Камми... и едва не произнесла эти слова вслух.

Грейди снял с крючка ошейник и поводок, и Мерлин на животе выполз из-под стола, чтобы на него надели ошейник.

Без всякого приглашения на кухню вошел еще один, внушительных габаритов агент в черном. Он принес две клетки для транспортировки животных. Поставил их на пол, открыл.

— Вот тот, похоже, самец, — Джардин указал на Загадного. — Он может возбудиться, если ты схватишь самку. Так что начни лучше с него, Картер.

До этого момента золотистоглазых существ занимало только содержимое ящиков. Загадный дернулся, но не стал сопротивляться, когда только что прибывший агент, Картер, схватил его за шкуру и за хвост и усадил в клетку.

Сдержанное рычание Мерлина не испугало бы волка, но лишило самообладания хорька, который обратился к Грейди: «Укоротите поводок».

— Я посажу в клетку вторую, — предложила Камми.

— Пожалуйста, не подходите к ней, — несмотря на «пожалуйста», по голосу Джардина чувствовалось, что это предупреждение. — Эти животные теперь принадлежат нам, и мы сами с ними разберемся.

— Но нет никакой необходимости так грубо обращаться с ними, — запротестовала Камми.

— Если на то пошло, это животное не закричало, никоим образом не дало знать, что ему причинили боль или хотя бы испугали.

— Они, похоже, просто не знают, что должны чего-то бояться, — возразила Камми. — Может, теперь научатся.

Картер поднял Тайну со стула и засунул во вторую клетку.

Вновь Мерлин зарычал, но его слишком хорошо воспитали, чтобы он захотел испытать поводок на прочность.

Удивленная безразличием министерских гостей, Камми спросила:

— Да что с вами такое? Посмотрите на них, какие они прекрасные, какие удивительные!

— Да, красивые, — ответил Джардин, — очень красивые, как на фотографиях. Но, красивые они или нет, у нас есть задание, и мы должны его выполнять.

Отверстия в стенках клеток не позволяли Загадному высунуть кисть и добраться до защелки, но он попытался.

Из клеток животные в недоумении смотрели на Камми. Каждый из агентов в черном подхватил по клетке, и они покинули кухню.

Едва эта парочка переступила порог, им на смену пришли еще двое, с большими пустыми черными сумками.

— Мистер Адамс, — обратился к Грейди Джардин, — официально в этом доме хранятся пять единиц стрелкового оружия, но я уверен, что есть и другое оружие, приобретенное до того, как ввели обязательную регистрацию каждого ствола. Эти господа пройдут с вами по всем комнатам, чтобы собрать все оружие.

— У вас нет права конфисковать мое оружие, — ответил Грейди.

— Мы его не конфискуем, мистер Адамс. Всего лишь забираем на период расследования, и это не только наше право, но и обязанность. Мы выдадим вам расписку. А при отъезде вернем вам все оружие. — Вручив ордера и переступив порог дома, Джардин тут же снял маску лучшего-друга-героя-кинофильма и вернул ее в костюмерную. Показал свое истинное лицо. Синие глаза более не сверкали весельем, стали суровыми и мрачными. — Или вы думаете, что мне достанет дурости оставить оружие в руках снайпера, который убил столько людей с расстояния более тысячи ярдов?

Хотя ярлык снайпера стал для Камми новостью, ее эта информация скорее порадовала, чем огорчила.

Ее удивление Джардин принял за шок, поэтому повернулся к ней:

— Доктор Райверс, вы, похоже, шокированы, узнав, что мистер Адамс служил снайпером в «Армейских рейнджерах»¹.

— Не знаю, почему, но меня это только успокаивает, — ответила Камми.

— За каждым человеком, которого я убил, тянулся длинный шлейф преступлений, — подал голос Грейди. — Если вы боитесь оставлять мне оружие, мистер Джардин, тогда, должно быть, вы знаете о себе то, о чем я могу только подозревать.

На этот раз Камми не удержалась, и с ее губ сорвалось:

— Хорошо сказано.

Мужчины с сумками изо всех сил пытались сохранить каменность лиц, но едва ли их приняли бы в охрану Букингемского дворца.

А заместитель министра выглядел так, будто нашел банку с халापенью, открытую Загадочным, и отправил в рот ее содержимое: черты лица заострились, губы побледнели, щеки вспыхнули, глаза забегали.

Когда же решился заговорить, то буквально выплевывал слова:

— Ваш домашний телефон и выход в Интернет блокируют. Эти господа возьмут у вас мобильные телефоны и устройства для передачи текстовых сообщений. На период проведения операции любая попытка связаться с кем-либо за пределами территории вашего участка будет классифицироваться как федеральное преступление, за совершение которого можно получить до семи лет тюрьмы. В течение нескольких часов сюда придут ученые. За эти два дня вам время от времени придется отвечать на вопросы об этих двух животных, их нраве, манере держаться. Вы можете заходить в лаборатории, чтобы поговорить с ними. Сегодня в два часа дня в этой комнате я возьму у вас показания, мисс Райверс. Я человек пунктуальный. Пожалуйста, последуйте моему примеру.

Когда Джардин повернулся к ним спиной, чтобы уйти, Мерлин гавкнул, единственный раз, но так громко, что задребезжали стекла, а заместитель министра подпрыгнул. Ругаясь, выскочил за дверь, на волкодава даже не оглянулся.

И пока Грейди ходил по дому с агентами, укладывающими его оружие в большие сумки, Камми сидела на полу кухни и говорила Мерлину, какой он благородный, честный, храбрый и мудрый.

Когда агенты уходили, Камми вышла с ними и Грейди на переднее крыльцо. Несколько больших надувных палаток уже обретали форму на лужайке и на лугу. Пластиковые решетки использовались и как основания каждой, и как дорожки между ними.

— Казармы, столовая, туалет, коммуникационный центр, конференц-зал, — объяснил один из агентов, когда они спускались с крыльца.

Камми стояла у перил вместе с волкодавом и мужчиной, который снайперски посылал в цель как пули, так и слова.

— Словно какой-то цирк из преисподней сделал здесь двухдневную остановку, — Грейди покачал головой. — Слонов у них нет, номера занудные, клоун не смешон.

— А что теперь будет с Загадочным и Тайной?

¹ «Армейские рейнджеры» — элитное армейское подразделение, состоящее из лучших бойцов, чьи боевые навыки позволяют им эффективно выполнять как обычные военные, так и особые секретные операции.

- Ничего.
- Но их уже нет.
- Как это — нет? Они здесь.
- Я не знаю, как мы сможем их вернуть.
- Я знаю.
- Как?
- Как-нибудь.

ГЛАВА 53

Гранаты просто осчастливили Генри Ровроя. Он боялся, что этот пишущий хайку сукин сын выпотрошил «Лендровер». Попади гранаты в руки этого таинственного поэта, баланс сил кардинальным образом переменится бы в его пользу.

Страшно довольный, Генри сидел на полу гостиной, смотрел на гранаты, гладил гранаты, одну даже поцеловал. Ребристый стальной корпус только и ждал, когда же ее бросят, чтобы своими осколками разорвать любого, кто окажется в непосредственной близости. Прекрасная, прекрасная вещь.

Сенатор, у которого Генри работал личным помощником и политическим аналитиком, накопил приличных размеров арсенал. Генри и не собирался забирать все, ему хватило гранат и нескольких единиц стрелкового оружия. Коллапс общественного порядка сенатор встретил бы в специально подготовленном убежище, спрятанном от лишних глаз и надежно защищенном, одном из многих, предназначенных для высших государственных чиновников. Сенатор рассчитывал, что Генри отправится с ним и его семьей, чтобы провести там год-полтора, пока на улицах будет литься кровь. Но Генри нутром чуял, что социальное напряжение в отгороженном от всего мира и укрепленном поселении, где будут жить политики и их родственники, выльется в параноидальную подозрительность, яростные схватки между собой, возможно, даже приведет к людоедству. И, заверяя сенатора, что он обязательно поедет с ним, Генри строил собственные планы. Он не хотел, чтобы его съели живьем.

Теперь он начал распределять гранаты по дому, прятать под диванными подушками, в ящиках, под креслами. Если враг решится напасть на дом, Генри хотел, чтобы граната всегда находилась под рукой. Тогда, открыв окно, он мог бы удивить мерзавца, оторвать ему руку или ногу, а то и голову и положить конец этой идиотской игре. Всего гранат у него было двадцать девять, и одну он намеревался всегда носить с собой, до тех пор пока не убьет своего мучителя.

Закончив, Генри вновь заметил эту отвратительную грязь под ногтями. Не понимал, как он мог так перепачкаться, всего лишь разгрузив «Лендровер». Но физический труд всегда грязный. Оставалось только удивляться, что «синие воротнички» не дошли миллионами от эпидемий чумы и других болезней.

Он вернулся в ванную, набрал в раковину горячей воды и взялся за дело, используя мыло с дешевой отдушкой и щеточку, которую обнаружил прошлым вечером. Оттирал руки минут сорок, прежде чем решил, что они чистые. Ногти просто блестели.

Вытирая руки, Генри подумал: а вдруг не только страсть к чистоте заставляет его с таким тщанием мыть руки, пока кожа не покраснеет от горячей воды и контакта с жесткими волосками щеточки? Выпускники Гарварда прекрасно знали философию. Такое внимание к чистоте рук могло говорить о подсознательном признании вины. Возможно, убийство брата подействовало на него сильнее, чем он думал.

Что ж, сделанного не вернешь. Если, положив столько лет на учебу, он чему-то и научился, так это умению смотреть в лицо реальности и не жить с иллюзией, будто неправильное всегда не право, а правильное — наоборот. Иногда неправильное становилось правильным, иногда правильное занимало место неправильного, но по большей части не

представлялось возможным применить только одно из этих понятий. И не оставалось ничего другого, как, не оглядываясь, думать, делать, принимать, двигаться дальше.

На кухне, готовя ленч из жалких остатков провизии, которые держали в доме его ушедшие в мир иной родственники, Генри услышал шум на чердаке. Кто-то там ползал.

ГЛАВА 54

В понедельник утром, через два часа после встречи с Лиддоном Уоллесом на восемнадцатой лунке, Руди Нимс вылетел из Сиэтла в Сан-Франциско.

Он сказал адвокату, что улетит во второй половине дня. Он также пообещал убить жену и сына во вторник вечером.

В обоих случаях Руди солгал.

Он не доверял Лиддону Уоллесу. Нельзя рассчитывать, что человек, подрядивший тебя убить его семью, будет во всем с тобой честен.

Уоллес признал, что таких, как Руди, у него несколько. Допустим, одного из них зовут Берт.

Допустим, Берт поручили поджидать Руди в комнате его отеля, куда он вернется, убив Кирстен и маленького мальчика.

Допустим, Берт убьет Руди и обставит все, как самоубийство.

В оставленной записке, которую напишет Берт почерком Руди, будет указано, что Руди за прошедшие годы лишил жизни множество девушек и женщин, что он ненавидит себя и ненавидит Лиддона Уоллеса, который добился его оправдания по делу Харди, тогда как он хотел, чтобы кто-то остановил его, прежде чем он начнет убивать вновь.

Живой, Руди оставался свободным концом. Мертвый — не мог донести на Уоллеса.

С мертвым Руди крайним становился бы этот Берт.

Допустим, еще одного из парней Уоллеса зовут Ральф... или Кенни, или как-то еще. И когда Берт вернется в свой номер отеля, там его, возможно, будет поджидать Ральф.

Ральф бы не знал, что Берт убил Руди, поэтому, после смерти Берта, никто не смог бы связать адвоката с убийствами его жены и ребенка. Никаких свободных концов.

А может, когда Ральф вернется в свой номер отеля, Кенни — или Фред, кому как нравится, — станет поджидать его там, чтобы убить. Может, так продолжалось бы до тех, пока отель не заполнится мертвяками.

Руди хватало самокритики, чтобы признавать в себе параноика. Он убивал людей и по этой причине, хотя она не была главной. Будь эта причина главной, он был бы безумцем.

Но здравомыслием Руди не уступал никому. Он не убивал во вспышках маниакальной ярости. Он точно знал, почему убивал. Его мотив был сложнее и полностью отвечал жизненной логике: он убивал, потому что считал себя свободным человеком, который никому не подчиняется.

Поэтому он солгал Лиддону. Улетел из Сиэтла на восемь часов раньше, чем говорил. И собирался убить Кирстен и мальчонку в эту самую ночь, а не в следующую, когда некий Берт мог поджидать Руди, чтобы убить его.

Полет из Сиэтла прошел прекрасно. Они не попали в зону турбулентности и не разбились при посадке.

Всю дорогу Руди болтал с Полин, пожилой женщиной, которая летела в Сан-Франциско, чтобы повидаться с только что родившимся четвертым праправнуком.

Она везла с собой маленький альбом с семейными фотографиями. А также фотографии двух ее кошек. Кошки выглядели симпатичнее родственников Полин.

Желание убить Полин у Руди не возникало. С пожилыми женщинами сексом он не занимался, поэтому не убивал пожилых женщин.

У багажного транспортера Полин ждали ее дочь и зять. Звали их Дженнифер и Дон.

Полин представила Руди «ангелом, который заставил меня забыть страх перед

полетом».

На самом деле Руди болтал с соседями, потому что тоже боялся летать. Ему требовалось отвлечься от мыслей о том, что в воздухе что-то может пойти не так. Скажем, откажет двигатель, потому что механик намеренно повредил его.

В аэропорту он сел в заранее арендованный внедорожник и покатил к мосту «Золотые ворота» и округу Марин.

Руди не любил больших городов. Слишком много хаоса и суеты.

Вот почему он считал свою работу лучшей в мире. На поле для гольфа всегда царил порядок, и никаких толп.

Не приходилось и думать о том, что делаешь. Все шло само собой, на автомате, поэтому он мог дать мыслям волю.

За работой он проигрывал в памяти совершенные им убийства. Часы, отданные воспоминаниям, являлись одной из причин, по которым он убивал не так уж и часто, максимум дважды в год.

Еще одна причина заключалась в том, что Руди убивал только тех женщин, которых находил привлекательными, и редко кто отвечал его высоким стандартам.

Встречались люди, которые могли наброситься на первую попавшуюся женщину. Руди к таковым не относился. Эти просто бунтовали против принятых в обществе моральных норм и разменивались по мелочам. А Руди тщательно готовил каждую атаку и бил наверняка.

ГЛАВА 55

После того как вертолет доставил Ламара Вулси и Саймона Норткотта на объект, они подписали соглашение о неразглашении, уточненное в связи с необычностью ситуации, и получили ламинированные идентификационные карточки с голографической фотографией, которые требовалось постоянно носить на шее.

Далее последовал подробнейший инструктаж, по окончании которого им сказали, где найти Экспонат-1 и Экспонат-2. Имена, которые дала Экспонатам ветеринар Камилла Райверс, использовали и агенты в черной униформе, и чиновники Министерства национальной безопасности: Загадочный и Тайна.

Животные содержались в надувной палатке, поставленной во дворе, в нескольких шагах от четырех автобусов-лабораторий. Кровь, моча, образцы других жидкостей и тканей намечалось брать здесь и относить в лабораторию. При необходимости томографического или какого-то другого обследования животных доставили бы в мобильную лабораторию. Благодаря тому, что Загадочный и Тайна содержались в отдельном помещении, доступном персоналу всех четырех лабораторий, несколько ученых могли наблюдать и изучать их одновременно.

Квадратная палатка со стороны в двадцать футов крепилась к земле сорока штырями. Каждый из них, длиной в восемнадцать и толщиной в один дюйм, забивали в землю пневматическим молотком.

Рядом с ненадувным пологом, прикрывавшим единственный вход в палатку, стоял вооруженный агент. Они показали ему свои удостоверения и вошли.

Соединенные друг с другом полосы пластмассовой решетки образовали жесткий пол. Четыре стойки с лампами на гибких кронштейнах обеспечивали освещение. Середину палатки занимала платформа, поднятая над полом на четыре фута, длиной в девять и шириной в семь футов. На платформе стояла стальная клетка шесть на восемь футов, которую прибывшая кризисная группа Министерства национальной безопасности где-то сумела раздобыть до отъезда со своей базы из Колорадо-Спрингс.

В клетке стояла миска с водой, лежала подстилка для сна и находились два существа, в жизни намного более прекрасные, чем на фотографиях, которые показывали Ламару во время инструктажа. Они тут же подошли к стене и вытянули маленькие черные ручонки между

стальными стержнями.

Вид этих животных подействовал на Саймона Норткотта, как никто и ничто до этого: он лишился дара речи.

Подойдя к клетке, Ламар протянул руки, чтобы одной взяться за руку Загадочного, а второй — Тайны.

Чувство, которое он испытал, наверное, отличалось от того, что лишило Норткотта дара речи, потому что ему захотелось выразить свое восхищение стихами, если б, конечно, он сумел их сочинить, рассказывающими о стремлении человека постичь тайну жизни и ее предназначение.

Этих животных окружала аура невинности и чистоты, которую он мог буквально пощупать. Никогда раньше он не сталкивался с чем-то подобным и сомневался, что столкнется еще. Он смотрел на них, как на чудо, а потом сдался на милость неожиданно охватившего его благоговения, которое не мог объяснить. Он расплакался.

Медленно продвигаясь вокруг клетки, пристально глядя на животных, не замечая реакции Ламара, Норткотт прервал столь нехарактерное для него молчание и заговорил о том, что не имело ровно никакого значения, о том, чего Ламар не мог просчитать.

На что Ламар, уняв слезы, ответил: «Их глаза. Разве это не ирония судьбы, Норткотт, что, возможно, главный вызов, который они предлагают тебе, — невозможность существования таких глаз?»

Норткотт понял смысл слов Ламара и остался недоволен.

ГЛАВА 56

На кухонном столе стояла двухфутовая квадратная панель из многослойного стекла, взятая в стальную рамку и размещенная между двумя стальными цилиндрами диаметром в три дюйма. Красный огонек светился в небольшом отверстии, диаметром с цент, у вершины каждого цилиндра. Устройство подсоединялось к розетке в стене и к ноутбуку Пола Джардина.

Камми сказали, что лазеры сканируют ее глаза, определяя реакцию радужных оболочек, постоянно замеряя зрачки. Эти данные помогали определять правдивость ее ответов, потому что зрачки непроизвольно расширялись, если человек лгал. Вероятно, измерялись и другие характеристики глаза, о чем Джардин предпочел умолчать.

С самого начала допроса лазеры фиксировали и изменения выражения ее лица, хотя Камми делала все, чтобы оно оставалось бесстрастным. И эти данные, вероятно, помогали программе отличить правду от лжи.

Этот лазерный полиграф разработали исключительно для нужд Министерства национальной безопасности. Джардин использовал его совместно с эластичной перчаткой, туго обтягивающей руку Камми, битком набитой датчиками, замеряющими параметры, на изменениях которых основывалась работа обычного детектора лжи: частота пульса, давление крови, потоотделение.

Перед допросом ей вручили документ, подписанный Джардином в присутствии свидетеля, в котором указывалась, что полученная информация не может быть использована против нее ни в каком суде и ее не могут привлечь к ответственности на основании заданных Джардином вопросов и ее ответов.

— Правда интересует нас гораздо больше, чем возможность привлечь кого-то к суду, — заверил ее Джардин.

С другой стороны, если бы она, получив освобождение от судебного преследования, отказалась бы пройти проверку на полиграфе, ее могли бы привлечь к суду по двум статьям Уголовного кодекса, и, в случае вынесения обвинительного приговора, суммарное наказание могло составить четыре года тюрьмы.

Поскольку Камми по-прежнему колебалась, Джардин прибег еще к одному аргументу:

— Взгляните на все это вот под каким углом. Если вы хотите лгать, можете это делать, не боясь наказания. У вас иммунитет от судебного преследования. Но даже если вы солжете, я не буду считать, что зря потратил время на ваши показания, потому что увижу, где и в чем вы солгали, и постараюсь понять почему.

— У меня нет намерения лгать вам.

— К тому времени, когда мы заходим так далеко, никто уже лгать не собирается, — указал Джардин.

И теперь допрос (Джардин настаивал, что Камми всего лишь давала показания) продолжался уже больше часа. Жалюзи на окнах опустили, шторы задернули, светились только лампа над раковиной да экран ноутбука заместителя министра.

Камми не могла видеть лучей лазера малой интенсивности. Они работали на одной длине волны или в узком волновом диапазоне, и все гребни индивидуальных волн совпадали. И хотя лучи оставались для нее невидимыми, иногда периферийным зрением она улавливала, как дрожали и дергались тени там, где вроде бы ничего не двигалось.

Камми ни разу не солгала. Допрос Джардин вел методично, но безо всяких эмоций, скучновато. А потом наступил один из двух коротких эпизодов, выпадающих из общей картины.

Джардин оторвался от ноутбука и посмотрел на Камми сквозь панель многослойного стекла.

— Доктор Райверс, в последние два года вам доводилось бывать в Мичигане?

— Нет.

Он вновь уткнулся в экран ноутбука.

— Вы когда-нибудь бывали в Мичигане?

— Нет.

— Вы когда-нибудь слышали о Кросс-Виллидж¹, штат Мичиган?

— Нет.

— Вы когда-нибудь слышали о Петоски², штат Мичиган?

— Нет.

— Вы знали кого-нибудь из Мичигана?

Камми задумалась.

— В колледже, ветеринарном колледже, училась женщина из Мичигана.

— Где она жила в Мичигане?

— Не помню. Мы не были близкими подругами.

— Как ее звали?

— Эллисон Гайвенс. Мы звали ее Элли.

— Она занимается ветеринарной практикой в Мичигане?

— Полагаю, да. Не знаю. Контакты с ней не поддерживала.

— Вы поддерживали контакты с кем-либо из студентов ветеринарного колледжа?

— Да. С несколькими.

— Кто-нибудь из них поддерживал контакты с Элли Гайвенс?

— Не знаю. Не думаю. Они ничего не говорили. А что случилось в Мичигане?

— Пожалуйста, помните наш уговор. Вопросы задаю я, вы отвечаете, а не наоборот.

То ли он исчерпал тему, то ли не хотел ее развивать, раз уж в Камми проснулось любопытство. И перешел к ее впечатлениям от общения с Загадочным и Тайной.

Еще через час, когда допрос подходил к концу, Джардин задал вопрос, который едва не отправил Камми в нокаут:

1 Городок Кросс-Виллидж в 2000 г. прославился тем, что в день выборов президента США чиновники не смогли вовремя доставить ящики с заполненными бюллетенями к месту подсчета голосов, потому что им помешал огромный бурый медведь, который пришел к зданию городского совета, где весь день проходило голосование. Никто не решился выйти из здания: зверь рычал и не давал открыть дверь.

2 В городе Петоски, штат Мичиган, родился Клод Элвуд Шеннон (1916-2001), американский математик и инженер, изобретатель бита, основатель теории информации, нашедшей применение в современных высокотехнологичных системах связи.

— Доктор Райверс, вы кого-нибудь убили?

Потрясенная, она встретила с ним взглядом через многослойное стекло.

Он повторил вопрос.

— Камми, вы когда-нибудь кого-нибудь убили?

— Да.

— Кого вы убили?

— Бойфренда моей матери.

— Как его звали?

— Джейк Хорнер. Джейкоб Хорнер.

Джардин даже не взглянул на графики, которые вычерчивались на экране его ноутбука. Он знал, что она говорит правду.

— Это случилось в день вашего пятинадцатилетия, так?

— Материалы полицейского расследования, судебное разбирательство... это засекреченная информация.

— Это случилось в день вашего пятинадцатилетия, так?

— Засекреченная. Все засекречено. Я была несовершеннолетней. Никто не имеет права знать об этом.

Глаза Джардина не светились в темноте, их освещал экран компьютера, но Камми видела эти глаза достаточно хорошо, чтобы прочитать в них презрение.

— Вы провели на борту «Терапии» десять лет? Десять лет? Десять лет, Камми?

В довершение к презрению в глазах читалось чувство глубокого удовлетворения, которое он испытывал, видя ее реакцию, ее страдание.

Ему хватало власти, чтобы узнать о ее десяти годах рабства, а потому он мог познакомить с прошлым Камми тех, кто знал ее в настоящем, чтобы они презирали ее или, того хуже, жалели.

Тем самым он рассчитывал гарантировать ее молчание обо всем, что связано с Загадочным и Тайной, а также ее безропотное содействие.

Она дернула с руки перчатку со множеством вплетенных в нее датчиков и бросила на стол.

— Все. Я закончила.

— Да, — кивнул Джардин. — Пожалуй, точка поставлена.

ГЛАВА 57

Шум на потолке появлялся и затихал, появлялся и затихал. Иногда кто-то там ползал, иногда перемещался на руках и коленях, а то просто постукивал по потолочной балке.

Генри бродил по дому взад-вперед, глядя в потолок, отслеживая звуки. Гада, что бы это значило.

Зайдя в стенной шкаф в спальне, не отрывая глаз от крышки люка, прислушиваясь к постукиванию, постукиванию, постукиванию по ней с другой стороны (с этой крышка закрывалась на засов), он начал думать, что этот стук — не простой ритм. Он разбивался на стансы. Создавалось впечатление, будто какой-то поэт, живущий наверху, сочиняет новые строки и «отбивает» их размерность.

Едва эта мысль полностью сформировалась в голове, Генри решил, что больше не будет прислушиваться к постукиванию. Он вернулся на кухню и вновь занялся приготовлением ленча.

Позднее, во время еды, он думал о тайных убежищах, где собирались укрыться сенатор и другие представители властных элит после намеренного разрушения общественного порядка. Он предположил, что с комфортом и обеспечением там будет наверняка получше, чем здесь, на ферме.

Из многих сотен миллиардов долларов, которые вынесли через двери казначейства, не

все потратили впустую. Более трети тайно перевели на счета тех политиков и предпринимателей, которые верили в действенность этой стратегии трансформации мира.

Сенатор и те, с кем он работал в тесном контакте, запаниковали только один раз, когда репортер «Вашингтон пост», проводивший журналистское расследование, сообщил об исчезновении семидесяти миллиардов долларов, выделенных на стимулирование экономики. Но общественность никак не отреагировала на это разоблачение. И поскольку «Пост» не располагала значительными средствами, источники репортера не смогли проникнуть в круг заговорщиков.

Именно в тот период, когда все висело на волоске, Генри решил, что не поедет с сенатором и будет спасать себя сам. Но теперь, прислушиваясь к постукиванию на потолке, постукиванию, *к которому он не прислушивался*, Генри задался вопросом, а не допустил ли он серьезную ошибку, отправившись на Запад, чтобы стать собственным братом.

ГЛАВА 58

Впервые на своей памяти Том спал крепко и спокойно. Тревога пришла с пробуждением.

Обычно кошмары выливались из резервуара с ядом и затапливали сон. В сумраке ушедших под воду городов и полей, он пребывал в непрерывном движении, никуда не шел, ничего не искал, но тем не менее шел и искал, одержимый отчаянием. С затопленных улиц, с безымянных холмов, вдоль пустынных дорог к нему направлялись смутные фигуры, которые угрожали ему. И он бежал от них без остановки, дышал водой в нарастающей панике, пока не просыпался и не начинал дышать воздухом. Бодрствуя, но иногда даже во сне, он подозревал, что все угрожающие ему фигуры на самом деле он сам.

От этого крепкого, спокойного сна Том пробудился во второй половине понедельника, в 16.15, и теперь уже реальный мир показался ему таким же безвоздушным, как затопленный мир из его кошмаров. Он не мог набрать в грудь воздуха. В таких ситуациях помогало только одно — глоток спиртного.

Не в силах успокоить мятущийся мозг, который прокручивал в памяти подробности инцидента на обрыве над морем, Том вытянулся на кровати, в одежде, не ожидая, что уснет. Затем сел, встал, двинулся к двери номера в надежде, что сможет протолкнуть в легкие свежий уличный воздух.

За один шаг до двери Том развернулся и направился к рюкзаку. Прошлой ночью он бросил полную бутылку текилы с моста на дно пересохшей речки. Но пять еще лежали в рюкзаке. Он достал из рюкзака защитный чехол, из чехла — бутылку. Гладкое стекло приятно холодило шершавые руки.

Лежащий впереди путь и предстоящее дело требовали полной отдачи, сосредоточенности, трезвости. Всю жизнь он убегал, от первого, второго и третьего.

Гладкое, холодящее стекло...

Учитывая, что ему сорок восемь, он еще жив и не в тюрьме, Том мог сказать, что получилось у него лучше, чем у тех многих, кому, в отличие от него, приходилось принимать ответственные решения. Кардинальные изменения в его возрасте могли привести не к желаемому результату, а к прямо противоположному; он мог поменять неудачу и печаль не на надежду и умиротворенность, а на тоску и отчаяние.

Одно происшествие, один миг откровения за десятилетия бесполезного существования не обосновывали революцию духа и тела. В тот момент у него кружилась голова, он блевал в контейнер для мусора. В такой ситуации и восприятие, и оценка случившегося могли не быть достоверными.

Гладкая, холодная бутылка, полная текилы, обещала, что он все забудет, напоминала о самоуничтожении, к которому он так стремился. Власть текилы ощущалась через стекло, ее сила вливалась в пальцы Тома, вызывая дрожь сначала в них, потом в руке, наконец во всем

теле. От этой дрожи на ладонях выступил холодный пот, и он схватился за выскальзывающую бутылку уже обеими руками.

И хотя ему очень хотелось выпить, очень-очень, он собирался опорожнить бутылку в раковину в ванной.

Он стоял в каких-то шести шагах от двери в ванную комнату. Раковина находилась в шаге-двух за порогом. Восемь шагов. Прошлой ночью он оставлял за спиной милю за милей. Теперь восемь шагов составляли бОльшую дистанцию, чем та, что разделяла его пещеру и эту комнату.

Если не считать дрожи, Том Биггер не двигался, но его трясло так сильно, что стучали зубы. Сдвинуться с места он, однако, не мог.

Наверное, на какие-то мгновения в голове у него помутилось, потому что он не помнил, как свернул крышку. Внезапно она упала на пол к его ногам, и из горлышка бутылки до его ноздрей долетел запах текилы, пары смерти в жизни.

Еще провал в памяти... и каким-то образом он уже ощущал знакомый вкус во рту, ароматный яд капал с подбородка. Удерживаемая обеими руками бутылка демонстрировала слабость его воли, потому что уровень текилы опустился на дюйм.

Дюйм за дюймом он терял бы будущее, мир, надежду, которой в последнее время позволил возродиться в себе, и Том знал, что должен делать: бить бутылкой по лицу, бить, бить и бить, пока она не разлетится на множество осколков, не изрежет в кровь все лицо. Возможно, на этот раз крови будет больше, она вытечет быстрее, и он наконец-то распрощается с жизнью.

Но он был трусом, слюнтяем, ярость и ненависть к себе не придали ему сил, а парализовали.

Дверь номера мотеля открылась, вместе с дневным светом в номер влились крики. Крики и рыдания одновременно, самые ужасные и отчаянные крики, которые когда-либо доводилось слышать Тому.

Залитый солнечным светом, на пороге стоял семидесятилетний старик в кардигане, тот самый, который, сидя за регистрационной стойкой, пожелал ему приятного отдыха. За ним виднелась женщина с мобильником в руке.

Ни старик, ни женщина не кричали и не рыдали, и только тут Том понял, что это *он* издает эти ужасные крики — вопли душевной боли, горя и презрения к себе.

Том попытался предупредить старика, что его ярость может выплеснуться наружу, что при очередном помутнении он может разбить бутылку о доброе лицо старика и перерезать осколком его яремную вену.

И действительно, в голове Тома помутилось. Но в себя он пришел, уже сидя на кровати, без зажатой в руках бутылки текилы.

Бутылку держал старик, наворачивал на горлышко пробку. Потом поставил бутылку на комод.

Том больше не кричал — только рыдал.

Старик повернулся к здоровяку. Положил руку ему на плечо.

— Я никогда не бывал на твоём месте, сынок. Но, возможно, если мы об этом поговорим, я смогу помочь тебе выбраться оттуда, где ты сейчас находишься.

ГЛАВА 59

Пол Джардин хотел снимать показания два часа, но уже через пять минут Грейди взбунтовался.

— Это чушь собачья. Даю вам полчаса. Постарайтесь уложиться. Если получаса вам мало, подавайте на меня в суд, и я приложу все силы, чтобы процесс был открытым.

Когда Джардин начал зачитывать статьи закона, по которым гражданина могли привлечь к уголовной ответственности за отказ сотрудничать с Министерством

национальной безопасности после получения гарантий судебной неприкосновенности, Грейди закрыл левый глаз, чуть прищурил правый, словно целясь через оптический прицел. Он прошептал: «Чейтэк М200»¹ — эту модель снайперской винтовки больше всего любили в армии.

Джардин понял. Какие-то мгновения оценивал мастерство Грейди и его репутацию. А потом заместитель директора явно сбавил напор, предпочтя более мягкий стиль допроса.

Когда они закончили, Грейди достал из холодильника две бутылки пива и, выйдя на крыльцо, присоединился к Камми и притихшему Мерлину. Она сидела в кресле-качалке, наблюдая, как еще четверо ученых выгрузились из вертолета представительского класса в конце Крекер-драйв.

— Спасибо, — она взяла пиво. — Уже закончили?

Грейди сел в другое кресло.

— Люди думают, что становятся больше, обрета власть, но на самом деле власть вытаскивает наружу шкодливого мальчишку, который сидит у них внутри, и становятся они только меньше.

— Ты когда-нибудь бывал в Мичигане?

— Да. И его это очень интересовало.

— И что, по-твоему, произошло в Мичигане?

— Что-то. Мы знаем, что по масштабу куда крупнее, чем Загадочный и Тайна.

— Ты говорил мне, что служил в армии, — нарушила долгую паузу Камми, — но больше ничего не рассказывал.

— Я ушел в армию в восемнадцать лет, после того, как моя мать умерла от рака. Думал, все лучше, чем эти горы.

— Есть причина, по которой ты не хочешь об этом говорить?

— Нет. Разве что разговоры об армии улучшают мне настроение. А я не хочу, чтобы у меня улучшалось настроение.

— Ты действительно можешь убить человека с тысячи ярдов, как и говорил Джардин?

— И даже дальше. До двух с половиной тысяч. Снайперская винтовка комплектуется различными прицелами. Если говорить о «Чейтэке», то она может стрелять патронами калибра 498, 419 и 305. Один из этих патронов подходит для решения такой задачи.

— И где ты стрелял?

— Главным образом в Афганистане. Случалось, и в Ираке. Уничтожал террористов, массовых убийц. Они даже не знали, что взяты на мушку. Ловишь их в окуляр прицела, потом убиваешь. Пока идет война, это самый гуманный способ убийства. Снайперы не вызывают потерь среди мирного населения.

— Совсем не похоже на работу мебельщика.

— Совсем не похоже ни на что.

— Я слышу горечь?

— Мой лучший друг. Марк Пипп. Мы вместе служили. У наших противников тоже есть снайперы. Они выслеживали нас, когда мы выслеживали их. Марк получил пулю в шею. Этого могло бы и не случиться.

— Так почему случилось?

— Один стремящийся постоянно привлекать к себе внимание американский сенатор раздобыл фотографию детей и женщин, убитых в какой-то афганской деревне. Марк... он попал на фотографию со своей винтовкой. Сенатор несколько не сомневался, что, убивая, мы ловим кайф. Даже не попытался разобраться, что к чему. Назвал фамилию Марка прессе, потребовал его судить. Этих людей убили талибы, мы только нашли тела.

— Конечно же, Марка не отдали под трибунал.

¹ «Чейтэк М200» — дальнобойная снайперская винтовка, специально разработанная для поражения на больших дальностях «мягких целей» (soft targets, американский эвфемизм, обозначающий людей — солдат противника, преступников и т.п., в отличие от hard targets — «твердых целей», то есть материальных средств, вроде автомобилей и иной техники). Обеспечивает эффективную стрельбу по ростовой мишени на дальности в 2000 метров, гарантируя точность менее 1 угловой минуты.

— Нет. Армия прочистила сенатору мозги, хотя он так и не извинился. Марк увидел свою фотографию в Интернете, в газетных статьях его называли палачом младенцев. Он расстроился.

— Но это же ложь.

— Если бы ты знала Марка, то все бы поняла. Звучит забавно... но кое в чем он напоминал мою мать. Он никогда не лгал — *не мог лгать*. И армия для него так много значила. Он верил, что добро должно быть с кулаками. Он знал, каким без этого может стать мир. То есть по его убеждению сенатор солгал не о нем, а об армии, об этой стране и о людях, которые в ней живут. Такая несправедливость ела его поедом, отвлекала. Если ты снайпер, отвлекаться нельзя. От полной концентрации зависит твоя жизнь. Я видел, что с ним происходит. Думал, что он как-то это переживет. Мне следовало приложить больше усилий для того, чтобы убедить его не отвлекаться. Я этого не сделал. Он потерял бдительность и погиб в двух футах от меня.

— Ты не можешь винить в этом себя.

— Если мы не будем стоять друг за друга, зачем мы здесь?

Перед крыльцом и за домом бюрократы и вооруженные агенты Министерства высшей озабоченности суетились внутри и вокруг своих надувных палаток, спасая нацию от угрозы счастья и радости.

Лежа рядом с креслом Грейди, волкодав иногда поднимал благородную голову, чтобы глянуть на одного или другого проходящего мимо индивидуума. Никто из них не вызывал у него желания повилать хвостом.

— И что мы будем делать с Загачным и Тайной?

— Сохраняй концентрацию. Будь готова действовать, когда появится такая возможность.

— А если не появится?

— Она обязательно появляется, если сохранять концентрацию.

ГЛАВА 60

Сменив туфли на шлепанцы, но по-прежнему в кардигане и красном галстуке-бабочке, Джозеф Юрашалми, подволакивая ноги, обошел стол, раскладывая белые салфетки с вышитым на каждой букетом цветов.

Ханна, жена Джозефа, проверяла готовность овощей в суповой кастрюле, которая стояла на плите. Том впервые увидел ее у двери своего номера. В руке она держала мобильник, готовая вызвать «Скорую помощь» или полицию.

Парочка владела отелем и жила в крошечной квартире, расположенной над офисом. Одна из комнат служила столовой, но Джозеф сказал: «Чем старше я становлюсь — а никто не становится старше быстрее меня, — тем больше я предпочитаю уют. Кухонный стол уютнее».

Проходя по их квартире, а потом сидя за столом, пока пожилая пара готовила обед, Том чувствовал, что он слишком большой, слишком неуклюжий, и ему тут не место. Он недоумевал, как вообще попал сюда, не мог объяснить, почему не подхватил свой рюкзак и не сбежал. Джозеф и Ханна на пару являли собой природную силу, достаточно легкий ветерок, которого, однако, хватило, чтобы доставить Тома туда, где они пожелали его видеть.

Хотя он вымыл лицо и руки в ванной для гостей, Том ощущал себя грязнулей в сравнении с их идеально чистой квартирой. Он, как мог, пригладил пальцами торчащие во все стороны волосы и застегнул воротник рубашки из джинсовой ткани.

Ханна разливала по тарелкам мясной суп с вермишелью, и Джозеф ставил их на стол. Картофель, морковь и лимская фасоль составляли компанию вермишели и мясу. Том уже много лет не ел такого вкусного супа. На второе подали салат-желе с порубленной морковью и сельдереем. Том думал, что салат-желе ему не понравится, но ошибся.

Потом последовали рыбные котлеты с картофельным пюре. На отдельных тарелках лежали ломтики маринованной свеклы и сакоташ¹.

Такой домашней еды Том Биггер не ел лет тридцать. Учитывая, что ежедневно он выпивал больше калорий, чем съедал, ему оставалось только удивляться, что давно сжавшийся желудок сумел вместить все, поставленное на стол.

Говорили главным образом Джозеф и Ханна, но Тому показалось (и это представлялось еще более удивительным, чем способность желудка поглотить столько еды), что он рассказал им, куда идет и что собирается сделать, когда доберется до нужного ему места. Он никогда не открывался перед людьми — до этого обеда.

Том не упомянул об инциденте на обрыве над морем или о койотах. Такое следовало держать при себе до того, как он доказал бы, что сможет завершить путешествие и выполнить порученное ему дело.

За десертом — лимонно-сливочным пирогом — Джозеф предложил отвезти Тома в нужное ему место после обеда. Том с благодарностью раз за разом отказывался. Несмотря на его отказ, пара начала обсуждать наилучший маршрут и вероятную продолжительность пути — два часа, словно Джозеф и Том собирались уехать в самое ближайшее время.

Когда Том озаботился тем, что Ханна останется одна, супруги объяснили ему, что ночной портье, Франсиско, уже сидит за регистрационной стойкой в офисе, а в случае чего-то чрезвычайного подъедет их дочь, Ребекка, которая жила в пятнадцати минутах езды от мотеля.

Том нашел еще одну причину для вежливого отказа, седьмую по счету. Он настаивал, что их желание помочь ему слишком великодушно, но Ханна предложила Джозефу «сказать benthzen и отправляться в путь». Как выяснилось, benthzen — благодарственная молитва, которую произносят после обеда, и, выполнив это поручение, Джозеф двинулся в ванную, примыкающую к спальне, чтобы «поздороваться с матушкой-природой», а Том воспользовался ванной для гостей. Ханна дожидалась их у двери квартиры, обняла каждого, и Том последовал за Джозефом вниз по лестнице. Они пересекли офис, и у дверей уже стоял «Мерседес», сошедший с конвейера тридцатью годами раньше, который подогнал Франсиско. Он же принес из номера рюкзак Тома и положил в багажник, добавил четыре бутылки минеральной воды, на случай, если в пути им захочется пить, и помахал на прощание рукой, когда они выезжали со стоянки мотеля, чтобы взять курс на север.

Том давно боялся впервые переступить порог незнакомого дома, не говоря уж о том, чтобы встретиться за порогом не с тем человеком, но случившееся на площадке отдыха очень уж сильно подействовало на него и заставило перемениться. В сером кардигане и красном галстуке-бабочке, по-прежнему в шлепанцах (потому что «вести в них автомобиль удобнее, чем в туфлях, и, дожив до моего возраста, уже вызывающего зависть Мафусаила, ты поймешь цену удобству»), Джозеф Юрашалми как раз и был тем человеком, воплощением страхов Тома Биггера.

И хотя Том давно лишился чувства юмора, осознание того, что наводящий ужас посланец Апокалипсиса оказался милым старичком, при других обстоятельствах вызвало бы у него смех. Но от задачи, которую ему предстояло выполнить, его более не отделяли десять дней пути на своих двоих. Путь этот сжался до двухчасовой поездки на автомобиле. Десятилетия Том жил трусом, а теперь, когда расстояние до цели быстро сокращалось, он нигде не мог почерпнуть храбрости.

ГЛАВА 61

В комнате, куда весь день заходят люди, чтобы через какое-то время выйти из нее, царит ажиотаж, но голоса зачастую понижаются до шепота.

Свет яркий, но не такой яркий, как свет их появления. И, однако, ночь лучше, с

¹ Сакоташ — блюдо из смеси зеленой кукурузы и лимской фасоли.

большой полной луной и всеми сияющими звездами.

Мужчины и женщины приходят и уходят, некоторые возвращаются, потом возвращаются снова, и всегда появляются и исчезают через одну и ту же занавеску, которая закрывается за ними.

Напротив входа в западной стене — точно такой же в восточной. Но там занавеска закреплена, застегнута на «молнию», и никто не входит и не выходит через этот портал.

Некоторые люди стоят рядом, и смотрят, и принимают протянутую руку, тогда как другие сидят на стульях и наблюдают, надиктовывают свои впечатления или записывают в блокнот.

Иногда они совещаются друг с другом, обычно шепотом или приглушенными голосами. Случается, говорят громче, эмоционально, но злости в этих спорах нет.

Сидящие в клетке Загадочный и Тайна с интересом слушают голоса гостей, музыку голосов, ритм голосов, голосов, голосов.

Вода у них есть, их дважды покормили. Все хорошо, все будет хорошо, как и было хорошо с самого их прибытия.

Это время ожидания, и они оба ждут, потому что ожидание — всего лишь признание свойств времени. Иногда медленно, бывает, что быстрее, но, по правде говоря, всегда одинаково, время течет от одного блистательного момента к другому, к тому месту, где они будут чувствовать себя как дома потом, точно так же, как сейчас они чувствуют себя как дома здесь.

В этой комнате, в которую люди приходят и уходят из нее, и наконец они только уходят, и остаются лишь пылинки, зависшие в неподвижном воздухе под ярким светом.

В ночи, что за занавеской, ждет тот, кто впускает всех остальных. От него идет запах одиночества, усталости и сочувствия.

Тихонько, не нарушая тишины, Тайна перемещает застежку «молнии» чехла их матраса, едва слышно щелкают разделяемые зубцы.

В чехле, под матрасом, ее рука обнаруживает предмет, спрятанный там ранее. Лезвие короткое и тупое, конец закругленный.

Когда она увидела этот нож, стоя на стуле и обследуя содержимое очередного ящика, ее внимание привлекло не лезвие, а красивая рукоятка. Сверкающая, яркая, с приятными глазу контурами.

Тайна как раз схватилась за нее, когда ее подняли со стула и сунули в собачью клетку.

Если какая-то вещь дается в руки, значит, на то есть причина. Это Тайна знает.

После того как их помещают в большую клетку в этой комнате, они обследуют свое новое жилище, и причина, по которой им может понадобиться этот предмет с красивой ручкой, становится ясной. Нужна им, правда, не ручка, а лезвие.

Потолок и пол клетки — лотки с низкими стенками. Стенки — рамы со вваренными в них вертикальными прутьями. Рамы соединены болтами со стенками нижнего и потолочного лотков. Каждая рама держится на четырех болтах: по два снизу и сверху.

Теперь Тайна смотрит на Загадочного, Загадочный — на Тайну, без единого слова они приходят к соглашению, выбирают раму и начинают.

Зажав пальцами инструмент, Тайна просовывает руку между прутьями решетки и изгибает в запястье так, чтобы закругленный конец лезвия встал в прорезь, выполненную в круглой головке болта.

В клетке Загадочный большим и указательным пальцами сжимает квадратную гайку, в которую вкручен болт. Его маленькие черные кисти очень сильные, а им требуется сила, чтобы удерживать гайку на месте, когда Тайна начинает поворачивать болт.

Вращающийся болт, неподвижная гайка, витки резьбы, движущиеся по виткам, то и дело раздается скрежет, но очень тихий, практически бесшумный, и мужчина, который стоит на посту у палатки, ничего не слышит.

На последних витках Тайна, отложив лезвие, вращает болт пальцами, чтобы он, разъединившись с гайкой, не упал и не застучал по платформе, на которой стоит клетка.

Болт разъединяется с гайкой, и первая четверть пути к свободе пройдена.

Торопливо, но без излишней суеты они переходят ко второму болту, который начинает поворачиваться. Спокойствие Тайны и Загадочного — следствие их состояния, уникальности положения. Она опирается (он опирается) на высочайший уровень знания, превосходящий все, чему можно научиться, и они знают — все идет от хорошего к лучшему.

И теперь свобода завоевана уже наполовину.

ГЛАВА 62

Вскоре после семи вечера Грейди и Камми инспектировали содержимое холодильника и морозильной камеры, чтобы определиться с обедом: салаты и замороженная пицца, или салаты и замороженные макароны, или салаты и замороженное тушеное мясо, или просто пиво и чипсы.

Обычно Мерлин расположился бы у дверцы холодильника, равнодушный к дискуссии, в надежде определить, остатки какого блюда, которые обязательно перепадут ему после обеда, будут самыми вкусными. Но сейчас он бродил по комнате, нюхал то одно, то другое, и Грейди не сомневался, что он вновь и вновь оживляет для себя запахи, оставленные Загадочным и Тайной.

Когда чаша весов начала склоняться в пользу сэндвичей с сыром, салата из шинкованной капусты и замороженного картофеля фри, в дверь постучали. Чтобы хоть как-то отгородиться от агентов министерства, Камми и Грейди не стали поднимать жалюзи ни на окнах, ни на стеклянной двери, которые Пол Джардин опустил, перед тем как провести их допросы на полиграфе.

Открывая дверь, Грейди предполагал, что увидит очередного агента, вопрос которого вызовет у него неодолимое желание врезать ему в челюсть, но личность гостя крайне удивила его.

— Доктор Вулси. Заходите, заходите. Что привело вас сюда?

— Забота о судьбах нации, — с лукавой улыбкой ответил Ламар Вулси. Закрыл за собой дверь, кивнул Камми: — Доктор Райверс, я Ламар Вулси, но, пожалуйста, называйте меня Ламар.

— Он отец Марка Пиппа, — пояснил Грейди.

— Приемный отец, — поправил его Ламар. — Мистер Пипп умер, когда Марку было три года. Я женился на Эстель, матери мальчика, когда ему исполнилось семь, а уж потом занимался его воспитанием.

— Приятно с вами познакомиться, Ламар. Грейди так высоко отзывается о вашем сыне.

— У него было большое сердце. Не проходит и дня, чтобы я не думал о нем.

— Вы входите в кризисную команду, — Грейди перевел разговор в другую плоскость.

— Не ставь мне это в упрек, сынок. Министерство национальной безопасности делает нужную и важную работу. Просто это не тот случай.

Мерлин встал перед Ламаром, пристально посмотрел на него, прежде чем улыбнуться и завилать хвостом.

Ламар отодвинул от стола стул, сел, принялся почесывать голову волкодава.

— Этот красавец может разом перегрызть горло собаке Баскервилей.

Грейди встречался с Ламаром лишь однажды, одиннадцатью годами раньше, когда, находясь в Соединенных Штатах в перерыве между зарубежными поездками, на неделю приезжал к Марку домой.

— А каково ваше участие в подобных делах? — спросил Грейди.

— Ничего подобного никогда не было. Раньше в кризисной ситуации мне выпадали две роли. Вероятностный анализ — оценка эффективности того или иного ответа на очередной шаг террористов. Сработает ли задуманное, как хотелось, сработает ли вообще или только приведет к обострению ситуации. И выявление некоего порядка в очевидном хаосе.

Камми взяла стул. Поставила его позади Мерлина, чтобы сесть лицом к математику.

— Вы говорите, что ничего подобного никогда не было. Мы с Грейди это поняли, как только впервые увидели Загадочного и Тайну. Но что это, Ламар? Что происходит?

— Конец одного и начало другого.

— Ламар — математик и физик, но он может выражать свои мысли весьма туманно, — предупредил Грейди.

— Когда ученый говорит вам, что «наукой окончательно установлено» в отношении чего бы то ни было, он перестает быть ученым и становится проповедником того или иного культа. Вся история науки свидетельствует о том, что нет ничего установленного. Новые открытия делаются постоянно, и они ниспровергают прежние истины.

— Разве это не очевидно? — спросила Камми.

— Большинство людей склонны верить, что современные им научные теории — правильные, и ученым остается только разработка удивительных новых технологий на основе абсолютного понимания законов природы и механизма их действия. Даже многие ученые оказываются в плену иллюзии, считают, что живут в эру, когда уже открыто все и вся. Они становятся такими яркими приверженцами этой иллюзии, что всеми силами защищают ее от новых открытий, которые, конечно же, необратимо ее разрушают.

Волкодав, которого теперь почесывали и Ламар, и Камми, вздохнул, выражая полнейшую удовлетворенность, но в контексте разговора он словно осудил ученых, о которых говорил Ламар.

— Теория Аристотеля о том, что Вселенная не возникла в результате исключительного события, а существовала всегда, определяла научное мышление в течение двадцати трех веков. Но в начале 1950-х мы открыли, что Вселенная расширяется под воздействием энергии Большого взрыва, который ее и создал. И то, что мы знали в течение двадцати трех веков, оказалось неправильным. Даже в конце девятнадцатого столетия люди верили, что живые организмы могут спонтанно возникать из инертной материи... насекомые, к примеру, из гниющих овощей или навоза. Как нелепо теперь это звучит. И многое из того, во что мы верим теперь, будет звучать столь же нелепо через сто или двести лет.

— Если Загадочный и Тайна символизируют конец одного и начало другого, тогда что заканчивается? — спросил Грейди.

— Дарвиновская эволюция.

— Но она доказана. Окаменелостями.

— Это не доказательство, — покачал головой Ламар. — Дарвин это знал. Он, правда, видел причину в том, что палеонтологи еще не заглянули в нужные места. И предсказывал, что через сотню лет они найдут тысячи представителей видов, развитие которых оказалось тупиковым, потому что природа пошла другим путем. Сто пятьдесят лет спустя не найден ни один.

Когда Грейди пододвинул стул и, сев сбоку от Мерлина, включился в игру, поглаживая широкую спину, Камми попыталась возразить:

— Но саму эволюцию, виды, приспособляющиеся к окружающей среде, изменяющиеся во времени... уж в некоторых случаях окаменелости это точно подтверждают. С той же лошадью, с китом.

Ламар покачал головой:

— Нам говорят — вот окаменелости, показывающие лошадь на разных этапах эволюции. Но связь окаменелостей — *всего лишь предположение*. Эти окаменелости с тем же успехом могут принадлежать разным видам, а не быть ступенями развития одного. Они ничего не доказывают. И предположение, что эти окаменелости расставлены в правильном порядке, доказывающем эволюцию конкретного вида, не может быть подтверждено вещественными доказательствами. Ни углеродный метод, ни любой другой, определяющий возраст окаменелости, не обладает достаточной точностью, чтобы подтвердить этот порядок. Утверждение, что порядок именно таков — всего лишь предположение, а просто предположения не считаются наукой. Поймите меня правильно, я не выступаю в защиту

Бога.

— А в защиту кого вы выступаете? — спросил Грейди.

— Полагаю, я верю в Бога, — ответил Ламар, — но моя вера не имеет никакого отношения к моему мнению в этом вопросе. Дарвиновскую эволюцию я отвергаю прежде всего как математик, и такого же мнения придерживается любой математик, который серьезно об этом задумывался.

— Только помните, что мы не математики, — указал Грейди.

— Формулы я приводить не буду. Все будет понятно и без них. Самая крохотная измеряемая частица времени — не секунда, которую видно на циферблате часов. Самая крохотная измеряемая частица — это время, необходимое лучу света,двигающемуся со скоростью света, для пересечения минимального расстояния на молекулярном уровне Вселенной. Для максимального упрощения предположим, что это миллионная доля секунды. Земле четыре миллиарда лет. Если вы умножите четыре миллиарда на число миллионных долей секунды в одном году, вы получите невероятно большое число, превосходящее число песчинок на всех пляжах Тихого океана.

— Пока я вас понимаю, — кивнул Грейди.

— А теперь подумайте о сложности одного-единственного гена. Он состоит из стольких элементов... или битов информации... что самый маленький червь на земле, который имеет как минимум 256 генов, не мог эволюционировать из одноклеточного организма за четыре миллиарда лет, даже если бы каждую миллионную долю секунды происходила одна мутация.

— Может, возраст Земли больше, чем мы думаем, — предположила Камми.

— Если и больше, то ненамного. Мы наблюдаем и измеряем скорость распространения Вселенной, рассчитываем время Большого взрыва и без труда можем определить дату возникновения Земли. Нашей Вселенной только двенадцать миллиардов лет. Давайте исходить из нелогичного предположения, что Земля образовалась в момент Большого взрыва, чего просто не могло быть. Но нашему маленькому червю это не поможет. Двенадцати миллиардов лет все равно не хватит для того, чтобы он эволюционировал из одноклеточного организма при одной мутации каждую миллионную долю секунды.

— Так, получается, что дело не закрыто? — изумился Грейди.

— Именно поэтому эволюционисты ненавидят математиков. И подумайте еще вот о чем. 256 — минимальное число генов, необходимое для того, чтобы поддерживать жизнь и воспроизводство ее самой простой формы. И мы говорим о черве. Подсчитано, что геном человека содержит от тридцати до ста пятидесяти тысяч генов. Если червь не мог эволюционировать за все время существования Вселенной, сколько сотен и тысяч миллиардов лет должны уйти на нашу эволюцию?

— Загадочный и Тайна. Они не созданы в лаборатории, — твердо заявила Камми.

— Не созданы, — согласился Ламар. — Человечество никогда не создавало новую форму жизни и никогда не сможет это сделать. Мы можем улучшать тот или иной вид. Модифицировать его, но не создавать. И наши Загадочный и Тайна... они — новый вид.

Возможно, почувствовав, что люди потеряли к нему интерес, Мерлин закружил по кухне, обнюхивая пол в поисках запахов своих новых друзей, которых ему так не хватало.

— Так откуда они взялись? — спросила Камми.

Ламар пожал плечами:

— Исходя из сугубо материалистической точки зрения, их неожиданное появление предполагает существование некоего механизма, кардинально отличающегося от эволюции через естественный отбор. В кембрийском периоде на протяжении каких-то пяти миллионов лет появилась сотня новых филумов¹, тысячи видов. Насколько нам известно, они могли постепенно появляться все эти пять миллионов лет... или в один момент. Ни один новый филум больше не появился. Ни один новый филум не эволюционировал. На сегодняшний день остается тридцать филумов, остальные исчезли. А теперь, возможно, их стало тридцать один.

¹ Филум — первичный раздел в классификации животных и растений.

— Так вот о чем вы толкуете! В какую-то минуту Загадочный и Тайна не существовали... а в следующую появились? — спросила Камми.

— Я — математик и ученый и изложил вам материалистические соображения по части происхождения этих двух удивительных существ. Чтобы дать ответ, не противоречащий здравому смыслу, мне придется сойти с позиции материалиста и обратиться к интуиции, к знанию, с которым мы рождаемся и от которого, похоже, пытаемся убежать всю жизнь. Т.С. Элиот¹ писал: «Ты знаешь только то, чего ты не знаешь». А я не знаю следующего — откуда появились Загадочный и Тайна и почему они появились здесь. Но я верю, что в один момент они были инертной материей, или даже не материей, а только идеей, существовали как мысль... мгновением раньше не дышали, а в следующее — задышали.

Шум привлек их внимание к открывающейся двери черного хода.

ГЛАВА 63

Из клетки — на стол, со стола — на пол, Загадочный и Тайна спускаются, не боясь, что их снова схватят или им причинят вред. Они верят в дарованный им разум и в заключенный с ними договор.

Потом к закрытому порталу в восточной стене комнаты, через который никто не входит и никто не выходит. Этот путь закрыт на «молнию», застёжка которой лежит на полу. Тайна тянет ее наверх, и стена становится дверью.

Вместе с Загадочным она выходит из яркого света в ночь, в слабый лунный свет, точно так же, как днем раньше они вышли из бесконечности в конечное, из безвременья — во время. Она ничего не помнит о том, как была создана, но внезапно она существует и ее переполняет радость. Она здесь по какой-то причине, и ее жизнь во времени должна быть прожита правильно, чтобы она вновь смогла жить вне времени. Это Тайна знает.

На всех четырех они торопливо обегают то место, где сидели в клетке, бегут по траве, где недавно играли, к ступеням и двери.

Они бы постучали, но дверь не заперта. Они входят из темноты в свет, где их радостно приветствует бесстрашный, добродушный пес. И трое людей резко поднимаются со стульев, Камми, Грейди и еще один человек, который плакал, когда пожимал их руки, протянутые между прутьями решетки.

Тайна подходит к Камми, чтобы отдать ей предмет с коротким лезвием, который она использовала, чтобы вывернуть болты в клетке. Камми падает на колени. Она полна милосердия, светится им, но где-то внутри таится грусть. Тайна это знает.

И когда Камми берет предмет с лезвием, Грейди говорит: «Это старый сырный нож моей мамы. Ей очень нравилась рукоятка в форме Санта-Клауса».

Наслушавшись разговоров столь многих людей, слушая их очень внимательно, Тайна уверена, что пришло время переходить на новую тропу, делать новый шаг, как теперь будет всегда. Она смотрит на Загадочного, и Загадочный смотрит на нее — да, время пришло.

И Тайна говорит, обращаясь к Камми:

— Ты чистая. Такая чистая, и хорошая, и прекрасная. Ты — сильный, сильный свет.

Часть третья ЖИЗНЬ В СМЕРТИ

ГЛАВА 64

¹ Элиот, Томас Стернз (1888-1965) — американско-английский поэт, драматург и литературный критик, представитель модернизма в поэзии.

Поворотный пункт в истории науки и человечества, уход одной великой теории и постепенная разработка другой — это нечто, величайшее событие, но в тот момент, когда Тайна заговорила, оно стало сущей безделицей, и даже слово «неповторимость», которое часто используют ученые, описывало тот момент далеко не в полной мере.

Фразы, произнесенные Тайной, потрясли Камми ничуть не меньше самого факта, что Тайна заговорила. Голос существа ласкал слух, нежный голос ребенка, а удивительные глаза Тайны, казалось, могли видеть сердце Камми, как ребенок иногда видит правду, которую взрослые намеренно скрывают от себя.

Когда и Загадочный обратился к Грейди таким же мелодичным голосом: «Пожалуйста, не бойтесь. Мы никогда не съедем вас, пока вы будете спать», — время пошло, и они определились с тем, что делать дальше. Никакой дискуссии не потребовалось: Камми, Грейди и Ламар в один миг пришли к выводу, что не могут позволить Полу Джардину и Министерству национальной безопасности держать этих существ взаперти, отгородив от остального мира.

Они стали свидетелями события не века, а, скорее всего, тысячелетия. Будущее человечества, дороги, по которым оно пойдет, выбор, который сделает, зависели от этого события в намного большей степени, чем кто-либо мог себе представить. И никто, ни чиновник, ни король, ни государственное ведомство, ни правительство, не имел права утаивать эту новость от всего человечества.

Они не могли спрятать этих существ здесь и не могли пуститься с ними в бег. Потому что преследование продолжалось бы до тех пор, пока Загадочный и Тайна не вернулись бы к Джардину. Он располагал неограниченными возможностями, и у него был лазерный полиграф.

— Ученые сейчас на обеде в столовой, — отметил Ламар. — Потом они проведут еще час в общей дискуссии. Если охранник у палатки не заглянет в нее и не обнаружит, что клетка пуста, у нас есть пара часов до того, как поднимется тревога.

— Нам отсюда не уехать, — Грейди насупился. — Нас увидят агенты, которые дежурят в домах по Крекер-драйв. Плюс блокпост на пересечении с шоссе. Если мы не остановимся, если попытаемся прорваться, думаю, они прострелят нам колеса, *как минимум колеса*. Если мы поедем через луг на внедорожнике, они нас услышат, при такой луне даже увидят, и отрежут нам путь.

Они не могли воспользоваться ни телефонами, ни устройствами для передачи текстовых сообщений, ни Интернетом. Да и потом, те, кто не видел Загадочного и Тайну вживую, едва ли поверят в их существование.

— А если нам уйти пешком? — спросила Камми. — Какой у нас ближайший дом? Макдермоттов?

Грейди покачал головой:

— Две мили по пересеченной местности, крутые склоны, опасность оползней.

Загадочный и Тайна сидели по обе стороны Мерлина в позе луговых собачек, положив руки на его спину. Все трое слушали больших, с бесшерстной кожей людей, склоняя голову то в одну, то в другую сторону.

— Дом Карлайтов в полутора милях, — продолжил Грейди. — Дойти можно по оленьим тропам, проложенным в лесах и по лугам, за которыми начинаются их поля.

— Джим и Нора Карлайт? Я занималась их лошадьми. Они хорошие люди и умные. Увидев Загадочного и Тайну, они поймут, каковы ставки, и позволят нам воспользоваться одним из их автомобилей. Уж там мы можем не опасаться охранников и блокпостов на дороге.

— Я лучше останусь здесь, — предложил Ламар, — задержу их, насколько смогу. А потом запутаю и направлю по неправильному пути. Создам хаос, вот что я сделаю.

— Нет, — покачал головой Грейди. — Джардин знает о моей службе в армии, знает о моей дружбе с Марком, поэтому теперь ему, скорее всего, известно о том, что мы знакомы. Так вы состаритесь и умрете за решеткой. Наилучший для вас вариант — оставаться с нами.

Пока мы с Загадочным и Тайной не покажемся перед телекамерами, где бы это ни произошло.

— А мои туфли? Я смогу идти с вами в этих туфлях, они не будут нас тормозить?

— Это же «рокпорты»?¹ Едва ли у вас возникнут проблемы. Мы не собираемся лазать по горам, просто прогуляемся по лесу.

— Я не отношусь к любителям прогулок по лесу, но буду стараться изо всех сил, чтобы не отстать от вас.

— Между нами и лесом выставлены охранники?

— Да, — ответил Ламар. — Определенно.

— Мы узнаем, где они, — уверенно заявила Тайна. — В темноте мы видим все, до самого дна ночи.

Грейди повернулся к Камми:

— Я только возьму куртку. Надень на Мерлина ошейник. И нам понадобятся фонари, когда мы углубимся в лес, где кроны деревьев не пропустят лунный свет. Мерлин нас поведет. Он знает, куда идти, этот маршрут — один из его любимых.

Камми тоже надела куртку, потом ошейник на Мерлина, прицепила поводок.

Стоя у двери, готовясь ее открыть, Ламар Вулси повернулся к Грейди и Камми:

— Жалко, что нет времени сделать вероятностный анализ вашего плана. Но у меня появилось неприятное предчувствие, что закончится все хаосом.

— Все ведет, куда должно вести, — ответила ему Тайна, — и все будет хорошо, если мы сделаем то, что правильно.

Ламар кивнул:

— Раз ты так говоришь.

— Она так сказала, — подал голос Загадочный. — И она права. Никогда не бойтесь будущего. Что бы ни случилось, будущее — единственный путь назад.

Их умение говорить по-прежнему изумляло, и Камми жадно ловила каждое слово.

— Единственный путь куда? — переспросила она.

— Назад, в то место, которому мы навечно принадлежим, — ответил Загадочный. — Будущее — единственный путь из времени в вечность.

Грейди вернулся с тремя фонариками.

— Все готовы? — спросил он.

— Абсолютно, — ответил Ламар. — Тренер только что дал нам установку, так что мы рвемся в бой. Я проверю дорогу.

Ламар вышел на заднее крыльцо, оставив дверь открытой, и через мгновение махнул рукой, предлагая им последовать за ним.

ГЛАВА 65

В тесном кабинете Джима Генри Роврой положил ручную гранату на стол, оглядел книги на полках, достал тоненький сборник хайку брата.

Шум на чердаке стих. Тишина Генри нравилась. Но он знал, что постукивание скоро возобновится.

Или попытка примет какую-то другую форму. Его мучитель с ним еще не закончил; и не закончит, пока не вонзят в него ножи, пока не будет вонзать их снова и снова.

Не зная покоя, Генри бродил по дому, туда-сюда, взад-вперед, держа гранату в одной руке и книжку в другой, читая хайку, переворачивая страницы.

Он не знал, с чего у него возникло желание читать хайку брата. Но интуиция

¹ «Рокпорт» — компания — производитель обуви из США, основанная в г. Мальборо, штат Массачусетс, в 1971 году Саулом и Брюсом Кап. В настоящее время продолжает производить обувь и управляет собственной сетью магазинов в США и в 66 странах мира. В 1984 году была приобретена компанией «Рибок». В настоящее время оба производителя принадлежат немецкому производственному гиганту «Адидас». Славится высококачественной, прочной обувью, которая продается и в России.

подсказывала, что, возможно, он будет вознагражден за свои труды.

И когда он нашел стихотворение о луне, у него перехватило дыхание:

Падающий лунь —
Каллиграфия в небе,
Когти и клюв.

Обостренная интуиция хорошо послужила ему, и курс логики, прослушанный в Гарварде, позволил быстро оценить сделанное открытие.

Хайку в блокноте на кухне — не новое сочинение. Джим написал хайку задолго до приезда Генри.

А потому речь в хайку не о лунах, которые кружили в небе за несколько мгновений до того, как Генри убил брата. Стихотворение не имело ничего общего ни с убийством Джима, ни с возможным убийством Генри.

Впрочем, он и не верил, что Джим вернулся из царства мертвых, чтобы сочинить хайку и угрожать ему. Генри не был суеверным человеком, и даже погружение в примитивную культуру этих сельских холмов не могло заставить Генри забыть все то, чему его учили в университете. Но, по крайней мере, находка хайку в этой книге подтвердила его догадку, что *мучитель сознательно маскируется под Джима*.

Или это не так?

Джиму не пришлось бы копировать хайку из книги. Он наверняка помнил стихотворение. А помня, понял бы, как его использовать в сложившихся обстоятельствах.

— Нет. Джим умер и даже не стал ходячим мертвяком. Джим, черт побери, мертв, как...

На чердаке кто-то вновь принялся выстукивать какой-то сложный ритм.

ГЛАВА 66

Даже по прошествии тридцати одного года Том Биггер помнил путь домой так же ясно, как если бы покинул дом лишь месяцем раньше. Ольхи кронами накрывали мостовую, такие же старые, как и в его детстве. Он узнал и уличные чугунные фонари, и старинные особняки, отделенные от улицы большими лужайками. Он ходил по этой улице мальчиком, подростком, до того, как стал таким злым, до того, как его разозлили идеологии, которые теперь казались ему безумными. Чужеродными.

Как и некоторые другие, дом его родителей не восстановили, а реконструировали, придав ему большее величие, чем прежде. Тем не менее дом он узнал, и его вид вызвал у Тома не только восторг, но и грусть.

Пришла пора попрощаться с Джозефом Юрашальми, и он принялся подыскивать слова, которыми мог бы выразить свою благодарность.

Но старик, припарковавшись перед домом, повернулся к Тому:

— Ты не знаешь, живут ли они здесь, Том. Прошло столько лет... И хотя мне тяжело это говорить, твоя внешность может не вызвать доверия у тех, кто теперь обитает в этом доме. Если твои родители переехали, новые хозяева могут знать, куда именно, и, думаю, они с большей готовностью скажут тебе их новый адрес, если я буду стоять рядом, когда ты нажмешь на кнопку звонка.

— Вы уже сделали для меня так много. Вам надо ехать домой, к Ханне, она...

— Помолчи, Том. Я — старик, пытающийся сделать *gemuld chesed*, и если ты хочешь помочь моей душе, то перестанешь спорить и позволишь мне это сделать.

— *Gemuld chesed*? Это что?

— Доброе дело, а в моем преклонном возрасте времени для них мне осталось немного. И на этом этапе своей жизни любой старый еврей вроде меня начинает задумываться, а достаточно ли он их сделал.

— Я думаю, что не сделал ни одного, — честно признался Том.

— Ты молод, у тебя есть время. Уж извини, если мои шлепанцы могут покоробить тебя, но давай поглядим, ждут ли тебя мама с папой.

На улице царили тишина и покой, а сердце Тома стучало, как молот. Бок о бок с Джозефом он приближался к парадной двери, с каждым шагом теряя мужество. Он отверг родителей, заявил, что презирает и их самих, и ценности, которые они исповедовали, и по прошествии стольких лет они имели полное право не принять его.

— Ты сможешь это сделать, — убеждал Джозеф Тома. — Тебе нужно это сделать. Я останусь с тобой, пока вы трое не найдете общий язык. Твои родители — люди моего возраста, Том, поэтому я лучше понимаю склад их мыслей, чем ты. Как и их реакцию. Они возблагодарят Бога за твое возвращение и поцелуют тебя, и поплачут, и снова поцелуют, а дальше все пойдет так, будто ты никуда и не уходил.

На крыльце Том глубоко вдохнул и нажал на кнопку звонка.

ГЛАВА 67

С Загадочным и Тайной, которые могли заглянуть на дно ночи, беглецы нашли способ обойти троих охранников, которые несли ночную вахту. Направились к мобильным лабораториям, проскользнули между двумя, а потом вышли на луг. По широкой дуге обогнули задний двор и добрались до тропы, уходящей в лес. Тропу эту Мерлин знал так же хорошо, как в давние времена ломовая лошадь — дорогу домой: по этому пути она могла пройти и без возницы.

Под сомкнувшимися кронами деревьев лунный свет померцал и пропал. Впереди их ждала крошечная тьма. Но Камми знала, что Мерлин хорошо видит в темноте, а у его новых друзей зрение было еще лучше.

На полпути к дому Карлайтов Тайна остановилась, произнесла одно слово: «Медведь», и на какое-то время они застыли в темноте. Вероятно, застыл и медведь, прислушиваясь к ним, но через четыре или пять минут Камми услышала, как он уходит через лес.

После несостоявшейся встречи с медведем они зажгли фонарики и двинулись дальше уже быстрее, не спотыкаясь о корни и не цепляясь за ветки кустов, которые тут и там нависали над тропой.

Выйдя из леса на поля фермы Карлайтов, они увидели призывно горящие окна дома Джима и Норы.

У парадного крыльца кто-то припарковал «Лендровер», которого Камми раньше здесь не видела. Она могла показать Загадочного и Тайну Карлайтам, но не хотела, чтобы они попались на глаза совершенно незнакомому человеку.

А уж когда луч ее фонарика осветил на «Лендровере» номерные знаки Вирджинии¹, тревога ее только возросла.

— Лучше отведи их в гараж за амбаром, — прошептала она Грейди. — Там стоит «Маунтинер» Джима, и я думаю, что ключи он держит под ковриком у водительского сиденья. Загрузи всех и без лишнего шума подъезжай сюда.

— Пойдем с нами, — попытался уговорить ее Грейди.

— Вот что я тебе скажу... я подожду здесь, пока вы не повернете за угол. Потом постучусь. Если с Норой и Джимом все в порядке, мы это сделаем по закону, что гораздо лучше, никто не будет искать угнанный «Маунтинер». Но если что-то не так, мы просто уедем.

ГЛАВА 68

¹ Штат Вирджиния соседствует с Вашингтоном, где расположены все правительственные учреждения, в том числе и штаб-квартира Министерства национальной безопасности, поэтому тревога Камми оправдана.

Еще при свете дня Руди Нимс припарковал арендованный внедорожник в квартале от дома Лиддона Уоллеса. В багажном отделении стояли десять двухгал-лоновых канистр, которые он купил в хозяйственном магазине и заполнил на автозаправочной станции «Мобил». Из-за установленных в крышках канистр предохранительных клапанов в салоне пахло бензином, но для пожара концентрации его паров явно не хватало. Покончив с Кирстен Уоллес и с мальчишкой, он намеревался вернуться ко внедорожнику, заехать на нем в гараж, слить бензин в ванну и сжечь в нем Кирстен.

К дому он подошел открыто, неся в руке папку с зажимом и маленький чемоданчик с инструментом, приобретенный в том же хозяйственном магазине, всем своим видом показывая, что он тут по делу, то ли пришел снять показания электрического счетчика, то ли его вызвали что-то отремонтировать.

Никто его не видел, никто не попался ему на пути, и он воспользовался ключом, полученным от адвоката, чтобы войти через боковую дверь гаража.

Днем охранная сигнализация, исключая проникновение в дом посторонних, не работала. К тому времени, когда Кирстен обычно включала ее, Руди находился бы в доме, спрятавшись в укромном месте, думая о том, как он с ней позабавится.

У Кирстен работали две домоправительницы. Одна уходила в шесть вечера, вторая — в девять. И Руди проявлял предельную осторожность, когда из гаража вышел в комнату-прачечную.

Он намеревался убить домоправительниц, если б столкнулся с ними, пусть даже они его и не возбуждали в отличие от Кирстен. Но если бы Кирстен вернулась домой до шести вечера, как обычно и бывало, и не нашла женщин в доме, она бы поняла: что-то здесь не так. Руди лишился бы элемента внезапности, и ему пришлось бы наброситься на нее, как только она переступила бы порог, прежде чем у Кирстен возникли бы хоть малейшие подозрения.

К счастью, котельная находилась по другую сторону коридора от прачечной. Там стояли два нагревателя воды, один котел, установка для смягчения воды и другое оборудование.

Уоллес говорил, что в котельной прибирались в первую пятницу месяца. А в другие дни в нее никто не заглядывал. Тем не менее Руди забрался за котел, где и устроился в темноте у стены. Даже если бы кто-то вошел по каким-то делам в котельную и включил свет, Руди этот человек не заметил бы.

Мысленно он начал проигрывать все то, что намеревался сделать с Кирстен. Вторая половина дня и начало вечера пролетели так быстро, что Руди удивился, когда властный механический голос охранной системы объявил по динамику в коридоре: «*Перехожу на ночной режим*», — так громко, что Руди ясно расслышал каждое слово через закрытую дверь.

Вторая домоправительница, перед тем как покинуть дом в девять, ставила обед на стол. К этому времени мальчик, Бенни, уже лежал в постели и спал, так что Кирстен могла без помех насладиться трапезой.

Только в этот вечер Руди Нимс собирался ей помешать, да так, как ей не мешали за всю ее жизнь.

Он подождал еще пять минут, прежде чем открыть дверь в коридор, чтобы не сомневаться, что она уже в столовой. Даже в одиночестве она предпочитала обедать там, читая за едой газету, которую раскладывала на большом столе.

Руди Нимс для начала собирался разложить Кирстен на этой самой газете.

Дверь между буфетной и столовой, одну из двух, что вели в столовую, Руди нашел открытой. Кирстен сидела за столом. Спиной к нему.

Светлые волосы она стригла коротко. Элегантность шеи просто зачаровала его.

Руди решил, что, наигравшись с Кирстен, задушит ее. Такая шея...

Он наблюдал, как женщина переворачивает страницу газеты. Отметил изящность кистей. Пальцы длинные, прекрасной формы...

Прежде чем задушить ее, сказал себе Руди, он сломает ей все пальцы, один за другим.

Когда он переступал порог буфетной, под ногой скрипнула половица.

Кирстен повернула голову, еще более прекрасная, чем на фотографиях, и закричала.

Руди рванулся к ней, когда она поднималась со стула. В руке она держала вилку. Подняла ее, будто кинжал, но Руди не испугала. При всей ее быстроте, в скорости реакции Руди значительно ее превосходил. Схватил за кисть и чуть ее не сломал. Кирстен закричала от боли, вилка упала, он отодвинул стул в сторону, начал заваливать Кирстен на стол, на ее обед и...

Руди услышал, как разбилось окно за мгновение до того, как взвыла сирена охранной сигнализации. В удивлении Руди отвлекся, что позволило Кирстен перейти к активным действиям.

Она вновь закричала и бросила ему в лицо стакан для вина. Руди уклонился. И когда стакан разбился об пол, в арке по правую руку появился этот человек, вошел в столовую из коридора, здоровенный мужчина с таким жутким лицом, что Руди на мгновение парализовало.

Овладевая женщиной, Руди предпочитал ломать ее сопротивление исключительно руками, телом, не прибегая к пистолету, ножу, свинчатке. Парень он был крепкий и начинал общение с женщиной с того, что демонстрировал не только свою силу, но и радость, которую доставляло ему ее использование.

При виде этого надвигающегося страшилища, этого творения Франкенштейна, Кирстен издала новый крик. В ужасе попятилась от них обоих.

Руди схватил нож со стола, но это был не стальной нож, а обычный обеденный. Впрочем, и им ударить Руди не удалось, потому что гигантская лапища сомкнулась на его запястье, как совсем недавно его рука сомкнулась на запястье Кирстен. На изуродованном лице сверкали самые жуткие глаза, которые Руди доводилось видеть только в фильмах ужасов и в зеркале, и глаза эти переполняла ярость. Теперь этот человек заломил руку Руди за спину. Все произошло очень быстро, и уже через каких-то шесть секунд после того, как этот монстр ворвался в столовую, Руди (не Кирстен) кричал диким голосом, а когда его запястье переломилось, как запястье маленькой девочки, боль сверкнула перед глазами ослепительной вспышкой молнии. Монстр швырнул его на пол, и ослепительный свет сменился для Руди чернильной тьмой и тишиной.

Руди Нимс пролежал без сознания лишь пару минут. Когда пришел в себя, нападавший стоял над ним, смотрел на него сверху вниз, и Руди не решился встретиться с ним взглядом, отвел глаза, как сделал бы, повстречав бешеного волка, не желая, чтобы тот бросился на него, приняв прямой взгляд за вызов.

Он не увидел Кирстен, зато по столовой ходил седовласый старик в шлепанцах и подбирал с пола вилку, обеденный нож, осколки разбитого стакана для вина. Столовые приборы он вернул на стол, осколки бросил в пластмассовое мусорное ведро.

— Как хорошо, что она еще не налила вина, — сказал старик монстру. — Ковер пришлось бы выкидывать. Ох, ты только посмотри, конские бобы таки размазали по ковру, — он поцокал языком. — Знаешь, Том, я не уверен, что такое яростное нападение можно расценивать, как *gemult chesed*, даже если тебя подвигла на это доброта. Но кто я такой, чтобы судить об этом? Я всего лишь старый пердун, который пытается удержать мотель на плаву и делать то, что правильно, во времена, когда ни первое, ни второе не приносит дивидендов.

Сломанная рука так сильно болела, а старик так расплывался перед глазами, полными слез, что Руди задался вопросом, а не галлюцинирует ли он?

Но вдалеке уже слышался вой полицейских сирен.

ГЛАВА 69

Генри Роврой не мог удержать Джима вне дома. Поэт мог войти через чердак, если б

ему не удалось воспользоваться дверью, мог войти через стену, безо всякого уважения ко мнению просвещенных профессоров и рафинированных ученых, которые отметали саму идею призраков с пренебрежительным фырканьем или смехом. Он контролировал ситуацию, его убитый брат, с этим Генри ничего поделать не мог.

Соответственно, поскольку ручная граната не могла остановить человека, который уже мертв, Генри положил ее в холодильник. Такой странный выбор поначалу поставил его в тупик, но потом он решил, что сделал его на подсознательном уровне: ручная граната вызвала ассоциацию с ананасом.

Смирившись с неизбежным, он убрал все стулья из-под дверных ручек и поставил к столу. Открыв дверь в подвал, постоял на верхней площадке, всматриваясь вниз, где свет горел уже более двадцати четырех часов. Ничего не услышал, но позвал: «Джим?» Не получив ответа, добавил: «Не следовало мне самому убивать тебя, моего родного брата. Лучше б я нанял кого-нибудь, чтобы он убил тебя, а потом убил бы его».

В какой-то момент он увидел женщину, стоящую на крыльце. Поначалу решил, что это Нора, присоединившаяся к Джиму на новом этапе охоты, но, почувствовав его взгляд, женщина повернулась к окну лицом, и он понял, что перед ним незнакомка. Причем привлекательная.

Если привлекательная женщина пришла к нему сама, избавив от необходимости выслеживать ее и привозить сюда, может, напрасно он поставил крест на своей судьбе. Может, это знак того, что Час Мертвого Джима закончился, что худшее позади, что он прошел обряд инициации и может вести сельскую жизнь, что духи земли и боги плодородия, которые правят в этих полях и лесах, дают добро на его присутствие здесь. Если так, он мог начать строительство убежища, чтобы уберечься от хаоса, который готовили для простых смертных сенатор и его друзья.

Он открыл дверь и улыбнулся женщине.

Она нахмурилась.

— Джим?

— Старался быть им, — ответил он.

— Что ты сказал?

— Шутка. День выдался долгим. — Вероятно, она знала Карлайтов, что побудило его отступить на шаг и добавить: — Мы с Норой как раз собрались пообедать. Составишь нам компанию?

Замявшись, она вошла в дом.

— Не могу, Джим. Произошло нечто чудесное и удивительное.

Он закрыл дверь.

— Чудесное точно пошло бы мне на пользу. В такой день хочется поднять настроение. Расскажи об этом мне и Норе.

— Я намереваюсь не только рассказать, — следом за ним она прошла на кухню.

— Нора в картофельном погребе. Я собирался спуститься и помочь ей.

Дверь в подвал он оставил открытой. Внизу горел свет. Его радовало, что все получалось так складно.

— Дело в том, Джим, что мне очень нужно одолжить ваш «Маунтинер».

— Конечно. Нет проблем. Ты помоги Норе принести корзину с картошкой, а я принесу страховой полис, на случай, если ты попадешь в аварию.

— Не нужен мне страховой полис.

— Я знаю, знаю. Но закон требует иметь при себе доказательство страховки, а тебе известно, какой я, — живу по закону.

Если на то пошло, Джим написал стихотворение «Живу по закону», о красоте закона, хотя подразумевался закон природы, а не законы, написанные людьми.

Ссылка сработала. Женщина поняла, о чем речь, и улыбнулась.

— Хорошо, конечно, принеси страховой полис. Закопослушный Джим. Я помогу Норе.

Он наблюдал, как незнакомка спускается по лестнице. И когда она добралась до нижней площадки, крикнул:

— У меня раньше времени начался старческий маразм, — поспешил за ней со словами: — Страховой полис у меня в бумажнике.

Когда Генри спустился вниз, женщина уже добралась до приоткрытой двери в картофельный погреб. Там горел свет.

Волна ужаса прокатилась по телу Генри, и на мгновение он не понял, по какой причине... потом ему все стало ясно.

Незнакомка открыла дверь, вошла в картофельный погреб. Там на полу лежала Нора, первая женщина его запланированного гарема.

— Все-таки я был Джимом, — пробормотал он.

Мысленным взором он увидел себя, в рукавицах Джима, выкатывающего тело Норы из амбара на тачке. После обеда, прошлым вечером. Будучи Джимом. Войдя в роль. Что ж, не зря в Гарварде он играл в студенческом театре.

Гостя, безымянная женщина, широко раскрытыми глазами смотрела на него из ловушки картофельного погреба.

Когда она двинулась к двери, Генри заговорил:

— И Джим. Джим в курятнике. Голый и брошенный в курятник. У меня не было времени кормить кур. Пусть склюют мясо с костей. И могилу придется рыть меньше.

— Джим, что с тобой?

Он посмотрел на свои руки, на чистые ногти, вспомнил грязь, запекшуюся кровь под ногтями. Грязь и кровь появились, когда он надевал перчатки и был Джимом.

«Генри, — донесся мертвенный шепот. — Генри... Генри». И он не решился оглянуться, чтобы увидеть, кто стоит у него за спиной.

Женщина, которая видела, кто там стоит, спросила:

— Кто такой Генри?

— Генри, — ответил Генри, зная, что позади все-таки не стоит ислекванный курами Джим.

— Джим, отойди от двери, — продолжила женщина. — Я уйду отсюда, Джим.

Он надевал перчатки, когда писал хайку в блокноте, а потом ему пришлось вновь мыть руки.

— Я не уверен в том, кто я сейчас, — сообщил он женщине в картофельном погребе. — В Гарварде мне не хватало времени, чтобы уделить должное внимание психологическим дисциплинам.

Она подошла к двери, но он не сдвинулся с места.

— Ты слышишь? Слышишь это постукивание? Слышишь это ритмичное постукивание?

— Нет, — ответила Камми.

— А я слышу. Все время слышу. Это так грустно. Мне хотелось бы держать тебя в картофельном погребе. И тогда все бы у меня было. Но посмотри, что сделал со мной этот сельский мир всего за один день. Я же не такой и никогда не хотел быть таким, а теперь мне совершенно ясно, что прежним я уже никогда не стану.

— Отойди, Джим, — она попыталась оттолкнуть его.

— Сейчас я поднимусь наверх и возьму из холодильника ручную гранату.

Он направился к лестнице. Поднявшись на три ступеньки, оглянулся.

— Хочешь пойти со мной за ручной гранатой?

— Нет, Джим, я подожду здесь.

— Хорошо. Спасибо, что подождешь. Я принесу гранату и для тебя. Мы вместе выдернем чеки в картофельном погребе.

Он продолжил подъем. И огорчился, когда услышал, как хлопнула дверь, которая вела из подвала наружу. Он действительно не хотел умирать в картофельном погребе в одиночестве. Ну, ладно. Не в одиночестве. Там его ждала Нора.

ГЛАВА 70

«Маунтинер» задним ходом выезжал в лунный свет. Не решаясь оглянуться, Камми обежала его спереди, когда Грейди нажал на педаль газа. Рванула дверцу пассажирского сиденья, забралась в салон, но в первые мгновения не могла произнести ни слова.

Ламар сидел на заднем кресле. Составляя компанию Мерлину, Загадочный и Тайна смеялись в багажном отделении.

Камми никогда не слышала, как эти двое смеются. В сложившихся обстоятельствах их нежные, детские голоса звучали зловеще.

Наконец из горла Камми вырвался крик:

— Поехали, поехали, поехали!

Грейди отъехал от дома, а уж потом спросил:

— Что? Что случилось?

— Если б я знала. Джим... он... Я не знаю. Думаю, он убил Нору, ее труп в картофелехранилище.

От этих ее слов смех в багажном отделении разом стих, а Грейди вытаращился на нее.

Через несколько секунд Камми повернулась к Ламару:

— Вы предсказывали хаос, и так оно и вышло. Что теперь? Что ждет нас впереди?

— Всего лишь будущее, — ответила Тайна из-за спины Ламара. — Всего лишь то, где мы должны быть.

* * *

Генри Роврой, он же Джим Карлайт, спустился по лестнице с гранатой в каждой руке.

Нора с широко раскрытыми глазами лежала на полу картофельного погреба.

Он сел на пол рядом со своей невесткой, своей женой.

Вытащил чеку из первой гранаты, но придавил пальцем предохранитель.

По причинам, которые он не мог себе и представить, перед его мысленным взором возник не обнаженный труп Джима, лежащий среди кудахтающих куриц, а сенатор на пресс-конференции, размахивающий фотографией Марка Пиппа и требующий отдать его под трибунал. Эту стратегию предложил сенатору Генри, но базировалась она на неправильной информации, и ничего хорошего из этого не вышло.

Сенатор не уволил его, потому что, по мнению сенатора, ему удалось добиться именно того, чего он и хотел. Сенатор был идиотом.

Теперь перед мысленным взором Генри стояло лицо Марка Пиппа. Он не мог отделаться от этого лица. Он не хотел умирать, думая о Марке Пиппе. Тем не менее так он и умер.

* * *

Грейди гнал внедорожник с максимальной скоростью, какую допускала извилистая дорога, направляясь на юг, в более населенные районы, где холмы светились огоньками домов. До маленького города с собственной телевизионной станцией путь предстоял долгий, но, если их исчезновение еще не заметили, у них оставались неплохие шансы добраться туда.

Они проехали мимо придорожного ресторана. Стоянку забили пикапы, а рекламный щит сообщал о выступлении популярной в округе рок-группы.

Проехав еще четверть мили, они поднялись на холм, а внизу, на перекрестке, увидели блокпост. Грейди затормозил, начал разворачиваться.

— Придорожный ресторан, — предложила Камми. — Там много людей. Это какой-то

шанс.

Когда они вновь поднялись на вершину холма, которую только что проскочили, в зеркало заднего обзора Грейди увидел, что погоня уже началась.

Как только Грейди остановил «Маунтинер» на стоянке придорожного ресторана, Камми выскочила из салона, бросилась к заднему борту, открыла дверцу.

— Вылезайте! Быстро!

Мерлин спрыгнул на землю, парочка с огромными глазами последовала за ним.

Когда вшестером они побежали ко входу в ресторан, Ламар спросил: «Где музыка? Почему в ресторане так тихо?»

Внутри толпился народ, как можно было ожидать, учитывая количество пикапов на автостоянке, но рок-группа не играла, и никто не танцевал. Люди кучковались в баре, слева от сцены и в отдельном банкетном зале, неподалеку от туалетов.

— Тут человек сто, — Камми окинула взглядом зал. — Может, сто пятьдесят. Агенты не смогут арестовать нас всех, не смогут заткнуть всем рот. Пошли. Пора. Тайна, Загадочный, настало время вашего дебюта.

— Господи, — послышался позади голос Ламара, но Камми оглядываться не стала, двинулась дальше между пустующими столиками, следом за волкодавом и двумя чудесными существами.

На сцене взяла с подставки микрофон.

— Пожалуйста, минуточку внимания!

— Микрофон не включен, — подсказал ей Грейди.

Она поискала переключатель, нашла, и ее голос загремел из динамиков:

— Друзья, эй, послушайте меня, я хочу сделать объявление! — В этот самый момент в парадную дверь ворвались агенты в черном, вооруженные автоматическими винтовками. Мгновением позже они появились и из двери черного хода.

Посетители ресторана повернулись к ней. Но половина агентов уже рассыпалась по залу, пугая толпу, тогда как остальные направились к сцене.

Один, поднимаясь на сцену, уже говорил: «Вы арестованы», и Камми услышала, как второй говорит Грейди, что тот имеет право молчать, поэтому воскликнула:

— У вас нет права *заставить нас молчать* !

В возникшем хаосе она слышала, как Ламар что-то ей кричит, и уже когда собралась ударить агента микрофоном, поняла, что он пытался ей сказать: «*Камми, Грейди, посмотрите на экраны телевизоров* ».

В банкетном зале стоял телевизор с большим плоским экраном, второй, поменьше, находился за стойкой. Третий — слева от сцены. Музыка не звучала, люди перестали танцевать, есть и пить, потому что не могли оторваться от экранов.

А на экранах были Загадочный и Тайна.

У Камми отвисла челюсть.

Кто-то прибавил звук на телевизоре с большим плоским экраном, когда место Загадочного и Тайны занял ведущий информационного выпуска.

— Мы сообщаем вам сенсационную новость. Этим вечером происходит что-то удивительное. Что бы ни означало случившееся в Мичигане и появление этой пары в западной Пенсильвании, вероятно, они не одиноки. — Он переговорил с кем-то, не попадающим в кадр, вновь повернулся к камере: — Мне только что сообщили, что мы получили такой же сюжет из Мариэтты, штат Джорджия, и еще три на подходе. И мне говорят, что такое же случилось в Италии... Франции... да, в Италии и Франции. А теперь отправляемся в Мариэтту.

В Джорджии такая же парочка, как Загадочный и Тайна, резвилась на лужайке, а вокруг собралось человек сорок-пятьдесят.

В замешательстве вооруженные агенты попятились от сцены. Камми услышала, как их командир что-то докладывает по мобильнику, но происходящее на экране телевизора интересовало ее больше, чем проблемы Министерства национальной безопасности.

Посетителей ресторана живые существа, конечно же, заинтересовали больше, чем образы на экране. Камми взяла на руки Тайну, Грейди — Загадочного, и они спустились со сцены в зал, чтобы позволить жителям Колорадо поближе познакомиться с новыми творениями, с которыми отныне им предстояло делить этот мир.

Тайна прошептала ей на ухо:

— Ты такая чистая, ты сияешь так ярко, и в тебе больше нет грусти.

ГЛАВА 71

Лысый и сгорбленный, с седыми усами, старик сидел в парке у дома престарелых. В этот сумрачный день он был в солнцезащитных очках. У скамьи стояла белая трость.

Том Биггер сел рядом со стариком.

— И что вы думаете об этих новостях?

— Я слышал их голоса. Будто у ангелов. От их голосов я становлюсь счастливым. Как бы мне хотелось их видеть. Они красивые?

— Да. Самые прекрасные существа, каких мне только доводилось повидать.

— Вчера вечером сказали, что по всему миру их семьдесят тысяч пар.

— Вы слышали утренние новости? — спросил Том.

— Нет. Какие? Моя жена, Мирна, говорит, что нам осталось только узнать об их способности летать. Ты про это?

— Еще один шанс.

— И у меня такое же ощущение. Знаешь, что я думаю?

— И что вы думаете? — спросил Том.

— Один из нас когда-нибудь убьет одного из них, и это будет конец для нас, для нас всех. Это будет конец. Сразу же.

— Вы, возможно, правы, — ответил Том. — А теперь утренние новости. Ученые определили их геном. Знаете, что они нашли?

— Что-то поразительное, — ответил слепой. — Вот на что я надеюсь. Я всю жизнь ждал чего-то поразительного.

— Во-первых, они совершенно на нас не похожи. Совершенно. Но ученые говорят, что их геном целиком и полностью соответствует нашему, не отличаясь от него в самых мельчайших деталях.

Слепой засмеялся. Не мог остановиться. И смеялся так заразительно, что Том последовал его примеру.

Когда оба отсмеялись, слепой спросил Тома:

— Ты видел одного из них наяву или только на экране телевизора?

— Я не только видел двоих наяву, сэр, но я видел, как эти существа входили в этот мир... уж не знаю откуда.

Слепой протянул руку, нашел плечо Тома, сжал.

— Это правда? Ты — свидетель?

— На обрыве над морем, чуть дальше по побережью. Моя жизнь переменилась после того, как я это увидел.

— Расскажи мне об этом. Расскажи мне все, пожалуйста.

— Прежде всего я должен сказать, что там были птицы — воробьи, чайки, какие-то еще, и все они застыли, когда это произошло. Но их заворожило не появление этой пары. Что-то еще. Я почувствовал, что рядом с нами что-то было, что-то такое, чего я видеть не мог, но воробьи и остальные птицы, возможно, могли, и это что-то принесло этих двух существ или помогло им пройти сюда из того места, где они были прежде. Не знаю. Я очень испугался, но при этом ощутил невероятную радость и жажду жизни, чего со мной не было очень, очень давно. И... я изменился.

Слепой какое-то время молчал, потом спросил:

— Ты — мой Том?
— Да, папа. Я твой Том.
— Я хочу прикоснуться к твоему лицу.
— Это не очень хорошее лицо, папа. Я боюсь за маму, если она увидит его.
Из-за скамьи ответила женщина:
— Я его уже видела, любовь моя. Ты прошел мимо меня, чтобы сесть рядом с отцом.
Ты не узнал меня, но я узнала.
Том позволил отцу прикоснуться к своему лицу, и его отец заплакал, не только из-за страданий сына, но и от радости.
Когда Том поднялся и повернулся к матери, он услышал:
— Ты такой красивый, Том. Нет, смотри на меня. Ты — красавец. У тебя божественно красивое лицо.

ГЛАВА 72

Через окно Камми наблюдала, как Тайна и Загадочный носятся с Мерлином по свежему снегу. Если б не черные кисти, черные стопы и черные носы, они стали бы невидимыми.
Забурлила кофеварка, аромат свежего кофе наполнил кухню.
— Я больше не могу их учить, — признался Грейди. — Они меня обгоняют. Поможешь мне?
— Я с удовольствием. Но, вероятно, они очень скоро обгонят и меня.
Он подошел к окну. Положил руку ей на плечо.
— Ночами ты лежишь без сна, думая, что теперь будет... куда пойдет мир, когда они здесь и все переменялось?
Камми покачала головой:
— Нет. Куда бы они ни пошли, они поведут мир за собой, и у меня нет ни малейших сомнений, что дорогу они нам укажут правильную, приведут туда, где мы и должны быть.